

Суть времени

Сергей Кургинян

Суть времени

ТОМ 4

*Философское обоснование
мессианских претензий России в XXI веке*

Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»

УДК 327.56

ББК 66.4(0)

К93

Кургинян С.Е.

К93 Суть времени. В 4-х томах – М.:МОФ ЭТЦ, 2012.

ISBN 978-5-7018-0523-9

Том 4. – 2012. – 360 с.

ISBN 978-5-7018-0527-7

«Суть времени» – это цикл видеолекций Сергея Кургиняна, политического и общественного деятеля, режиссёра, философа и политолога, президента Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр». Лекции транслировались в интернете с февраля по ноябрь 2011 г. на сайтах www.kurginyan.ru, www.eot.su.

Необычный, интеллектуально глубокий и острый, эмоционально окрашенный и несущий яркий отпечаток личности автора, этот цикл лекций вызвал огромный интерес аудитории и стал «стартовым толчком» и одновременно концептуальной основой для формирования виртуального клуба сторонников С.Кургиняна «Суть времени».

В книге «Суть времени» собраны стенограммы всех 41 лекций цикла. В каждой из них – размышления Сергея Кургиняна о сути нынешнего времени, о его метафизике, диалектике и их отражении в ключевых аспектах актуальной российской и глобальной политики. Центральная тема цикла – поиск путей и механизмов выхода из системного глобального общечеловеческого тупика во всех его измерениях: от метафизического до гносеологического, этического, антропологического. И, как результат, тупика социально-политического, технологического и хозяйственно-экономического.

Автор, показывая контуры этого тупика и подчеркивая необходимость понимания всей глубины, сложности и трагичности нарастающих проблем, доказывает, что именно Россия, в силу особенностей своей исторической судьбы, сохраняет шанс на то, чтобы найти и предложить миру выход из тупика. Но реализовать шанс возможно лишь в том случае, если для «критической массы» активных людей с общим глубоким пониманием проблем это станет высшим смыслом жизни и деятельности.

Идеи С.Кургиняна нашли отклик, виртуальный клуб «Суть времени» разрастается в широкое общественное движение «Суть времени». И на наших глазах становится реальной политической силой.

УДК 327.56

ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-7018-0527-7 (т.4)

ISBN 978-5-7018-0523-9

© Сергей Кургинян, 2012

© ЭТЦ, 2012

6 сентября 2011 года

Выпуск №31

Переход к четвертому циклу передач «Суть времени» – четвертому и последнему – произошел с некоторым опозданием, потому что в процесс ворвалось такое живое дело, как школа в Хвалынске.

Вопрос не только в том, что мы просто занимались этой школой, а в том, что те, кто не был на школе, настоятельно нам рекомендовали все-таки ознакомить всех членов клуба с тем, что произошло на школе. Сначала мы знакомили с Манифестом, потом мы знакомили с выступлениями лекторов. Наверное, мы будем продолжать это ознакомление и дальше, но не в передачах «Суть времени», а как-то отдельно.

Поскольку школа была очень большим этапом в жизни организации, во многом, наверное, этапом решающим, то не выложить материалы школы в рамках программы «Суть времени» было нельзя. Но в связи с этим возникла некоторая задержка. А сейчас я начинаю четвертый цикл данных передач.

Я начинаю это делать в довольно сложной политической ситуации, о которой вынужден сказать несколько слов.

События в Ливии – это не мелочь. Это совершенно новый этап в развитии мирового процесса. Вопреки решениям Совета Безопасности ООН, произошло вторжение в Ливию. Там идут бои.

Ситуация в Ливии не имеет ничего общего с тем, что рассказывают мировые масс-медиа, и это вторая черта ливийской ситуации. Никогда раньше не было такого отрыва реальности от виртуальности. Никогда раньше мировые масс-медиа, все-таки гордящиеся какой-то своей объективностью, не превращались так очевидно из средств массовой информации в средства массовой дезинформации. Триполи не взят полностью вторгшимися туда международными силами, а именно о вторжении туда международных сил должна идти речь. Произошло наземное вторжение сил, не имеющих никакого отношения ни к каким повстанцам, как их ни понимай. Но не это главное.

Главное, что события в Ливии не только бросили вызов мировому сообществу, а мировое сообщество не обратило на это никакого внимания – все мировое сообщество, подчеркиваю, включая Россию. И не в том, что это произошло каким-то совсем специальным способом. Дезинформация мира вошла в новую фазу. Стыдно смотреть на то, что показывают средства массовой информации, и никогда с такой наглостью они не осуществляли подмены реальности виртуальностью. Это совершенно новая эпоха. Это какая-то новая культурная норма (или антикультурная – назовите как угодно).

Но есть еще одна черта происходящего. Ну, да, международное вторжение. Ну, да, вошли войска Катара, войска Франции, Англии, десантники SAS – воздушно-десантных войск Ее Величества королевы, не только французский Иностраннный легион, но и одетые под него реальные части французской армии.

Да, все это произошло. И это омерзительно. Омерзительно до предела.

Но ведь кто идет в обозе? В обозе уже в одиночестве идет «Аль-Каида», ливийская «Аль-Каида», Ливийский джамаат (как это ни называйте), ДИМ («Аль-Джамаа ль-Исламийя аль-Мукатилья»). Запутаетесь в этих аббревиатурах, потому что они ничего не выражают, кроме того, что это «Аль-Каида» – та самая «Аль-Каида», которую американцы называли смертельным врагом, истребляли (бен Ладен якобы убит).

И вот теперь «Аль-Каида» выходит на первый план. И это все понимают. Это и израильяне понимают, и европейцы понимают, и американцы понимают. Представитель «Аль-Каиды» окормляет оккупированные территории.

Это наглость неслыханная. Неслыханная! На глазах у всего мира, который пикнуть не осмеливается по поводу того, что происходит. И вот эта неспособность пикнуть – это тест: «Ну, что, ребята, вы действительно хотели свободы? Вы хотели, чтобы был честный разговор о том, что происходит? Чтобы средства массовой информации не врали, а давали правду, да? Чтобы, когда это „Аль-Каида“, так и говорилось: „Аль-Каида“?»

Но вот всего этого нет и в помине.

Все, что именуется словом «тоталитаризм» в их понимании, – все это реализовано на практике. Нет информационной свободы. Нет политической свободы. Нет ничего.

Есть наглый, вышедший за все рамки, гангстерский мировой режим, давящий людей, которые ему не по душе, избредая для этого самые фантастические, лживые, непонятные поводы – на самом деле, с абсолютно очевидными, грабительскими целями. Или в целях международной геополитической конкуренции – это в лучшем случае! И он не брезгует никем. «Аль-Каида» – значит, «Аль-Каида». Вот, пошли!

Некогда был король Идрис с его Сенусийей в Бенгази. Было крупное племя Варфалла, и был такой суфийский орден Сенусийя, который – единственный из всех суфийских орденов – соединялся с ваххабитами. В отличие от других суфиев, которые очень сильно дистанцировались от них, Сенусийя – орден, который объединялся с ваххабитами (тоже не как сахар, а, скорее, как касторка). Но сейчас уже племя Варфалла восстало против «Аль-Каиды», и его давят катарские танки и другие международные силы, просто наматывают мясо на гусеницы в том самом Бенгази, про который говорилось, что он-то будет точкой мира и триумфа операции этих оккупационных войск, прошу прощения, «гуманитарных сил», прошу прощения, «повстанцев». Теперь уже и там раздрай. Значит, уже нет Варфаллы. Нет Сенусийи. Всё это откинуто на второй план.

Только «Аль-Каида»!

Она и американцы. Она и европейцы. Она и «свободолюбивый Запад».

И это с такой наглостью показано, с такой силой брошен этот вызов миру, что Гитлер отдыхает.

Теперь о том, как там все будет развиваться.

Мы должны понять моральную, экзистенциальную цену происходящего. Каддафи – это последний рыцарь мира, последний герой мира, он – последний очаг вот такого сопротивления.

Маленькая страна, очень маленькая, слабая, без регулярной, по сути, армии. Потому что Каддафи слишком много раздал так называемым гражданским силам: децентрализовал, по сути, армию и подменил ее силами самообороны в регионах. Не знаю, правильно он сделал это или нет? Может быть, и правильно, потому что так какое-то сопротивление идет, а в противном случае всю эту армию перекупили бы и слили. В Египте вот была армия, а толку? Это маленькая страна с маленькими вооруженными силами, без поддержки со стороны кого бы то ни было: ни одна крупная держава мира не поддержала Ливию всерьез – одна ведет бой со всем миром.

Бедуины смотрят на то, как летают самолеты над ними – дьявольские изобретения XXI века, тяжелые бомбардировщики, – и говорят: «Ну, смотри, смотри!.. Ты еще не знаешь, что я, на верблюде, с тобой сделаю! Ты только посмей вмешаться в наши внутренние дела!» И это не пустые слова.

Почему?

А потому что это не человечество потребления. Это не человечество, которое я увидел когда-то в Югославии. Для меня сербские братья и вообще Югославия – это самое дорогое впечатление конца 80-х годов, но уже тогда я увидел изъян, фундаментальный изъян – хорошо жили. Уже было такое потребительское общество: «кава», «джус», магазины, прогулки. Западная жизнь.

Когда такая жизнь начинается, можно сказать людям: «Мы вбомбим вас в Средневековье», – и люди настороженно начнут думать, стоит ли сопротивляться, если такая угроза?

Потом их добьют, но вначале у них есть соблазн каким-то образом уклониться от подобной схватки.

А у бедуина этого соблазна нет, потому что бедуин – воин. Он – воин. И для него погибнуть с оружием в руках – это самый сладкий конец жизненной истории. И они будут воевать.

А теперь посмотрим, как будут развиваться события в самом худшем случае.

Предположим, они возьмут Триполи.

С какого-то момента самолеты должны будут перестать бомбить: они не могут бомбить вечно, правильно? «Аль-Каида»? Их, я думаю, человек 900, вряд ли больше. И все остальное отребье, которое они соберут, – это тысячи две-три.

Если Каддафи сохраняет живую силу и уходит из Триполи куда-нибудь в сопредельные государства, в какие-нибудь джунгли, в какие-нибудь края, где он может отсидеться, то что дальше? Как только перестают бомбить и очевидных оккупационных войск нет, он выходит оттуда, где он находится, и просто беспощадно расправляется с тем отребьем, которое устроило все это, прикрываясь американцами и европейцами. Он в своем праве, и это все понимают.

С другой стороны, как и во всех современных войнах, ситуация такова: если ты не можешь уничтожить авиацию противника, то ты не можешь вести регулярную войну. Авиацию побеждает только военный космос. Сама авиация уничтожает вертолеты. Вертолеты уничтожают танки. То, что выше, уничтожает то, что ниже. Это закон современной техники в целом. Я понимаю, что бывают исключения, но в целом это именно так.

Значит, до тех пор, пока эта авиация работает, все остальное, неспособное ее уничтожить, должно отдыхать. Танки превращаются в горелый металл; люди, если они выходят в больших количествах на эту войну, – в горелые куски мяса; здания – в горелый камень. И так далее. Это свойство современной войны – вот этого самого страшного «воздуха», который уничтожает все.

Но когда авиация уничтожила все, что способно шевелиться, включая мирное население (а эти преступники используют, например, кассетные бомбы против мирного населения, вакуумное оружие, все новые военные разработки, они опробуют всё для больших умирительных войн, это такой испытательный полигон военной техники), после этого «птички» адские железные должны улететь, а мерзавцы остаться там. И вот тут начинается другая история.

На африканской земле стоит белый ублюдок (или это отребье, которое он за собой волочет), и он абсолютно уязвим. И любому бедуину в кайф нажать на курок и отправить ублюдка к праотцам. И он абсолютно в своем праве. Значит, их будут щелкать соответствующим образом. А они же уязвимы – ублюдки потребительского общества с накачанными мышцами и чудовищными самолетами. Они же не хотят умирать там в большом количестве, а им придется умирать. Значит, они начинают отползать.

Это вам не Афганистан. Даже не Ирак, в котором, казалось бы, население не самое воинственное. Но уж когда речь пойдет о ливийских племенах, то дело будет швах для тех, кто в это залез: их начнут убивать. И что они будут делать? Они будут всячески истреблять все, кроме «Аль-Каиды», и фактически отдавать район за районом «Аль-Каиде».

В Египте есть такой Аль-Барадеи, очень демократически настроенный дядечка. Был руководителем МАГАТЭ и много еще кем. Европеизированный-европеизированный, демократический до конца. Все считали, что вот теперь с ним будут корешиться американцы, и все будет в шоколаде. Он вначале действительно говорил: «Демократическая революция! Ура! Мы освобождаемся от Мубарака!» Теперь он воеет, просто воеет: «Не надо! Не надо, умоляю вас! Только не это! Не надо! К власти приходят чудовищные силы, происходит что-то ужасное. Остановитесь! Что вы делаете?!» Американские дяди меланхолично смотрят на него: «Мы знаем, что делаем. Спокойно, спокойно. Демократия наступает...» На что она наступает?

Есть два сценария дальнейшего развития событий.

Один – что они тем или иным способом прыгнут сюда сразу. Тогда они должны прыгать мягко и не позднее весны следующего года. Они могут это попытаться сделать. Шансы велики.

Но тут все зависит от развития процесса в России, которое непредсказуемо. Политические факторы, экономические факторы, военно-стратегические факторы – все отошло на второй план. Бал правят слабо формализуемые психологические факторы.

Вот в зависимости от того, как эти психологические факторы сработают (может быть, тогда, когда я буду выступать с этим в интернете, может быть, через месяц, а может быть, через три), американцы примут решение: пытаться им или нет расковыривать тут все сразу уже в 2012 году или в конце 2011-го.

Может это быть? Может.

Если этого не произойдет, то классическая линия наступления будет следующей (ее все понимают): Сирия, Иран, Осетия, Абхазия, Белоруссия, дополнительное направление – Средняя Азия, затем кольцо замыкается. И слабый, опирающийся на криминальный класс так называемой буржуазии властный каркас рухнет.

Естественно, поскольку мы хотим формировать какие-то другие силы и каким-то образом противодействовать этому обрушению, нам важно, чтобы процесс затянулся. В этом смысле невероятно важно, чтобы они завязли в Ливии. И так завязли, чтобы сразу не дернулись в Сирию. Чтобы они совсем завязли в Сирии. (Кстати, я сомневаюсь, что, как бы ни решились психологические проблемы на нашем «Олимпе», мы могли бы отступить от Сирии. У нас там есть интересы, которые не позволяют нам это сделать.) Значит, дальше нужно, чтобы все завязло в Сирии. Если израильяне не совсем идиоты, а мне хочется в это верить, то их задача – помочь процессу завязнуть и в Ливии, и в Сирии.

Дальше все равно будет прыжок на Иран – с непредсказуемыми последствиями для всего Ближнего Востока. И в этом – американское предложение Израилю, при том, что Маккейн, например, уже говорит, что события в Ливии докатятся до

России и до Израиля. Он уже на России не останавливается, он уже говорит об Израиле! Но тем не менее у израильтян такая зацикленность на проблему Ирана, что, может быть, там ситуационное мышление приведет к тому, что они закроют глаза на то, какие последствия для них будут иметь египетские, ливийские и сирийские процессы. Хотя последствия в стратегическом смысле смертельные. Абсолютно смертельные. Никакого Ирана не надо, все будет сделано без него.

Дальше они кинутся на Иран. Там они должны завязнуть на очень, очень и очень долго. И тогда, возможно, вот этот длинный план с тем, чтобы прыгнуть на нас, будет реализован не в 2015-м, а в 2017 году. Но мне почему-то кажется, что процесс будет развиваться гораздо быстрее. Я не могу доказать это никакими аналитическими выкладками, просто какое-то ощущение, что все перешло в галопирующую фазу. И особенно после Ливии.

Страшно смотреть на то, как люди, называющие себя либералами, демократами, ведут себя как элементарные американские пропагандисты. Но что есть, то есть. Вопрос не в них. Вопрос в нас.

И здесь я перехожу к другой теме.

Знаете, процессы, которые развиваются сейчас, не для слаонервных. Если мы хотим каким-то образом на эти процессы реагировать и даже ставим перед собой такие амбициозные задачи, как что-то преодолеть, то придется отказаться от очень много. Прежде всего, от роскоши вести себя так, как это свойственно нам в эпохи раслабухи: ни в чем себе не отказывать, позволять себе все игры «эго», конфликтовать с другими, устраивать всякого рода разборки, которые сопровождали нашу соборность уже 20 лет. Все это можно сколько угодно пытаться делать, но тогда надо точно сказать, что это завершается тем, что все поджимают хвост, а оккупационные войска контролируют территорию (больше ничего не будет) в мягкой или в жесткой форме – это уж как придется.

Для того чтобы это было иначе, надо что-то делать с собой. Не с американскими пропагандистами из либерального лагеря. Предоставим их своей судьбе. У них своя судьба. И они знают,

что делают. Они прекрасно знают, что они на стороне сильного. Они прекрасно знают, что все эти разговоры про Кремль, про патриотические силы – это все водевильное пение. Даже не оперное, а какое-нибудь такое водевильно-опереточное. Не более того. Все это несерьезно. А есть Америка. Она сильна. Она будет всех мочить. И надо быть с сильным.

Господин Радзиховский прямо это в своих статьях говорит: «Зачем мне быть со слабым? Я же знаю, что она все равно выиграет. Я буду с ней». По крайней мере, откровенно.

Сванидзе говорит: «У нас нет ничего, кроме Америки, кроме НАТО. НАТО – это единственная сила, которая может спасти нас от хаоса. Ну так давайте благословим НАТО». И так далее.

«У нас ничего больше нет...»

Но эти люди, как мы видим уже из социологических опросов, из результатов телевизионных голосований, в меньшинстве. Поэтому все время обсуждать, какие они плохие, конечно, можно, но мне кажется, что можно потратить время на что-то более серьезное. Просто возникает вопрос, почему, находясь в таком меньшинстве, они тем не менее так легко, одной левой управляют всеми происходящими процессами.

Потому, что внутри этих процессов поселились все эти демоны регресса: свар, мелких честолюбий, эгоцентризмов, идеологических заморочек, тоже мелких, сформированных за предыдущее десятилетие, ставших уже своего рода несовместимыми субкультурами (для кого-то Ленин – это одно, для кого-то Ленин – это другое). Вся эта энтропия – она и только она есть враг. А также способ внешнего управления, который применяют либероиды.

В провинции в воздухе запах полусна и какой-то внутренней обреченности (люди чувствуют себя обреченными, неизвестно даже, на что), а не силы духа и полной готовности на борьбу. Не включен механизм мобилизации. Ни у кого уже иллюзий нет. Все понимают, насколько отвратительно происходящее. Все всё знают.

В столицах на это накладываются еще какой-то дурной ажиотаж, гон мелких честолюбий и «бизнесового» отношения к политике, ко всему прочему.

Плюс растерянность, стратегическая растерянность. Более 30 лет считалось, что главная стратегия заключается в том, чтобы провести расчленение Советского Союза, выделить Россию, каким-то образом ее изменить под капиталистический формат и ввести ее в Европу.

Что теперь делать правящему классу всему? Ведь под это уже сильно заложились. Семьи на Западе, собственность на Западе. Сегодня другого, альтернативного сценария вообще нет. Это надо понять, насколько это трагично, насколько велика растерянность. Что теперь делать? Всех назад собирать? А это ведь не так просто. И подо что? Под строительство капитализма в отдельно взятой стране? Подо что?

Вот эта стратегическая растерянность имеет не меньшее значение, чем гедонизм, невротическое самоуспокоение, занятость какими-то несущественными мелочами, превращение этих мелочей во что-то очень важное, а всего важного – в ничто. Невротическое же самоуспоение.

Стратегическая растерянность – наверху. Внизу – подавленность, обреченность.

Вот это – враги. С ними надо бороться.

Мы в Хвалынске приняли Манифест, довольно сложный, но ничуть не более сложный, чем для своего времени был «Манифест коммунистической партии», когда существенная часть рабочего класса вообще не умела читать. А он ей был адресован. Почитайте его, он довольно сложный, чисто теоретически.

Мы приняли Манифест, который, по сути, является только концентрированным выражением передачи «Суть времени». Я не стремился в этом Манифесте ни к новым открытиям, ни к тому, чтобы превратить его в программу каких-то конкретных действий. Мы просто создали концентрат, когда в ходе разговора с людьми я понял, что на 29-й передаче люди уже забывают, что там, в 5-й, было сказано. И что для них это напряженный интеллектуальный сериал, но не предмет для собственной и ответственной интеллектуальной работы.

Тогда я решил, что создать вот такой концентрат очень важно и, что важнее всего, ничего, кроме него, не создавать.

Потому что клуб «Суть времени» собрался под эти программы, под находящийся в этих программах материал, под этот контент, как любят сейчас говорить. Если сейчас начать шевелить контент и двигаться куда-то в сторону, то станет ясно, что все, кто собрались под одно, должны будут заново переопределяться, собираются ли они под другое. В этом смысле Манифест – это просто экстракт 29 передач.

И сразу же все делится на людей, которые говорят: «Да, это слишком умно, слишком витиевато, слишком теоретично, слишком высоколобо. Где здесь конкретные действия?» – и все прочее. И на людей, которые говорят: «Да, давайте, давайте еще больше сложности, мы же понимаем, как это все нужно».

Ну, с теми, которые хотят больше сложности, мы и будем разговаривать, удовлетворяя их запрос. А вот с теми, которые говорят: «Давайте-ка попроще и поближе к делу» и все время ссылаются на то, что нужно переходить в режим действий, – вот с ними надо говорить на языке максимально простом, потому что они такие же наши друзья, соратники и уважаемые нами люди, как и те, кто взыскует сложности. Не должно быть между нами никакого разделения. Не должно быть никакого ощущения: «А, вы заговорили о простом – ну так идите вон!» Нет. Никоим образом.

Наоборот, мы готовы всячески прислушиваться к этим требованиям упрощения. Правда, есть такая поговорка, что простота хуже воровства. Но, с другой стороны, я всегда считал, что если самую сложную на свете теорию ты не можешь изложить ученику третьего класса, то, значит, ты сам ее не понял. И только поэтому не можешь ничего сказать, иначе как используя витиеватый язык, нагромождая понятия и так далее.

Итак, я бы хотел сказать о том, что же есть самое главное, к чему сводится на самом простом языке все, что говорилось и в Манифесте, и в передачах «Суть времени». На простом языке это выглядит так.

Жил мужик с бабой и был в нее влюблен. И жизнь была хороша и счастлива. А потом у него эту бабу увели. И баба теперь не его, а какого-то дядечки, который ее спаивает,

растлевают, а баба довольна. Вот и весь сюжет. Что делать мужику? Мужик сидит и смотрит иногда в бинокль на то, как это происходит. И то за помповое ружье хватается, то за бутылку. Вот и все.

Просто баба здесь – это метафора. И речь идет о стране. Была страна наша, а стала их. Вот и все. Между прочим, это прекрасно изложено в символическо-романтической поэтической драме Александра Блока, где есть Арлекин, Пьеро и Коломбина.

*Он ее ничем не обидел,
Но подруга упала в снег!
Не могла удержаться, сидя!..
Я не мог сдержать свой смех!..
<...>
Погрустим с тобой о невесте,
О картонной невесте твоей!*

И тогда для Блока речь шла о России, конечно. О той самой, которую он называл: «О, Русь моя! Жена моя!»

Так что хоть «Балаганчик» Блока, хоть «О, Русь моя! Жена моя!», хоть та образность, которую я использовал только что, все одно: увели, была наша – стала чужая. И неизвестно, что делать. Вот и все.

И понятно же любому, хоть с тремя классами образования, хоть с десятью, хоть с двумя высшими, что хватайся ты за «сайгу» или за бутылку, а ничего не изменишь. Ну, натурально, ничего не изменишь. Что дело-то не в том, чтобы субчика, который бабу увел, приложить, а в том, что с бабой проблемы, а не с субчиком. С ней, с самой, с матушкой. И что-то с ней надо делать. Как-то ее надо вернуть.

Вот управляющая метафора, как любят говорить специалисты по науке. Она же суть ситуации на самом грубом, простом, коротком, мужском языке. Все.

Теперь переведем эту суть на другой уровень.

С каким Арлекином роман-то у этой Коломбины? Роман у нее с Арлекином под названием «капитализм». Увел-то ее

из стойла кто? Капитализм. Почему? Потому что внушили, что ничего другого просто нет и быть не может. И что хошь, не хошь, а надо. А поскольку долго дурили: надо быстренько-быстренько, как получится – хоть по-бандитски, хоть как, но шустренько, а то потом вообще не успеть... Внушили всю эту фигню и сделали, натурально, сделали то, что хотели, – создали этот бандитский криминальный капитализм, этого Арлекинчика. Арлекинчик цапнул Коломбину и поволок ее в свое стойло, где и развлекается. И не кончит развлекаться до тех пор, пока не изведет ее на корню.

Эта проблема – проблема капитализма в России XXI века – имеет несколько уровней.

Первый уровень. Если кто-то хотел провалить капиталистический эксперимент в России – вот эту идею ускоренного построения капитализма, – он, этот «кто-то», сделал всё, чтобы его провалить. Вот всё! Это было сделано наихудшим из всех возможных образом. Чудовищным образом.

Поэтому то, что было в итоге сооружено, это монстр. Я говорю в целом, а есть приличные люди, есть замечательные люди, есть средние люди, есть какие угодно люди с их мотивами, с их страданиями. Я говорю о целом. Арлекин – это не отдельные люди, это класс. Класс как целое – это монстр, натуральный монстр. Отделять его от созданных им институтов – базис от надстройки – бессмысленное занятие. Это единое целое. Криминальный капитализм создал криминальные институты. Криминальные институты вместе с криминальным капитализмом подпитывают друг друга и развиваются по определенной линии.

Все это так называемое «развитие» (я тут слово беру в кавычки) абсолютно несовместимо с жизнью страны. Если это будет так «развиваться» – не будет страны. Ну не будет ее в 2017 году или в 2018-м. Ну нету тут никаких шансов! Все видят, что извращено всё, что только можно. Что это такая вопиющая аномалия, которую даже не хочется разбирать. Но это только первый уровень.

Второй уровень состоит в том, что у России всегда были плохие отношения с капитализмом. Всегда. В силу причин

недоосознанных. Как я уже говорил, в феврале 1917 года капитализм был качеством получше и развивался он в недрах феодализма. И были там приличные люди, о которых все говорили, что у них и капиталы не такие воровские, и меценаты они блестящие, и люди образованные, и производством занимаются. Тыр-пыр, восемь дыр.

Чем это кончилось? Тем, что с февраля по ноябрь этот капитализм проиграл все, что мог. За это время французский буржуа эпохи Великой Французской революции построил новую страну. Здесь – проиграли все, что могли. Во всех вариантах и модификациях. И начался коллапс. Где-то там, на самом дне инволюции, порожденной этим коллапсом, большевики перехватили процесс и начали делать нечто некапиталистическое. Почему? Потому что в принципе капитализм и Россия – две вещи несовместные.

Есть Россия – нет капитализма. Есть капитализм – нет России.

Увел у вас Арлекин под названием «капитализм» Коломбину под названием «Россия»? Так она будет в его стойле подыхать, а вы смотреть на это будете и то за оружие, то за бутылку хвататься: несовместны капитализм и Россия. И Россия это знает.

Поэтому, по большому счету, в метафизическом, экзистенциальном, историческом плане Россия это развитие капитализма пародирует. Юродствует попросту. Гуляет напоследок. Умирает в этих объятиях – не без внутренней сладости. Потому что есть своя сладость в подобном умирании. Не потому, что все хорошо живут, а потому, что вот так – гулять, оказаться без узды.

Когда люди не лишние, они должны работать. И их часто к этому побуждают весьма невежливыми способами, как в эпоху Сталина. А тут можно не работать, если сто с лишним миллионов людей лишние. «Да не работай ты, да подыхай, да спейся ты! Чем быстрее, тем лучше. Да колись ты, как хочешь! Да стреляйте друг в друга. Гуляй, Вася! Ты же не нужен!» Это способ ликвидировать население. Ну, и ликвидируют.

Демографическая катастрофа, культурная катастрофа, катастрофа образования, катастрофа науки и так далее. Ну просто видно так, что не хочется говорить, противно уже говорить, настолько все очевидно.

Что дальше? А дальше мировой процесс. Если все-таки все встали на рельсы капитализма и во всем мире будет развиваться капитализм, то что делать? Если это не так, то есть хоть малейший, но шанс, что «баба» в объятиях этих постонет-постонет, поразлагается-поразлагается, а потом – глядишь! – как-нибудь чего-нибудь и состоится. Но, если это так, – что упорствовать одним, когда весь мировой процесс движется в определенном направлении? До каких пор можно упорствовать? Сколько можно упорствовать и как? Все равно это хрустнет в лапах капитализма.

Итак, если капитализм «в шоколаде», то делать нечего – надо сливать воду. Но в том-то и дело, что он не в шоколаде. И для объяснения этого обстоятельства (почему он не в шоколаде) недостаточно марксистской классической теории. Тут нужно прибегнуть к другим теоретическим инструментам, потому что главная проблема современного капитализма не разрыв производительных сил и производственных отношений, не кризис экономики, финансов и культуры. Все это есть. Главное – нелегитимность. Он потерял такую «мелочь», как легитимность. Он вышел за рамки собственной легитимности.

Что это за легитимность? Это проект «Модерн». Нет у него другой легитимности! Есть вот этот проект.

Россия никогда в пределах Модерна существовать не могла. Ей в капитализме-то больше всего претило то, что если капитализм в виде материальной основы, то Модерн в виде духовной основы. Она этот Модерн не принимала, отторгала всячески. И сейчас отторгает. Модерн и Россия – две вещи несовместные. Все.

Не сказали этого – никогда не пойдем, куда Арлекин увел Коломбину, почему была страна своя, а стала чужая и почему она разлагается. Никогда этого не пойдем. Не пойдем – хоть бутылка, хоть «сайга» – ничего не будет. Ничего.

Значит, нужно глубоко, сосредоточенно исследовать проблему современного капитализма вообще и проблему его легитимности в частности. А это нельзя сделать без того круга вопросов, который мы обсуждали. Нельзя. Не потому, что мы хотим умствовать, – нет другого аппарата. Не выдумал его никто. Это единственный теоретический аппарат, позволяющий ответить на ключевой вопрос: кто увел «бабу»? Куда? В какое стойло? Почему она там разлагается? И что делать? Вот и все.

Ответить на этот вопрос людям, которые специально не тренировались в каких-то изошренных гуманитарных знаниях, очень трудно. Понимаю и сочувствую. Чудовищно трудно, но нужно. Нужно ответить, нужно! Без этого ответа – хана. Полная. Хоть «сайгу» схвати, хоть АКМ, хоть пушкой обзаведись, хоть атомной бомбой – все равно хана! Нужен этот гуманитарный ответ.

И вообще ситуация вот такая. Находитесь вы где-то, стоите на полу в комнате, а тут открывается труба, и вас начинает заливать водой. И вы понимаете, что если этой водой вас зальет до конца... Я помню такую фразу: «Объяли меня воды до души моей...» Вот когда эти страшные гнилые воды зальют до конца, то – хоть вы на школу в Хвалынске высшим классом едете, хоть в раздрызганном «Москвиче» – все равно вам хана, вы в слизь превратитесь.

Нужно каким-то образом уцепиться и вытянуть себя наверх – туда, где этой воды нет. И вот здесь, вцепившись в этот крюк, приподнявшись над ситуацией, начать искать выход. Не приподнялся (назовите это трансценденцией или как угодно) – все. А приподниматься чудовищно трудно. И нормальный человек в нормальной стране и в нормальной ситуации не должен этим заниматься. Не должен! Надо жить и работать в пределах существующего разделения труда, получая свою долю счастья от этой жизни.

Теперь все – нет счастья. Как говорил герой Чехова: «Счастья нет и не должно быть, если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом». Все. Это время кончилось. Шанса на

это нет. Вертеться в этом беличьем колесе достаточно бессмысленно, потому что это хорошо в стабильных обществах. А если общество так нестабильно – что вертеться-то? Вертись, не вертись...

Значит, надо вот так вот себя вытаскивать. И не сетовать на тех, кто умничает (никто не умничает, слышите? – никто, все делом заняты), а вытаскивать себя и понимать, в чем суть проблемы – суть времени.

За это время люди обвешали себя (особенно люди любимого мною старшего поколения) всеми веригами элементарных форм непринятия происходящего. Это хорошо, что они его не принимают. Это замечательно, что они его не принимают! Низкий поклон им за то, что они его не принимают, что у них есть эта стойкость! Но это обветшавшие формы неприятия. Это не то интеллектуальное, теоретическое, а значит, и политическое оружие, с помощью которого можно выходить из ситуации.

Капитализм кончается у нас на глазах. Он бурно, инерционно будет развиваться в Юго-Восточной Азии. Его место займет ухудшенный феодализм, и у нас есть любители звать Россию туда (и тут дело не только в лаптях и крепостном праве, тут дело в вещах похуже). И какое-то время на Западе будет бултыхаться полутехнократическая диктатура, прикрывающая свою полную нелегитимность словом «постмодерн», то есть полным произволом, релятивизмом таким.

Вот и все, что существует на сегодня. Других вариантов у мира нет. Нет возможности вернуть капитализм на Запад. Нет никаких форм легитимации капитализма. Капитализм за рамками легитимности – это фашизм. То, что мы видим в Ливии, – это и есть. Это только первые ласточки. Будет хуже, намного хуже.

Никаких возможностей хоть каким-то образом вцепиться в этот Юго-Восточный (тоже агонизирующий, но не так быстро) регион у нас нет. Мы оказываемся между молотом и наковальней.

Ни одну из живых проблем страны капитализм решить не может. Находится он в так называемой стадии первона-

чального накопления, из которой не хочет выходить. Эту ситуацию я тоже много раз описывал, когда есть криминальное тело и на нем полип, который надо отрезать. Но никто из представителей капитализма не хочет этот полип отрезать и обеспечить выход из первоначального накопления.

Первоначальное накопление – это способ грабежа. Местные грабители сталкиваются с международными. Международные хотят грабить в свою пользу, а местные – в свою. Страна умирает. Нужно сесть в машину и выехать за сотый километр, чтобы это понять.

Возникает вопрос о некапиталистических путях развития России. Есть некапиталистический потенциал – есть шанс на жизнь. Страшный, мучительный, но шанс.

Нет некапиталистического варианта развития – нет никакого шанса.

И отвечать на этот вопрос надо честно. В чем этот шанс, каков он, что он означает...

Очень много вопросов возникает в связи с термином «когнитариат», который вошел в Манифест. Мне это немного странно, но я постараюсь с этого и начать первую телевизионную передачу последнего – четвертого – цикла «Суть времени».

Понимаете, каждый термин сегодня трактуется по-разному. Нет единой канонической традиции использования слова «когнитариат». В принципе, это метафорическое обозначение пролетариата умственного труда. Примерно так его и использовали все ключевые философы, которые этим термином занимались: Дэниел Белл, Элвин Тоффлер и другие.

Итальянские профессора, которые были пионерами в данном вопросе, сначала шли в этой же струе. Потом они начали двигаться в сторону постмодернистов – Гваттари и других – и говорить, что это такой пролетариат информационного общества, зараженный всеми болезнями шизокапитализма. То есть они ушли в сторону.

Для нас, в рамках того, что мы рассматриваем, важно следующее. (И здесь как раз марксистская традиция очень

важна, тем более, что этот термин введен людьми, не только не чуждыми марксизму, но всячески желавшими его развивать.) Есть индустриальная эпоха. Она же эта самая эпоха Модерна. Есть производительные силы, отвечающие индустриальной эпохе. И в пределах этой эпохи есть труд и капитал. То есть те, кто эти производительные силы приводит в действие, и те, кто отчуждает результат, полученный приведенными в действие производительными силами. Пролетарий приводит в действие производительные силы, а буржуа отчуждает результат.

Но производительными силами в эту эпоху являются руки рабочих и машины, с помощью которых рабочие производят вещи. При всей важности умственного труда в эту эпоху, умственный труд еще находится на подхвате, что и делает возможным определение той части общества, которая занята умственным трудом (в том числе столь важным для производства – инженеры, техники, все вкуче), словом «прослойка». Называется ли эта прослойка, как у нас, интеллигенцией или как-то иначе, но это прослойка, это не класс. И об этом в Советском Союзе достаточно много говорилось.

А вот потом у нас без всякого вывода из данного утверждения было сказано, что наука стала непосредственной производительной силой. И никто до конца не понял, сколь масштабными должны быть проистекающие из этого выводы.

Если наука, умственный труд в целом становятся непосредственной производительной силой (не силой, обслуживающей основную производительную силу, сопровождающей ее, а непосредственной производительной силой), то тот, кто уже не руками, а мозгами приводит в действие эту производительную силу, является не прослойкой, а классом. И это фундаментальное общественное изменение! У него абсолютно другая роль в обществе. Этот пролетариат умственного труда, коль скоро умственный труд стал производительной силой, является полноценным пролетариатом, то есть когнитариатом.

Теперь он является тем, кто приводит в действие эту производительную силу и у кого отчуждают процесс труда. Он эксплуатируемый – в условиях, когда основная производи-

тельная сила – наука. Это не снимает с повестки дня значения машин как средства производства вещей, но это постепенно выдвигает на первую роль новый класс, который называют когнитариатом.

Только в том случае, если наука является непосредственной производительной силой, в производственные отношения входит некий субъект, называемый «когнитариат», то есть полноценный эксплуатируемый класс.

Что происходит в России? В СССР на последнем этапе как раз и было сказано, что наука стала непосредственной производительной силой. Но никаких выводов по этому поводу сделано не было. Потому что это означало, что классическая бюрократия должна делиться с интеллигенцией, которая превращается в полноценный новый класс, не благами, которыми бюрократия готова была делиться (под бюрократией я имею в виду политическую номенклатуру), а властью. Но властью номенклатура, то бишь бюрократия наша, абсолютно не готова была делиться ни с кем. И уж тем более с этим новым классом. Который, в свою очередь, себя новым классом не ощущал.

Все, над чем я бился со второй половины 70-х годов вплоть до того, как это рухнуло, это попытка создать внутри данной среды прослойки, пропитанной мировоззрением. Новым мировоззрением, классовым. Этому мешало все: концепция бесклассового государства, классическая концепция диктатуры пролетариата, все остальное.

В итоге, став классом, по сути, в системе производительных сил и оставшись прослойкой по мировоззрению и по всему остальному, интеллигенция и грохнула как себя, так и народ. Она историческую функцию не выполнила. А выполнила, наоборот, функцию антиисторическую. И отвечает, прежде всего, за совершенные ею преступления. Как потому, что именно она (наряду с обывденным мещанством и преступностью) поволокла «Коломбину» в стойло этого «Арлекина», так и потому, что она не осознала себя в новом качестве, чему в существенной степени помешали ее герои – и либеральные (типа академика Сахарова), и консервативные (типа Солженицына). Они все увели данную прослойку от осознания того,

что она уже становится классом, а это мучительный переход из одного состояния в другое.

Номенклатура же не хотела делиться властью с новым классом, не хотела преобразовывать прослойку в этот новый класс, боялась до смерти этого нового класса и имела к этому определенные основания. В итоге она его грохнула вместе со страной. И решила, что лучше она превратится в буржуазию на обломках страны – в паразитарную, криминальную буржуазию, – чем начнет с кем-то делиться властью в обновленном Советском Союзе.

Слабейшим звеном во всей этой системе оказалась именно прослойка интеллигенции, которая должна была преобразовываться в этот новый класс, потому что ее-то и грохнули беспощадно, системно. Она в ту сторону поволокла процесс. Она этот процесс обслужила. По большому счету, она и обслужила ту же номенклатуру, которую привыкла обслуживать, только обслужила самую ее грязную и подлую криминальную часть. Получила свои «30 сребреников» – и после этого в качестве массового слоя или прослойки начала загибаться. И превратилась в самую потерпевшую, самую социально игнорируемую группу в стране. Никто не потерял столько, сколько она, в грубейшем социальном смысле.

Как я много раз говорил, если раньше средний рабочий, водитель, жил в несколько раз хуже профессора, то теперь он живет в несколько раз лучше профессора – не потому, что профессор живет так замечательно, а потому, что профессор просто загибается. И эта самая прослойка, весь этот интеллектуальный субстрат, будет первым уничтожен, если продолжится псевдокапиталистическая оргия. Он не нужен. Ликвидному он не нужен. Ликвидком всячески намекает этому классу, что надо либо валить, либо самоликвидироваться. И все. Небольшая часть встроилась в эти отношения и играет роль некой обслуги, кто-то уехал, все остальные загибаются.

Теперь задача состоит в том, чтобы привнести в эту группу классовое полноценное сознание, что, в принципе, в условиях регресса невозможно и в условиях такой разгромленности этой группы тоже невозможно.

В России XXI века нет когнитариата, равно как не было полноценного пролетариата в России XIX века.

Соответственно, Маркс мучительно думал о том, что будет делать Россия. А Ленин разрубил этот гордиев узел очень просто и абсолютно антимарксистским путем. Он сказал: «Да, полноценного пролетариата в России нет, что поделаешь! Я понимаю. («Развитие капитализма в России» называется – очень интересная книга. Такая современная, что дальше некуда!) Но если даже этого класса нет, а за ним будущее, то надо создать партию этого класса – и тогда создастся класс».

Если бы Маркс что-нибудь такое услышал, он бы пришел в неопиcуемый ужас. Но Ленин не только это произнес – он это сделал. Была создана партия пролетариата, фактически отсутствующего (или крайне слабого и наиболее эксплуатируемого в России – более чем в любой другой стране мира). Была создана его партия. Эта партия действительно создала полноценный пролетариат – полноценный рабочий класс. Вот это-то мы создали с чудовищным трудом. И это сейчас уничтожено.

Если говорить о подобного рода социокультурных технологиях или о подобного рода конструированиях, то сейчас этап такого конструирования возможен. Существует раздавленный субстрат, который в этом раздавленном виде даже проще превращать в класс, чем в идиотски самодовольном, в котором он пребывал в конце советского периода.

Необходима партия когнитариата при полном понимании, что когнитариата нет. И тогда когнитариат будет, и страну удастся вывести за капиталистические рамки, потому что когнитариат и есть локомотив истории в послекapиталистическом варианте развития. Тогда как буржуа есть локомотив истории в капиталистическом варианте развития.

Если для капиталистической фазы легитимацией, оправданием, идеологией, смыслом или «надстройкой» (так говорили марксисты, недооценивая, как я считаю, масштаб проблемы) являлся Модерн, то для послекapиталистического варианта найдено должно быть нечто другое. Другой проект. Ибо ни проект «Модерн», который остается в Юго-Восточной Азии,

как я уже много раз говорил, ни проект «Контрмодерн», ни проект «Постмодерн» нам не светит. Значит, нужен четвертый проект. Наш когнитариат – это субъект. А четвертый проект – Сверхмодерн.

Вот такая пара – субъект–проект – способна (я не знаю, с какой вероятностью – в 1%?) действительно куда-то, к фантастическим новым рубежам, выволочь Россию. И это будет и новая империя (под которой я имею в виду государство, реализующее некий великий проект, вот этот Четвертый проект), и действительная перспектива для человечества, и великое будущее для тех, кто в этом живет. Все это будет.

Шансов на это безумно мало. Поэтому если бы можно было исправить буржуазию и вписаться в какой-то (пусть ублюдочный) вариант капитализма, чтобы выжить, то затеваться под такую судорогу было бы не нужно. Но вся беда заключается в том, что это а) фактически неисправимо и б) не может быть исправимо извне, оно должно быть исправимо изнутри. А я не чувствую ни малейших импульсов, говорящих о том, что кто-то тут чего-то хочет, что какая-то часть класса всерьез думает об этом, при том, что, простите, ей придется думать о такой смешной вещи, как построение капитализма в отдельно взятой стране. За что боролись, на то и напоролись.

Но и об этом речи не идет. Речь идет просто о том, чтобы этот капитализм, не выходя из стадии первоначального накопления, дожрал страну. И после этого умер вместе с ней. Но в той мере, в какой мы хотим, чтобы страна жила, мы не можем допустить этого.

И здесь возникает еще один вопрос к Пьеро или даже целая серия вопросов. Этот Пьеро так и будет «пьерить», хватаясь то за оружие, то за бутылку? Или он способен себя вытянуть на эти новые горизонты, превратиться во что-то другое? Это первое.

И второе. После того, как Арлекин увел у Пьеро Коломбину и сделал с ней, как говорил герой Алексея Толстого, «то, что Содом не делал со своей Гоморрой», этот Пьеро Коломбину любит? Он способен ее любить по-настоящему? Потому что,

только если он способен ее любить по-настоящему, он и может вытянуть себя куда-то вверх. И только вытянув себя вверх, он может спасти Коломбину.

Но поскольку Коломбина заколдована этой мантрой «капитализм», то расколдовать ее можно только сказав о некапиталистических перспективах. И не просто проквашав по этому поводу что-то, а достаточно подробно описав, что это такое, начиная с понятия «когнитариат», и далее со всеми остановками.

Вот этим мы сейчас и начинаем заниматься в последнем, четвертом цикле передач «Суть времени».

13 сентября 2011 года

Выпуск №32

Когда обсуждаешь только злобу дня, то превращаешься в политического прагматика. Возможно, это и не самое худшее в ситуации, когда страна развивается худо-бедно, хоть как-то и когда в стране не происходит совсем уж несовместимых с жизнью процессов. Когда же такие процессы происходят, то политическая прагматика абсолютно недостаточна.

Вот приведенная мной в одной из телевизионных передач еврейская притча про то, что еврей приходит к раввину и говорит:

– Рабби, у меня курыдохнут.

Тот спрашивает:

– Ну, а как ты сыпешь корм?

– Просто так как-то сыплю...

– Ну, а ты сыпь его треугольником. Потом ко мне приходи.

Тот приходит снова, говорит:

– Опятьдохнут.

– Тогда квадратом.

Приходит еще раз:

– Дохнут!

– Ну, тогда кругом.

Приходит опять:

– Вседохли.

Раввин говорит:

– Жаль. У меня было еще столько геометрических комбинаций!

Так вот, в определенных случаях, в определенных странах и в определенных ситуациях прагматика становится способом обсуждения этих геометрических комбинаций. Называется это «что мертвому припарки».

Припарок может быть много. Они могут носить совершенно прагматический характер, но больному от этого лучше не будет. Тут все зависит от болезни.

Мы находимся в обществе настолько больном, что обсуждать его с прагматических позиций бессмысленно. Его нельзя обсуждать только с прагматических позиций.

Необходима теория. Необходимо глубокое понимание сути тех процессов, которые происходят в мире. Необходим анализ тех немногих возможностей, которые существуют для того, чтобы мы вышли из той чудовищной ситуации, в которой мы находимся. И необходимо задействование этих возможностей для того, чтобы больной не умер.

Но если мы занимаемся только теорией и игнорируем то, что происходит в окружающей нас жизни, то мы, опять же, не спасением страны занимаемся. А мы находимся в башне из слоновой кости и рассуждаем о спасении страны. И это тоже недопустимо.

Ровно в той степени, в какой я не могу превратить данную передачу в площадку для обсуждения прагматических проблем (потому что лично я считаю, что большинство прагматических проблем есть обсуждение, как нужно сыпать корм дохнувшим курам: кругом или квадратом?), – ровно в этой же степени я не могу игнорировать практические проблемы совсем, превращая то, что я говорю, в сплошную теорию. Какое-то время уделять политической практике мы должны.

Политической практикой для меня в данном случае является не только и не столько выступление президента Дмитрия Медведева на пленарном заседании мирового политологического форума в Ярославле, сколько реакция на это выступление в средствах массовой информации. И, в частности, в

одном из наиболее откровенных изданий – называется оно «РБК», – в котором отклик о выступлении Медведева в Ярославле идет под следующим заголовком: «Д.Медведев назвал учение Маркса экстремистским»¹.

Серьезное, согласитесь, заявление. Президент России называет учение Маркса экстремистским. Якобы называет. Это же имеет последствия. Мы сейчас обсуждаем соотношение Маркса и Вебера, кому-то кажется, что это возможно, а кому-то – нет. А тут, параллельно с этим, Маркса называют создателем экстремистского учения. Якобы.

Я внимательно посмотрел, что именно сказал Медведев. Ничего подобного он на самом деле, конечно же, не сказал. Сказал он, что есть экстремистские учения о классовой борьбе. И дальше сразу перешел к терроризму, беспорядкам и ко всему прочему.

Есть такие учения. Есть левые экстремисты, которые говорят, что только массовый террор может быть средством классовой борьбы и так далее. Есть левый радикализм, по отношению к которому Маркс очень умеренный ученый.

Я не знаю, что именно имел в виду президент Дмитрий Медведев. Я только хочу разочаровать представителей таких изданий, как «РБК», и сказать им, что президент Дмитрий Медведев не может по определению называть учение Маркса экстремистским. Ну, просто не может. Я понимаю, что каким-нибудь изданиям с определенной направленностью очень хочется, чтобы это было так. Но он, Медведев, этого сделать не может по ряду причин, которые я попытаюсь объяснить «коллегам» (беру данное слово в кавычки).

Первая из этих причин состоит в том, что Медведев неоднократно заявлял, что он политик, который ведет Россию на Запад. Он западник. Он принадлежит к тем российским политикам, которые, с одной стороны, верят в западный выбор, в буржуазный выбор, в демократический выбор России, с другой стороны отстаивают целостность России. В тексте выступления Медведева в Ярославле на одно данное слово,

---

1 <http://top.rbc.ru/politics/08/09/2011/614568.shtml>

которое так привлекло внимание «коллег», есть десятки высказываний Медведева по поводу того, что мы должны сохранить целостность, мы должны защитить единую и неделимую Россию. И т.д. и т.п.

Медведев много раз декларировал именно эту комбинированную позицию: путь на Запад с сохранением целостности, неделимости и пр. И об одном, и о другом Медведев говорит с очень большой страстью.

Так вот, о западничестве. Будучи политиком, ведущим страну на Запад, нельзя назвать учение Маркса экстремистским, потому что Маркс до сих пор является безоговорочным авторитетом... я попытаюсь сейчас навскидку сказать, для какого процента западной элиты... ну, я думаю, для 68–72% западной элиты. Он непререкаемый авторитет в Гарварде, он огромный авторитет в Германии, еще больший авторитет в Великобритании. Нельзя назвать Маркса «экстремистом» или «создателем экстремистского учения», не расплевавшись с западной элитой.

Тут возникает некая очень важная и практическая, и теоретическая развилка, на которой давно уже, как витязь на распутье, стоят наши западники. Они приезжают в Швейцарию к каким-нибудь прокурорам или к кому-нибудь еще (они считают Швейцарию образцовой западной страной), распахивают кабинеты западной элиты, и вдруг видят на стенах портрет Карла Маркса, и начинают, выть прямо как волки на Луну: «У-у-у, опять! И тут висит Карла-Марла! Карла-Марла висит!»

Потому что у нас все сформировалось на гигантском отрицании Маркса как одного из слагаемых советского идеологического поля, советского образа жизни и советского теоретического наследства. Поскольку это все сносилось до основания, то, естественно, сносился и Маркс. Поскольку это все было очень яростно ненавидимо, то, соответственно, ненавиделся и Маркс. И так далее.

Но на Западе-то этот номер не проходит! Тут надо выбирать: являешься ли ты либералом-западником (и тогда ты не можешь быть оголтелым антимарксистом и называть Маркса

«создателем экстремистского учения») или ты являешься кем-то другим – представителем специфической здешней идеологической и политической субкультуры, которой на Запад выхода нет.

Вот эта субкультура, молившаяся на Запад, фанатически преданная ему, евшая с рук Запада, готовая обслуживать Запад, заряжена идейно всем тем, что с Западом несовместимо. Запад принимает ее услуги и отвергает ее как политическую субстанцию, а она до сих пор этого не понимает.

Это является огромной культурной, экзистенциальной, политической, идеологической проблемой.

Человек, который на Западе назвал Маркса создателем экстремистского учения (а ничего такого я у Медведева не прочитал, вообще прочитал не об ученииИ, а об ученииХ, без всякой расшифровки, о чем именно идет речь), выпал из западной элиты. Он не может в ней быть. Это первое.

Второй вопрос – это вопрос о демократии. Запад постоянно говорит о демократии, и Запад требует неких демократических норм от тех, кто становится его партнером. Запад очень остро сейчас реагирует на авторитарные тенденции. Что именно Запад понимает под демократией – это отдельный вопрос. Но есть нормы политического языка. Нельзя на современном политическом языке говорить, чего мы допустим, а чего мы не допустим, не расшифровывая, о каком «мы» идет речь.

Допустить что-то или не допустить может только народ. Если народ завтра решит, что он должен вернуться к классическому советскому социализму и 90% народа проголосует за это, то страна вернется – если она демократическая! – к классическому советскому социализму.

В противном случае, страна должна про себя сказать, что она недемократическая. Она должна отменить выборы. Она должна сказать, что есть не воля народа, а есть воля некоего «мы», которое, будучи подвергнуто расшифровке, тождественно господствующему классу, господствующей группе, узкой господствующей группе. Правильно ведь? Коллеги из демократического, западнического лагеря, правильно?

Тогда надо встать на другие позиции – на позиции классового господства. И разговаривать языком классового господства. Если классовое господство – это содержание, то форма – это авторитарное или тоталитарное буржуазное государство, репрессивное, полицейское, которое действительно может стукнуть кулаком и сказать: «Не допустим, и всё тут!»

В противном случае нужно говорить о том, что у нас есть общество. «Мы постараемся общество в чем-то убедить. Мы что-то обществу расскажем и докажем. Мы адресуемся к его разуму и его сердцу. Но если общество решит иначе, то будет так, как это решит общество». И это вторая проблема.

Наши так называемые западники, во-первых, не хотят принять нормы западного менталитета, западных представлений о том, что есть благо, кто есть авторитеты... Они не могут признать, что на Западе Маркс является колоссальным авторитетом. Являлся и до 2008-го года, а сейчас – так это вообще второй ренессанс марксизма. Они не могут это признать. Они не могут признать, что поскольку есть партия, которая уже говорит в Германии о том, что она восстановит не только социализм, но и коммунизм, то эта партия, если она является экстремистской, должна быть запрещена в Германии. Но поскольку она не запрещена в Германии, то она не является экстремистской. Они не могут смириться с тем, что социал-демократы на Западе, очень и очень многие, молятся на Маркса. И это первая, подчеркиваю еще раз, проблема.

И есть вторая: нельзя говорить «мы». Можно говорить «общество». Вот в чем убедим общество, что общество признает, то и будет. И никуда от этого деться нельзя, если ты демократ. Никуда.

И, наконец, есть третья проблема. Она касается самой классовой борьбы. Надо различать классовую борьбу как таковую и формы классовой борьбы.

Классовая борьба может принимать грубейшие, террористические, экстремистские, вандалистские формы. Она может приобретать характер экономической классовой борьбы, организованной экономической классовой борьбы – и в этом случае организациями, которые осуществляют классовую

борьбу в данных формах, являются профсоюзы. Приравнение классовой борьбы к экстремизму означает запрет профсоюзов. Запрет профсоюзов – это действие Гитлера и вообще любого буржуазного государства, выступающего с позиций оголтелого классового господства.

Далее классовая борьба приобретает еще более сложный характер и превращается из экономической борьбы в борьбу политическую. Тогда, кроме профсоюзов, на политическую арену выходят еще партии социалистической направленности, социал-демократической направленности – как крайние, так и умеренные. И все они говорят о классовой борьбе. Просто классовая борьба принимает другие, как принято говорить (не очень люблю это слово), цивилизованные формы.

За счет чего при этом удается избежать на Западе экстремизма, радикализма и всего остального? За счет политики классового компромисса. За счет того, что нет понятия «мы»: «Вот мы сказали – так и будет».

Есть глубочайший классовый компромисс. Богатый класс (капиталисты) идет на огромные уступки рабочему классу. Предлагая рабочему классу компромисс, как меньшее зло по отношению к острому классовому конфликту, протекающему как в формах буржуазной диктатуры, так и в формах гражданской войны, и так далее.

Рабочий класс на это соглашается.

Буржуазное государство классического образца превращается в социальное государство – государство классового компромисса. Государство становится субъектом классового компромисса, умело осуществляя этот компромисс в условиях относительного благополучия рабочего класса. Это государство может становиться стабильным, и тогда острые формы классовой борьбы исчезают.

Есть другая форма избегания классовой борьбы – это превращение классового конфликта в национальный конфликт.

У нас есть много разновидностей капитализма. И такие, и такие – как с этим раввином, который советовал, как именно сыпать корм курам: квадратом, треугольником, кругом; потом все куры сдохли. Так вот, у нас есть капитализм квадратный,

круглый, и такой, и этакий, с одним национальным лицом, с другим, с множеством национальных лиц, с либеральным лицом, с консервативным лицом и так далее. Можно долгое время морочить голову (как вот этому гражданину, который сыпал корм то квадратом, то кругом), что надо выбирать между различными разновидностями этого капитализма, что есть разновидности плохие, а есть хорошие... И так далее.

Это не отменяет того, что Россия находится в невероятно сложной ситуации. И существует три проблемы, которые никто не может снять с повестки дня.

Первая – это проблема с самим капитализмом в мире.

Вторая – это проблема плохих отношений России даже с самым хорошим капитализмом. Например, с тем, который сформировался до октября 1917 года.

И третья – это проблема качества капитализма, сформировавшегося в России за последнее двадцатилетие, то есть того, что это криминальный капитализм, несовместимый с жизнью страны.

На эти три проблемы придется отвечать. Чем быстрее мы ответим на них теоретически, чем умнее, тоньше и точнее будут наши ответы, тем в большей степени мы сможем избежать экстремизма.

Если борьба бедных за то, чтобы богатые видели в них людей, считались с ними, не говорили с ними на языке социалфашизма и так далее, делились и создавали приемлемые условия в государстве, будет правильно организована и будет цивилизованной борьбой (вновь говорю, что не люблю это слово, но использую его, ибо в этой части данной передачи веду диалог с определенными группами, а отнюдь не только со своими сторонниками)... Если эта борьба будет организована экономически, политически и так далее, то она тогда приобретет цивилизованные, умеренные, вменяемые формы.

В противном случае, она превратится в экстремизм, в погромы, в вандализм, в явление зверя из бездны. И никого здесь нельзя будет упрекать в этом, потому что человека загнали в эту бездну, его превратили в этого зверя, на него не обращали внимания.

Если элита не решает проблем страны, народ, так или иначе, сносит элиту. Поэтому единственный рецепт от чего-либо подобного – это решать проблемы страны, смотреть на них открытыми глазами и решать их по-настоящему.

В противном случае, народ может действовать двояко. Либо он становится на революционный путь (и это как раз путь, сопряженный с меньшими издержками, потому что это пусть и крайний путь, но путь организованной борьбы – любая организованная система всегда вменяемее, чем система неорганизованная). Либо народ просто отступает от государства, которое считает его, народ, лишним, или считает народ дойной коровой, или занимается фактически уничтожением народа, широчайших народных масс. Народ просто отступает, расстается в разные стороны. И тогда страна рушится.

В 1917 году не было революции. В 1917 году случилось совершенно другое. Оно началось с того, что народ чудовищным образом разочаровался во всей элите. Он понял, что элита не решает его проблем. И он стал отступать от государства.

Когда говорят, что русские – один из самых государствообразующих народов мира, государствовдержательных, государственностроительных, то это правда. Это безусловная правда. Но это не вся правда. Это один из самых государствообразующих, государственностроительных, зиждительных в этом смысле народов мира, который дважды в XX веке разрушил свое государство.

Разрушение в 17-м году произошло потому, что проблемы не решались вообще. Как писал поэт, «отгораживались газетами от осенней страны раздетой»...

*Эмигрировали в клозеты
с инкрустированными розетками,
отгораживались газетами
от осенней страны раздетой...²*

---

2 Вознесенский А. Лонжюмо.

Когда отгораживаются газетами от осенней страны раздетой, когда эмигрируют в клозеты с инкрустированными розетками, то народ отступает и государство просто рушится. В этот момент народная жизнь может кончиться вообще или где-то там, в сантиметре от этого падения, какие-то руки могут это подхватить.

Еще и еще раз повторяю: власть не валялась в грязи, из которой большевики подобрали эту власть. Власть падала в грязь. И в одном сантиметре от этой грязи, в которой она бы разбилась на мелкие осколки и никогда больше не было бы у нас ни государства, ни своей социальной жизни, ни своей культуры – ничего, вот в этом сантиметре большевики подставили ладони и подхватили власть. В сантиметре от падения на дно еще можно подхватывать власть. Когда она ударилась и разбилась, сделать нельзя ничего.

Поэтому если правящий класс, господствующая элита не будут обращать адекватного внимания на проблемы страны и решать эти проблемы реально, а перед этим хотя бы называть настоящие, живые проблемы страны, а не жонглировать пустыми словами, то у страны окажется два выбора.

Первый выбор – расступиться. Народ расступается, всё падает. Историческая жизнь кончается вообще.

И вторая проблема – встать на путь революционной борьбы.

Дай бог, чтобы так не произошло. Дай бог, чтобы хватило разума для того, чтоб опомниться вовремя, не уподобиться своим предшественникам по февралю 17-го года и начать решать живые, реальные проблемы.

В противном случае – либо организованная революционная борьба, которая, по крайней мере, вводит процесс в какое-то русло и в которой нет места крайним формам экстремизма и вандализма; либо хаос, чреватый гораздо большими бедами, чем революционная борьба.

Революция всегда страшна. Никогда не надо восхвалять революцию, призывать ее. Всегда надо искать другие методы решения проблем.

Но революция гораздо менее страшна, чем хаос. Потому что после революции народ сохраняется и продолжает историческую жизнь, а в условиях хаоса он исчезает. А ужасы, падающие на его голову в условиях хаоса, стократ больше, чем ужасы, падающие на его голову в условиях революции. Смута страшнее революции. Мы просто забыли это. Мы слишком редко возвращаемся к истории смуты. Мы не понимаем до конца, что это такое. И что такое смута, настоящая смута в ядерной стране в условиях современного мира.

Итак, завершая этот фрагмент данного моего выступления, могу снова коротко сформулировать основные тезисы.

Первое. Маркс не может быть экстремистом и создателем экстремистского учения, потому что, сказавши так, надо расплеваться с большей частью западной элиты.

Второе. Нельзя предопределять народный выбор никогда, не признав, что имеет место глубочайший отказ от демократии, а значит выход из западной же элиты.

Третье. Нельзя запретить классу бедных бороться за свои права в условиях, когда класс богатых может все, что угодно, и наступает на эти права, как угодно. Ведь расслоение произошло не почему-то, а потому, что богатые захапали все. И продолжают захапывать.

Нельзя говорить о том, что классовый конфликт – это плохо, не оговорив, что плохо и то, и другое: и наступление класса богатых на права бедных, растаптывание этих прав, и террористические формы ответа на подобное наступление. И всегда надо смотреть, с чего все началось – где причина и где следствие.

Четвертое. Надо решать проблемы страны, проблемы тяжелейшие. Надо хотя бы назвать в выборный год ключевые проблемы страны. Надо назвать вещи их настоящими именами. Подчеркиваю, хотя бы назвать. Но это упорно не делается. Упорно проводятся какие-то такие мероприятия, на которых вообще ничего нельзя обсудить.

Нельзя обсуждать проблемы России с господином Бжезинским. Проблемы мира – можно, Бжезинский умнейший человек и может много сказать умного о мире. Но проблемы

России с ним обсуждать нельзя, потому что Бжезинский хочет, чтобы России не было. И какие бы мягкие тирады он из себя ни извлекал, находясь в России³, он хочет только этого.

*Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть.*

У него есть эта пламенная страсть: то ли американская, то ли польская, то ли американская и польская одновременно, то ли еще какая-то. Но она же есть!

Значит, нужно создать формат, в котором мы можем обсудить проблемы страны всерьез, пока эти проблемы в необсужденном виде не долбанули нас по голове.

В тот момент, когда Ярославский форум обсуждает вместе с господином Бжезинским некие проблемы, разбивается самолет. Ну да, там известные люди, хоккеисты, тренеры... Но пока это один самолет... А когда эти самолеты будут разбиваться сотнями? А когда начнут уже (упаси бог!) разбиваться не самолеты, а что-нибудь другое? А когда начнут давать сбой объекты тяжелой индустрии, включая атомную? Тогда что будет? Тогда тоже будем рассуждать о том, куда мы вернемся, куда не вернемся? Тогда это обсуждать уже будет поздно!

А к этому дело идет по одной простой причине... Когда-то в советскую эпоху был коэффициент амортизации основных фондов, в среднем равный, если мне не изменяет память, 5-ти процентам (он варьировался от отраслей). Это означало, что за 20 лет надо полностью заменить оборудование на том или ином заводе. Поэтому каждый год надо отложить деньги, отложить деньги, отложить деньги... А через 20 лет (или порциями) менять оборудование. Но за 20 лет его надо заменить полностью!

Как только началась вот эта эпоха обогащения, социального расслоения, эпоха ускоренного построения капитализма et cetera, коэффициент амортизации был фактически отменен. А то, как варварски его сейчас применяют на Саяно-Шушенской

---

³ 3.Бжезинский посетил форум «Современное государство в эпоху социального многообразия», который проходил в Ярославле 7–8 сентября 2011 года.

ГЭС и в других местах, когда все эти амортизации просто уводят начисто, передавая необходимость их осуществления в воровские фирмы, в которых потом концов не найти...

Вот это продолжается 20 лет. А что еще может продолжаться 20 лет? Ну, объясните ради бога! Нам все равно приходится платить нашим рабочим больше, чем китайцам или вьетнамцам. У нас нет столь высокотехнологического оборудования, как на Западе. У нас неблагоприятное, с точки зрения земледелия, географическое местоположение. Откуда эти сумасшедшие прибыли? Что расхищают? Вот эти самые основные фонды: самолеты, железные дороги, автопарк, заводы. Сколько лет прошло этого расхищения? Вдумайтесь! Ну, вдумайтесь, пожалуйста. Это не так трудно! Двадцатилетие, а на самом деле уже больше 20-ти лет!

Если 5% амортизации умножить на 20 лет, то каков износ основных фондов в условиях, когда он к началу перестройки был слишком высок? Каков износ сейчас? Вам не страшно?

И мы будем продолжать этот бал воров, называть его обогащением, отстаивать права богатых, понимая, к чему это ведет? Ведь, может быть, это люди могут терпеть и терпеть (в России терпят долго, хотя, как говорят, русские долго запрягают, но быстро ездят), но машины терпеть не могут.

Значит, с одной стороны, реальность – и в этой реальности падают самолеты. А с другой стороны виртуальность – и в этой виртуальности обсуждаются усложнения современного мира.

Я не против обсуждения современного мира и сам сейчас к этому перейду. Но давайте все-таки каким-то способом сочетать политический прагматизм и теоретизирование. Тем более что те, кто выступает с подобными теоретизированиями на форумах официоза, называют-то себя вообще прагматиками.

Где прагматика?

Россия находится в чудовищном состоянии. Все процессы, несовместимые с жизнью страны, нарастают, причем стремительно. Мы это обсуждать будем? Да, надо решить это все максимально мягкими методами. Но эти максимально мягкие методы могут оказаться очень жесткими.

Но это не может быть решено одним-единственным способом – так, чтобы 30 миллионов в России стали худобедно нужны, а 100 миллионов оказались лишними. Потому что эти 100 миллионов скажут, что они большинство и они не хотят быть лишними. И тогда их надо подавлять или уничтожать.

В любом случае, понятно, что страна, в которой останутся эти 30 миллионов, уничтожив остальных или подавив их, будет абсолютно нежизнеспособна и будет завоевана кем угодно. Хоть Казахстаном – не то что Китаем или НАТО.

Поэтому проблемы-то надо решать сейчас, в ближайшие годы. Когда же называть-то их, как не перед выборами?

Теперь я перехожу к проблемам более серьезным, касающимся Вебера, Маркса, нашего будущего, наших некапиталистических возможностей развития. Я еще и еще раз говорю, что если можно спасти российский капитализм, то его и надо спасти, учитывая три обстоятельства:

- особое состояние капитализма в мире – решающее обстоятельство, обстоятельство № 1;

- трудную совместимость России с капитализмом даже хорошего образца – обстоятельство № 2;

- чудовищное состояние капитализма, сформировавшееся за счет того, что его делали ускоренно, по лекалам Яковлева, Гайдара и других.

Вот эти три обстоятельства сошлись. Это три линии, пересекшиеся в одной точке.

Но кто-то хочет спасти капитализм? Пусть скажет – как, за счет чего? И пусть назовет главную проблему: это первоначальное накопление капитала, которое не хотят прекратить, – слишком комфортно, слишком удобно, слишком желанно для тех, кто хочет только обогащаться. Это прорва. Деньги стали наркотиком. Имея достаточный опыт взаимодействия в среде богатой и супербогатой, я могу ответственно заявить, что ни одна самая богатая семья прожить больше миллиарда долларов не может. Человечеством не найдены способы прожить больше миллиарда долларов. Но идет сумасшедшая гонка за то, будет ли в какой-то семье 17 миллиардов или 22.

Зачем нужно, чтобы вместо 17 миллиардов были 22, если люди хотят просто роскошно жить, непонятно.

Те, кто имеет триллионы долларов, хотят старческими дрожащими руками двигать фишки в мировой игре. Но для этого нужны триллионы. Тут что 17, что 22 миллиарда – фишки в мировой игре не подвинешь, а уж с таким менталитетом, как у нашей элиты, тем более.

Но зачем-то нужно. И ради этого идут на всё, на любую самодискредитацию, на грабеж. Собирают эти деньги, выкачивают их на Запад... Знают, что их завтра заберут с Запада... И все равно выкачивают. И все равно набирают. И это все пухнет, пухнет, пухнет.

Это все называется «оргия первоначального накопления капитала».

Кто-то хочет ее прекратить? Каким способом?

Еще раз вынужден повторить то, что говорил, потому что момент особый.

Есть криминальное лоно, из которого вырастает вот такой вот капиталистический полип. Для того чтобы оргия первоначального накопления капитала прекратилась, нужно отрезать полип от этого криминального лона, нужно каким-то ланцетом провести операцию. И дальше начать трансформировать вот этот капиталистический сгусток (рис. 1).

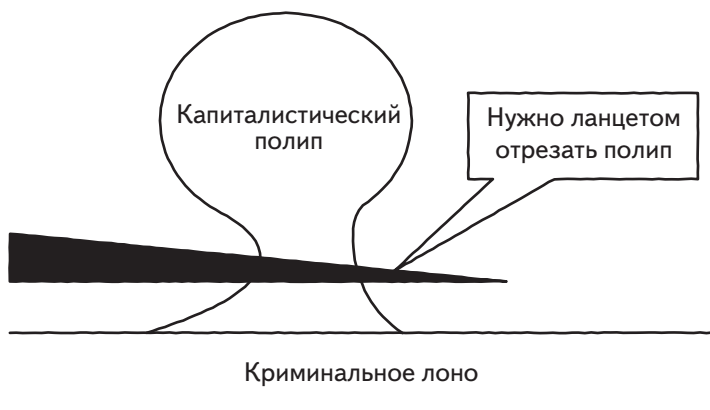

Рис. 1

Кто-нибудь об этом говорит? Кто-нибудь из тех, кто молится на капитализм... Никто! Почему? Потому что не хотят, чтобы этот капитализм был совместим с жизнью страны, и потому что заведомо хотят длить агонию капитализма с тем, чтобы капитализм мог в максимальной степени пожрать страну. И после того, как он ее пожрет, можно было бы развести руками и сказать: «Ну, ребята, а теперь-то уже делать нечего!»

А раз это так, то мы не просто должны, мы обязаны обсуждать некапиталистические, посткапиталистические варианты развития. Во-первых, потому что заканчивается эпоха, когда капитализм мог быть признан исторически состоятельным. Во-вторых, потому что у нас отношения с капитализмом очень плохие в силу определенных особенностей – глубоких, фундаментальных особенностей нашего исторического пути. И, в-третьих, потому что он – такой (см. рис. 1). И никто его другим-то сделать не хочет. Никто ланцетом-то ничего не отрезает.

Когда начинаешь обсуждать перспективы некапиталистического развития России, то сразу же оказываешься на развилке: либо эти некапиталистические перспективы связаны с феодализмом, либо они связаны с чем-то более современным, посткапиталистическим. Потому что феодальные перспективы тоже являются некапиталистическими. И очень часто очень крупные силы в России сейчас, критикуя капитализм, делают свой выбор в сторону феодализма или, как мы говорим, Контрмодерна.

Когда же мы обсуждаем посткапиталистические пути, то мы всегда оказываемся в ряду тех, кто обсуждает это на протяжении последних сорока лет. Мы, конечно, можем начать изобретать всё, что хотим, сами. Но это было бы не только несвоевременно, но и глубоко постыдно. Мы должны разбираться в том, что сказано в мире по этому поводу. А сказано очень и очень много.

Поскольку капитализм отождествляется с так называемым индустриальным обществом, оно же общество Модерна, то, что происходит после капитализма, всегда рассматривается в контексте каких-то других обществ, не индустриальных, а

иных. Используются очень разные термины: информационное общество, меритократическое общество. Еще в последнее время начали обсуждать нетократию – власть сетей.

Мало ли этих теорий? Это такая мозаика из огромного количества теорий, в которых обсуждается, а что будет после капитализма? Ведь не может быть, что капитализм является венцом развития. Мы же уже видим, что это не так.

Так что либо конец истории, как говорит Фукуяма. Либо, если его нет, что-то будет после, и это «после» должно быть более совершенным. Мы не можем двигаться назад.

Либо мы поворачиваем назад в феодализм, и тогда надо честно признать, что это фашизм в тех или иных его разновидностях.

Либо надо двигаться вперед. Куда? За счет чего? Что происходит? Что в этом движении дает какие-то надежды на то, что можно двигаться вперед? И где, собственно, находятся эти ориентиры?

Это связано и с глубоким анализом понятия об информации. Ведь информация – это безумно глубокое понятие. Это глубокая категория. По отношению к ней, например, не действуют определенные законы сохранения. Она вообще ведет себя в мире совсем иначе, чем классическая материя. Об этом сказано очень и очень много.

Информационное общество – это общество совсем иное, нежели общество индустриальное. В этом обществе действительно появляются люди, которые обладают другого типа капиталами: информационными, интеллектуальными, бог еще знает какими, которые сталкиваются с классическим капиталом – с капиталом, взятым из индустриального общества.

Эти люди могут быть крайне несимпатичны или, напротив, очень симпатичны. Они могут быть еще более жесткими и еще более высокомерно относиться к своему народу или относиться к нему с глубокой любовью... Тут масса развилочек. В этой мозаике есть место чему угодно.

Но если мы начинаем говорить о чем-то, что не связано с капитализмом, мы должны определить классовую базу. Если не капитализм, то что?

И соблазнительней всего, согласен, соблазнительней всего сказать, что вновь мы имеем дело с коллизией труда и капитала в классическом варианте. Что классическим вариантом труда предстает пролетариат, то есть рабочий класс, являющийся прогрессивной силой, которая и должна создать бесклассовое общество. А классическим угнетателем является капитал.

И вот тут мы снова возвращаемся к азам марксизма, и вроде бы все у нас и вытанцовывается. И картина эта для нас привычная и приятная. И я не скрою, что она приятная. Для меня лично она намного приятнее, чем картина, в которой обсуждаются всякие новые варианты: информационное общество, технотронное общество, общество знаний, экономика знаний и так далее – всё это посткапиталистические экономики.

Но нет рабочего класса в том виде, в котором он на сегодняшний день способен решать проблемы страны. Его нет по факту. Вообще, в условиях, в которые попала страна, в условиях регресса – деградации производительных сил – очень трудно говорить о каких бы то ни было классах. И здесь может показаться, что я противоречу сам себе. Если нельзя говорить о классе пролетарском, то почему можно говорить о классе вот этого самого когнитариата, который мы все время обсуждаем?

Главный вопрос заключается в том, что мы не можем с вами сейчас заниматься использованием существующих классовых структур, опираясь на которые и выражая интересы которых мы осуществляем политику. Не на что опереться. Болото. Нет каркасных классовых структур, опираясь на которые можно что-то делать. Всё, что мы можем в данном случае, это формировать новые классовые сущности.

Формировать новые классовые сущности можно лишь в нишах. Использовать нормальные, готовые классовые сущности можно – они выступают над рельефом, как дома, здания, горы... А вот классовые сущности, которые надо формировать, существуют в инкубаторах, в нишах. Так в этих нишах зарождалось человечество, так в нишах зарождается жизнь. Все новое зарождается в нишах.

Приемлемо или неприемлемо для кого-то слово «катакомбы», но я ничего больше не имею в виду. Где регресс, там ниши. И там формирование классовых сущностей, а не использование классовых сущностей.

Значит, на повестке дня не использование нашего когнитариата для того, чтобы провести когнитарную революцию. Увы, такой возможности не существует. Я был бы счастлив, прыгал бы до потолка и предлагал бы совершенно другие приоритеты, если б это было так. Но этой возможности нет. Возможность есть одна – сформировать это в нишах, начать формировать геномы этого нового класса.

Из кого можно формировать подобные сгустки, подобные геномы, точки, центры кристаллизации? Из тех групп населения, которые, во-первых, наиболее устремлены в будущее и, во-вторых, наиболее эксплуатируемы в настоящем.

Какая группа сейчас наиболее устремлена в будущее, в информационное общество, в экономику знаний, технотронное общество и так далее и, с другой стороны, является наиболее эксплуатируемой в настоящем?

Наша интеллигенция вообще и техническая в первую очередь, хотя в целом – наша интеллигенция. Она сейчас одновременно находится в полюсе эксплуатации и в полюсе будущего. Из нее сейчас можно что-то выковывать. И можно выковать очень разное. Можно выковать такую гадость, что о капитализме еще пожалеет, а можно выковать класс-спаситель. Это вопрос того, кто будет заниматься таким ужасным, но безальтернативным занятием, как социальное конструирование.

В связи с этим мне бы хотелось обсудить категорию «проект».

Когда мы говорим «проект», что мы, вообще-то говоря, имеем в виду? Во-первых, это слово настолько часто используется в бизнесе, в менеджменте и так далее, что сейчас проектом называют всё – даже продажу носков. А, во-вторых, у нас вообще все дефиниции в XXI веке плавают. Открыл один словарь – там одно определение, открыл другой словарь – другое определение. Что же делать?

Нужно не в дефинициях копать, хотя это тоже очень полезно. Нужно смотреть на живой исторический опыт. И спрашивать себя: кто-нибудь в мире когда-нибудь какой-нибудь проект осуществлял или нет?

Проект – это не некая абстрактная категория, подпадающая под такие-то словеса. Проект – это то, что можно пощупать. Взять и пощупать. Но, конечно же, что-то дает нам и теоретическое содержание понятия. Оно размыто, но оно же не исчезло до конца.

Проект – это когда возникает некий субъект, который любой ценой хочет вбить в реальность что-то совершенно новое и построить эту реальность строго по своему замыслу, противоречащему всему, что существует на настоящий момент. Всему. Вот тогда это проект. В противном случае это не проект. Проект – это не эволюция, это не приспособление к действительности, это не заклятие действительности: «Милая моя, родная, будь такой-то».

Проект – это вдавливание в действительность совершенно новой матрицы. Конечно, когда ты ее вдавливаешь, действительность вступает в свои права. Она спасается с помощью подобной имплантации, она начинает жить с ней вместе одной жизнью. Это вам не шунты сердечной мышцы, не вставные зубы и десны – это гораздо более глубокий симбиоз, хотя в каком-то смысле это что-то подобное.

Но тем не менее, когда мы говорим с теоретической точки зрения «проект», мы имеем в виду указание пальцем на нечто и произнесение слов: «Да будет так!» Проект всегда адресует к воле.

Мангейм говорил об утопии и технологии. Проект – это вот это. И это должно быть при этом масштабным.

Примерное теоретическое содержание проекта таково. Если мы говорим: России нужен Четвертый проект – не Контрмодерн (то есть феодализм), не Модерн (то есть капитализм) и не Постмодерн (то есть маразм, с помощью которого какая-то часть мира будет грабить остальную часть мира, сохраняя для себя иллюзорное капиталистическое бытие и отказываясь от истории как таковой вообще)... Если мы хотим чего-то

другого – четвертого – и называем это Сверхмодерном, то это проект. Мы это другое, новое, хотим в действительность вдавить, как матрицу. И только с помощью такого вдавливания в гибнущую действительность подобного имплантата действительность может снова задышать. И начать жить, как умирающий больной воскресает при шунтировании. Я еще раз подчеркиваю – это гораздо более сложный процесс, чем-то напоминающий нечто подобное.

Но все наши рассуждения о проекте в таком виде недостаточны, если нет практики, если это нельзя пощупать.

Самый ясный, очевидный из всех проектов, которые непрерывно рассматривают тогда, когда речь идет о проектировании, – это, как ни странно кому-то покажется, сионистский проект. Вопрос тут не в том, нравится он кому-то или не нравится. Я совершенно не собираюсь это обсуждать. Вопрос в технологии. Собрались люди и заявили, что они построят на какой-то территории, которая когда-то, тысячи лет назад, недолгое время была их территорией, абсолютно новое государство. И всех соберут туда – представителей народа, уже даже непонятно, готового ли к подобной идентификации и желающего ли там собраться. И сказали: «Да будет так».

Они изобрели новый язык – иврит называется. И заставили всех отказаться от старого языка, идиша, и взять новый язык. Они создали новый человеческий типаж. Они построили точки роста. Они собрали население. Они выдвинули мощную идеологию. И они вдавили в ближневосточный песок новую матрицу – и она задышала. Она дышит.

Снова подчеркиваю: нравится кому-то или не нравится этот эксперимент – этот эксперимент есть. Его можно пощупать, его можно потрогать, его можно рассмотреть. Если кто-то где-то когда-то осуществил хоть один проект, значит, проекты можно осуществлять. Это разница между умозрением и практикой.

Но, конечно же, сионистский проект – лишь микропроект, который можно рассматривать для того, чтобы точнее понять, как говорят в таких случаях, архитектонику и технологию: что именно придется делать, если действовать проектным путем.

Есть, конечно же, гораздо более крупный проект, и, когда сионисты осуществляли свой проект на Ближнем Востоке, они апеллировали к этому проекту: они строили сионизм как еврейский Модерн, классический еврейский Модерн. Они считали, что они построят классическое, на тот период не знавшее альтернатив национальное государство. Они его построят на новой земле, с новыми людьми, с новым языком, но это будет классическое национальное государство.

И сионизм сейчас погибает потому, что погибает Модерн.

Поэтому когда мы рассматриваем вопрос о проектах, которые осуществлялись, то, конечно же, нам надо сосредоточиться на Модерне просто для того, чтобы понять, чем же примерно мы собираемся заниматься, когда мы говорим о Четвертом проекте. Ведь хоть он и четвертый, но он же проект. В противном случае, вообще непонятно, о чем мы говорим, зачем мы называем это слово. Для меня, например, это слово имеет решающее значение.

Что лежит в основе проекта «Модерн»? Некая картина мира. В этом смысле не французские просветители являются отцами-основателями Модерна. Отцом-основателем Модерна является сэр Исаак Ньютон. Потому что есть ньютоновская картина мира. И надо вернуться в ту эпоху, перевоплотиться в людей того времени и понять, насколько фантастично для них было все, связанное с этой новой картиной мира: этот закон гравитации, эта классическая механика, эти планеты, неумолимо вращающиеся по определенным орбитам, эта возможность рассчитать траекторию любого тела, которое послано откуда-то из орудия или просто рука какая-то кинула его – оно будет лететь строго по определенной траектории в строго определенную точку.

Это вообще картина Вселенной как великих часов, которые завел какой-то часовщик, и они ходят, тикают и тикают безостановочно, четко, повторяя каждый день одно и то же коловращение стрелок. Мне иногда кажется, что погодинские «Кремлевские куранты», эти размышления Ленина о том, что надо починить куранты, конечно, из этой же сферы. Вот это

ощущение создателей проектов – а большевистский проект, конечно – это тоже проект: это внедрение в субстанцию жесткой новой матрицы, соединение и новая жизнь на основе подобного внедрения – это тоже «Да будет...» посреди уже отчаявшейся страны. Да будет...

Каждые такие вот создатели проекта мыслят себя как люди, которые чинят и заводят часовой механизм, механизм времени. Здесь есть огромное и неслучайное совпадение с названием нашей программы «Суть времени» и принципом самого этого времени, которое чинят, заводят, и оно начинает идти, оно становится ритмичным. Оно из какофонии превращается в симфонию, оно из хаотической агонии превращается в четкий ритм. «Время, вперед!», «Клячу истории загоним!» – говорит Маяковский.

Вот эта напряженность: «Время, вперед!», это волевое движение к тому, чтобы в умирающую жизнь вогнать новую матрицу, соединить ее с этой жизнью и начать жизнь новую, – вот это вот очень важно. И тут все начинается с картины мира.

Сэр Исаак и его последователи создали фантастическую картину мира, которая оставила невероятно глубокий след в разуме и душе людей их поколения и всех их последователей. Конечно, Локк является тоже очень важным для того, чтобы понять, как это все начиналось. Но ньютоновские открытия, наверное, важнее всего.

Новый великий проект, задающий картину мира, как ни странно, начинался в физике. Не в общественных науках, не в экономике, не в культуре, а в физике. И все столетия после открытий, которая даровала человечеству ньютоновская картина мира, все столетия эта картина мира существовала. Она была абсолютно незыблема.

Мне скажут: «А как же Эйнштейн? А как же Бор? А как же квантовая механика? А как же синергетика? А как же теория систем? А как же Винер? А как же все остальные?»

Отвечаю. Все они шатали картину мира – и никто ее не сокрушал. Были шуточные стишки по этому поводу:

*Был долго мраком мир окутан.
«Да будет свет!» – и вот родился Ньютон.
Но сатана недолго ждал реванша –
Пришёл Эйнштейн, и стало всё, как раньше.*

На самом деле Эйнштейн страстно пытался уточнить и развить ту же картину мира. Он работал с тем же законом гравитации, превратив его в общую теорию относительности, где каждое явление искривления пространства–времени создает волны разной длины, которые катятся по пространственно-временному континууму.

А потом была поставлена еще и задача проквантовать это пространство–время. И пусть даже сам Эйнштейн этого не делал – это делали его ученики, Уилер и другие. Это была сложнейшая работа. Она до сих пор не завершена. Никто еще не построил в этом смысле общую теорию. Но примерно понятно, какой она должна была быть. И она никоим образом не противоречила бы той картине мира, которую предложили люди, пошедшие за Ньютоном, он сам, они все вместе.

И сколько бы человечество ни прорывалось сейчас к новой картине, сколько бы оно ни хваталось то за синергетику, то за теорию хаоса, то за что-то еще, до последнего десятилетия было еще не ясно, где же он, тот прорывной центр физической мысли, за счет которого действительно всерьез начнет меняться картина мира. Было совершенно неясно, где расположен этот центр, где эта новая физика, без которой нет ни новой социологии, ни экономики, ни культурологии, ни метафизики, ничего...

В последнее десятилетие, если верить тому, что мне удалось понять из разговора с 20–30 совсем-совсем неслабыми людьми, занимающимися подобного рода вопросами, центр, вокруг которого начинает формироваться принципиально новая картина мира, обозначился. Он связан с понятиями о темной энергии и темной материи.

Не синергетика, не теория систем, не теория хаоса и уж тем более не разного рода информационные теории и так далее, а именно наличие темной энергии и темной материи

начинает перестраивать всю картину мира – всю физическую картину мира.

Теория Большого взрыва, теория струн – все это частности. Новая картина мира начинает медленно и неумолимо создаваться вокруг темной энергии и темной материи.

Это уже не эйнштейновская картина мира. Это не картина мира, предложенная последователями Ньютона и им самим, это уже совершенно другая картина. Если эйнштейновская и ньютоновская еще последовательны по отношению друг к другу, то это будет картина мира абсолютно другая.

И она нависает над человечеством.

Я недаром в своей книге «Исаак и Иаков» обратил на это серьезное внимание. Мне кажется, что если разговаривать всерьез о Четвертом проекте – Сверхмодерне – и обо всем прочем, то нужно начать, конечно, с формирования картины мира.

Картина мира существенно меняется. Это не может быть связано только с физикой. Меняется картина мира в биологии – возникает другое представление о жизни и смерти. Картина смерти и тайна смерти как таковой, а также сама загадка формирования усложняющихся форм и скачков, которые осуществляют эти формы в процессе своего развития, конечно, дополняются вот этой вот физической теорией темной материи, темной энергии.

И одновременно с этим подобная же картина возникает в психологии.

Я говорил об этом, что тут и Маркс, и Эйнштейн, и Фрейд были людьми, которые пытались создать монизм, то есть вывести всё из какого-нибудь одного принципа. Фрейд – из принципа удовольствия или эроса. Эйнштейн – из искривления пространства–времени. И Маркс – из прибавочной стоимости.

Теперь оказалось, что надо не просто поправить Марксову теорию, или эйнштейновскую кривизну пространства–времени, или что-то там в фрейдизме. Фрейд написал «По ту сторону принципа удовольствия». Эйнштейн, введя в свои тензорные уравнения Общей теории относительности

«лишний» лямбда-член (за которым, как выяснилось позже, и скрывается феномен темной энергии), фактически признал отказ от своего изначального монизма. Маркс не довел до конца своих исследований, которые фактически говорят о том же самом – о том, что из одного источника мир в принципе не выводим. Он принципиально выглядит по-другому.

Это чувствовали люди предыдущих эпох. Это разрабатывалось в предыдущие эпохи и в науке, и в религии. Об этих разработках и о том, что из них следует, мы поговорим отдельно.

Здесь я пока что хотел говорить о проекте. О том, что великий проект возникает тогда, когда общество чувствует исчерпанность чего-то и не соглашается со смертью. Оно хочет жить. Тогда в недрах общества, в пределах определенных групп, входящих в это общество, возникает проект, возникает единство воли, выражаемое субъектом, который это делает, и ума. Это единство воли, ума и желания жить, желание, чтобы любимое общество, любимая страна, любимое человечество жило, рождает матрицу. Матрицу вбивают в гибнущую субстанцию, субстанция соединяется с этой матрицей, и начинается новая жизнь.

Сделать предстоит что-то подобное. И тогда возникает вопрос: кто и что будет делать?

Я с интересом прочитал дискуссию классических марксистов с Юрием Бялым по поводу того, что такое когнитариат, как именно трактовать Ленина, Маркса и так далее. Я хочу сказать классическим марксистам следующее.

Во-первых, никогда никому не удастся рассмотреть Маркса, свободного от страсти по истории. Это уже не Маркс. Это какое-то странное животное, рассматривающее всех как машины потребления, это не Маркс. Никто в мире никогда не мог себе представить такого Маркса.

Маркс был человеком, с невероятной страстностью переживавшим всё, что касается истории. В этом смысле никакой принципиальной разницы между Марксом и Вебером нет. Представьте себе, нет! Она есть для тех, для кого Вебер является апологетом капитализма, а Маркс – человеком, проклявшим

капитализм, как абсолютное зло. Но это неправильное противопоставление. Этому противопоставлению нет места.

Вебер не прославлял капитализм. Он говорил, что капитализм – это страшный, страшный зверь, который можно оседлать моральной уздой, уздой протестантской этики, уздой новых норм. И тогда на этом звере можно ехать.

А Маркс никогда не говорил, что капитализм есть воплощение абсолютного зла, ибо до определенного момента он называл капитал историческим классом. И то, что Вебер называл легитимацией, а Маркс этим словом не называл, Марксом использовалось совершенно таким же образом. Просто Маркс легитимировал капитализм историей и называл его историческим классом, жестко критикуя. А Вебер легитимировал капитализм этикой или проектом. Но и Маркс, и Вебер искали способы легитимации капитализма и понимали, что эта легитимация существует. И проблема легитимации для Маркса столь же ясна и столь же важна, как и для Вебера.

Просто для Маркса легитиматор – это история, он говорит: «История! Для вящей славы истории». А Вебер называет легитиматор словом «этика». Тут они расходятся.

В этом смысле нам нужна этическая история или историческая этика. Этическая диалектика. Но это не значит, что Маркса и Вебера надо рассматривать как абсолютных антиподов.

И есть вторая вещь, очень существенная, побудившая Ленина возвращаться в чем-то к Гегелю (что, кстати, абсолютно не вызывает во мне один только неопикуемый восторг – я очень сложно отношусь к Гегелю). Проблема заключалась в следующем: Маркс, раскрывший безумно много, властью занимался очень мало, потому что сильная и слабая сторона Маркса совпадают.

Маркс ненавидел власть. Маркс считал власть злом. И все, что он писал, – о том, что будет, когда власти не будет. И когда Ленин взял власть (а в общем-то уже тогда, когда он ее брал), он понял, что он не может опираться только на Маркса, потому что Марксу эта проблема власти глубоко чужда, отвратительна. Тогда возникло Общество любителей

гегелевской философии. И тогда возникли философские письма и другие работы у Ленина. И дальше вся теория власти разрабатывалась уже как бы помимо Маркса, хотя в философско-экономических ранних рукописях можно найти то, что можно использовать в качестве каких-то форм обоснования проблемы власти.

Власть – это нечто весьма и весьма специфическое. С древнейших времен это понимали, ибо уже у Эсхила мятежного титана Прометея приковывать к Кавказу ведут под руки два существа – Сила и Власть. Уже сказав это, первый греческий трагик, фактически не вышедший еще из лона мифа, сказал, что власть – это не сила.

Когда человек хулиганит в зале и вы приказываете охранникам его вывести, вы применяете силу, но это не значит, что вы – власть. Власть – когда вы тихим голосом говорите: «Выйди!» – и он выходит.

Власть в принципе для Гегеля, его последователей, да и вообще для достаточно широкого круга философов, делится на четыре типа, поэтому всякие апелляции к рабовладельческому и более ранним обществам недостаточно корректны.

Это власть закона, власть судьи.

Это власть отца, или власть Бога.

Это власть проекта, или власть вождя.

Это власть господина над рабом. При этом господин доказывает рабу, что он, господин, является властью, одним способом – раб боится умереть, а господин нет. Когда господин показывает рабу, что он (господин) не боится умереть, раб становится рабом.

Это Гегель. Можно сказать, Гегель в интерпретации неогегельянцев, поскольку, что такое классический Гегель, понимают совсем немногие. Вот примерно так.

Закон как основание последний раз был утвержден проектом «Модерн» и стал его главным регулятором.

Власть отца, или Бога – это власть общества до Модерна, и это власть, конечно, феодального, рабовладельческого и других обществ. Она невозможна в условиях нынешнего большого количества светских людей.

Власть господина над рабом мы не хотим рассматривать, потому что в принципе это неустойчивая власть. И потому что в современном мире, как я уже неоднократно говорил, явление шахидизма, может быть, изобретено для того, чтобы показать тем, кто претендует на роль голого господства, что они господами не являются. Есть воля к смерти, которую я лично совсем не приветствую, но которая в данном случае используется для того, чтобы сказать «нет» силам абсолютного господства.

Итак, есть власть проекта – власть вождя, власть от имени проекта.

За проектом «Модерн», который легитимировал капитал, находится следующий проект. Проект «Модерн» начался с ньютоновской картины мира и дальше начал перекидываться в социологию, экономику и другие сферы.

Новый проект начнется опять же с картины мира – эта другая картина мира будет лежать в его основе. А над всеми этими основами будет лежать один принцип – принцип воли и ума, создающий матрицу и вбивающий ее в гаснущую жизнь, и принцип любви, согласно которому жизнь надо воскресить.

Если этого нет – нет проекта. И нет никаких шансов что-либо возродить на нашей гаснущей территории. Но поскольку мы верим, что шансы есть, то исходить нам придется из этого, ибо больше исходить не из чего.

20 сентября 2011 года

Выпуск №33

Отрывать обсуждение общей тематики от нашей актуальной белиберды, конечно, можно, и в определенных ситуациях даже и нужно, но это деполитизирует наши теоретические штудии, превращает их в башни из слоновой кости. Поэтому я постараюсь обсудить некоторые заморочки нашего текущего, весьма небезупречного времени и как-то перебросить мост между этими заморочками и той общей тематикой, которой посвящен данный цикл передач.

И для этого я обсужу вначале, как это ни покажется странным, феномен Охлобыстина. Но не как политический или какой-то другой феномен... Я не знаю, хорош Охлобыстин или плох, замечателен или ужасен. Меня это почему-то даже не очень интересует. Я, конечно, могу себе представить, что все не так, как в статье, которую я собираюсь вам прочитать, и что эта статья тоже имеет некоторую заточку... Но мне почему-то кажется, что данная статья – это странный для журналиста крик души.

Я имею в виду статью в «Московском комсомольце», которая подписана Вадимом Поэгли, известным журналистом указанной газеты, и в которой вдруг звучит что-то, показавшееся мне удивительно созвучным эпохе. И неважно, правильно или нет Вадим трактует феномен Охлобыстина. Я снова говорю, что по тем или иным причинам, на обсуж-

дение которых нужно слишком много времени, мне это неинтересно. Мне Вадим интересен – и феномен Охлобыстина интересен через призму того, что пишет в этой необычной статье Вадим.

Мне кажется, что статья Поэгли, с одной стороны, освещает какие-то микроскопические частицы текущего политического процесса. А с другой стороны, превращает эти частицы в очень крупные проблемы современности, ключевые проблемы XXI века, как это ни покажется странным. И тем самым выводит нас на тематику, которую я заявил в данном цикле передач «Суть времени».

Итак, статья называется «Кандидат в телефоны. Скотина и его 20 тысяч слушателей»⁴. Еще раз подчеркну, что мне неважно, скотина на самом деле Охлобыстин или нет... Мне интересен крик души Вадима Поэгли, потому что в этом крике есть что-то человеческое, как мне кажется. А если даже это и не так, то все равно это страшно интересно.

Итак, статья называется «Кандидат в телефоны. Скотина и его 20 тысяч слушателей».

«Все на продажу – лозунг нашего глупого времени. Деньгами сейчас можно измерить все...»

Можно подумать, что не Вадим Поэгли и другие создавали действительность, в которой деньгами все можно измерить.

«...От внешней привлекательности человека („выглядишь на миллион долларов...“) до важности предстоящей встречи с приятелями („у меня к тебе дело на сто рублей“). Но „времена не выбирают, в них живут и умирают“».

Ну, хорошая цитата. Но на самом деле принц Гамлет говорил, что порвалась цепь времен, и он будет эту цепь соединять... А кто-то говорил, что надо исправить кремлевские куранты... Поэтому вопрос о том, выбирают ли времена... Времена меняют. «Tempora mutantur et nos mutantur in illis» (прошу прощения, если я не очень точно говорю по латыни) – «Времена меняются, и мы меняемся с ними». Мы меняем

---

⁴ Поэгли В. Кандидат в телефоны. Скотина и его 20 тысяч слушателей // Московский комсомолец. 12.09.2011.

эти времена. Мы, постигая суть, меняем время. Если его не менять, то зачем жить?

Но, в любом случае, я читаю то, что пишет Вадим.

«Мы и живем, с разной степенью везения балансируя на грани успешности и подлости. В фильме Марка Захарова „Убить дракона“ есть занимательный диалог на эту тему:

„– Не смотрите так – дело не во мне. Нас, молодых, так учили, понимаете?

– Всех учили. Но почему ты оказался первым учеником?.. Скотина“».

Ну, это непрерывно повторяемая фраза из весьма пошлого, с моей точки зрения, драматурга Шварца в варианте Марка Захарова. И вот, в варианте Марка Захарова, она стала символом перестройки и всего прочего... И до сих пор как бы ничего нового Поэгли не говорит, он набирает свой текст из кусочков некоей либеральной мозаики своего времени. Новая там – небольшая фразочка о том, что «вот ведь, наше глупое время! – всё на продажу». А вроде казалось, что это самое умное, что можно сделать для либерала. Но вот нет. Тут вот вдруг возникает возмущение по этому поводу. А так, в целом – Шварц, «Дракон», Марк Захаров, «времена не выбирают...» и пр.

Дальше Поэгли, сделав этот запев, возвращается к теме, которая его интересует. К конкретной теме.

«...распиаренное аж выдвигением в президенты выступление Ивана Охлобыстина „Доктрина 77“ оказалось вовсе не рассказом о новой России, русском народе и Империи и т.д., а всего лишь рекламой нового мобильного тарифа, который будет продаваться только в фирме, где „поп-защитник“ (его собственное самоопределение) за немалую мзду служит креативным директором.

Я, признаюсь, сразу не поверил. И только прочитав охлобыстинское: „Мне по этому тарифу будет удобней разговаривать со своими единомышленниками“, понял, что наблюдаю „первого ученика“ во всей красе. Так что и скотиной Охлобыстина в подзаголовке не я назвал. Это у классиков Шварца—Захарова. Я бы назвал намного жестче».

Ну, это просто способ выразить свое негодование, и избежать прямых называний, за которые могут в суд подать, и сделать отсылку к Шварцу, и сказать, что это не я, а кто-то другой. И, опять, это не так интересно. Но дальше Поэгли пишет:

«Дело ведь не в купившихся на „Доктрину“ журналистах, со всей серьезностью обсуждавших, кремлевский ли это проект и насколько „национал-патриотические“ идеи востребованы в обществе. Если порыться в Сети, можно найти, что интернет-журнал „Мобильный контент“ сообщал о скором запуске тарифа „Доктрина 77“ еще 4 августа! Это наш прокол. И мы получили по заслугам».

Вот тут начинается горечь.

«Это наш прокол. И мы получили по заслугам. Дело в „единомышленниках“, как сам их называет Охлобыстин. Сам видел десятки выложенных в Интернете записей его выступления в Лужниках. Сам видел десятки блогов, на которых это выступление было расшифровано. Не говоря уже о 20 000 людей, купивших билеты в Лужники за 700 рублей. И полтора часа под дождем и ветром слушавших, как выяснилось, растяннувшийся рекламный баян.

Стоит ли все это полученной mzды? Пусть каждый решает сам...

Напоминать священнику о воздаянии как-то глупо. Не геенной огненной же пугать... Ведь если совести нет, то и мучить она не будет. Кстати, привет всем исповедовавшимся „отцу Иоанну“. Боюсь, он впарит какой-нибудь кампании еще и тариф „Исповедальный“.

А то, что различные пиарщики, братья Охлобыстина по разуму, называют все это „гениальным рекламным ходом“, так именно этим пиарщики и отличаются от людей.

Именно так. Не от „обычных“ или „нормальных“ людей. А просто от людей».

И вдруг оказывается, что статья, начатая всей классической либеральной лабудой и заполненная журналистскими кульбитами, на самом деле пронизана не журналистскими упражнениями (это на первом плане), а за этими упражнениями вдруг ужас человека – хорошего ли, плохого, либерального,

консервативного, тертого, нетертого, неважно, – человека перед лицом чего-то нечеловеческого.

«Именно так. Не от „обычных“ или „нормальных“ людей. А просто от людей... Этим-то пиарщики и отличаются от людей...»

И это не шутка, не журналистское упражнение. Это вдруг крик души.

Что там имеет на самом деле место с Охлобыстиным – неважно. Но предположим, что это так, как описывает Поэгли. Что это все такое?

А это вот в чистом виде постмодерн. Это ужас постмодерна, который проблематизирует все именно так, как об этом говорит Поэгли. Речь идет не о патологичных людях и нормальных людях, а о людях и не людях. И речь идет о растерянности Поэгли, который говорит: «Ну, к совести-то невозможно... Ну, не геенной же огненной его пугать... Но что же делать-то, люди?! Как же мы купились! Мы-то думали: Кремль – не Кремль... патриотизм – не патриотизм... А это же просто реклама определенного тарифа – и все!»

Ну, может быть, снова говорю, не все. Я снова говорю – и теперь, наверное, более понятно, почему, – что я не хочу обсуждать Охлобыстина. Я хочу обсуждать этот ужас, распахивающийся в тот момент, когда люди действительно всерьез, оставаясь еще людьми, видят, что такое постмодерн. Что такое эта постмодерновая штука, готовая быть чем угодно – таким плазмодом, антропоидом, который меняет облик в любую секунду... Об этом сказано было давно в классике:

*Кем явится теперь? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой?*

Вот эта способность являться кем угодно мгновенно... Строится некая конструкция...

Но ведь вопрос здесь поднят более серьезный: «Мы купились... Мы, тертые, знающие цену, – мы купились...» Но дальше он пишет: *«Дело в „единомышленниках“, как их сам*

называет Охлобыстин. Сам видел... 20 000 людей, купивших билеты в Лужники... за 700 рублей... под дождем и ветром слушавших рекламный баян...»

Ну, если вдуматься и чуть-чуть стряхнуть со статьи журналистский гламур, то статья-то страшенькая. Потому что постмодернизм проблематизирует подлинность. Подлинность вообще.

Это очень серьезный и глубоко идущий тип проблематизации. Отрицая метафизику, то есть конечные смыслы, ценности в любом, светском и несветском, их варианте, постмодернизм говорит:

«А если их нет, то откуда берется подлинность? Как вообще отличить подлинное от неподлинного? Мы сегодня вам сделаем такого героя, а завтра другого. Мы вам сегодня подсунем одну вещицу, а завтра другую. Вы сегодня поверите Ельцину, завтра Лебедю, потом еще кому-то, потом еще кому-то, а потом никому. И мы будем делать вас, как хотим, – говорят постмодернисты, – потому что вы потеряли интуицию подлинности. Вы не можете отличить подделку от натуральной вещи. А мы научились подделывать, как угодно. И будем продавать в качестве чего угодно и любых ценностей любое фуфло. Мы ценности для вас, идеалы и что угодно делаем на компьютере и всовываем в ваши мозги. Потому что вы уже давно куклы, приложения к нашим компьютерам, и дурачить мы вас будем, как угодно. Вы, пипл, существуете для того, чтобы хавать то, что мы делаем. Пи-дженерейшн...» И так далее, и тому подобное.

Но ведь проблема есть. Проблема есть, и она огромна.

Существует ли подлинность? Имеем ли мы право относиться к чему-то как к подлинному? Как вести себя людям, которые хотят во что-то поверить, к чему-то подключиться, вокруг чего-то построить какие-то общности и каждую минуту думают: «А может, это неподлинное? Может быть, это черти что и сбоку бантик?» Как шептала Татьяна Ларина, оказавшись в библиотеке Евгения Онегина: «Уж не пародия ли он?»

Ну, хорошо – пародия. А может, он сегодня один, завтра другой, послезавтра третий, потом четвертый, потом пятый, потом шестой?..

Кто тут виноват? Пиарщики, которые так хорошо научились делать подделки? Или люди, которые потеряли способность к различению? К какому-то фундаментальному, главному, основному различению – между подлинным и неподлинным, между пародией и трагедией, между бытием и ничто, между «быть» и «иметь»? Эти различия стерты. И ослепший человек мечется, хватаясь за что попало. Или перестает метаться и говорит: «Да все дерьмо! Все одним миром мазаны, все дураят голову нашему брату, чтобы что-нибудь с нас получить и как-нибудь нас где-нибудь запродать».

Так как же быть с проблемой подлинности в XXI столетии, с интуицией подлинности, способностью человека различать подлинное и неподлинное?

*...И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.*

Так есть «почва и судьба»? И есть у человека способность ловить это дыхание? «Вот тут уже „дышат почва и судьба“, вот тут начинается настоящее, вот тут существует подлинная страсть... Вот тут, тут и тут пойдут до конца, тут остановятся на полдороге, повернут...» И так далее.

Когда-то, лет этак 17–18 назад, я встретился в Германии с одним из членов тогдашней российско-германской делегации Юрием Болдыревым, который произвел на меня впечатление. Делегация была достаточно высокопоставленная (я был тогда советником Хасбулатова и потому находился в этой делегации в Германии). Там были и еще люди, которые произвели на меня незабываемое, яркое впечатление. Я даже тогда подумал: «Ну, надо же – либеральные люди, а вроде как люди... И все у них в порядке, и какая-то подлинность есть». Меня тогда в Юре тоже впечатлило какое-то человеческое начало. Было видно, что человек переживает происходящее и даже уже готовится к тому, чтобы сказать что-то типа экзистенциального «нет», крикнуть это «нет» и каким-то образом сохранить в себе свое человеческое содержание.

Сейчас Юрий пишет в информационно-аналитическом издании Фонда «Историческая перспектива», называющемся «Столетие», некий кусок, который мне посвящен. И если бы это было, как у друзей Белковского, то можно было бы посмеяться, и обсудить, и поразвлечься. Но Юрий очень интересно и содержательно пишет. Говорит о том, что относится с огромным уважением и ко мне, и к системе моих взглядов... И дальше:

«Идет ли он на компромиссы с властью ради возможности действительно публично (а не сравнительно кулуарно, как вынуждены здесь делать это мы) проповедовать свои взгляды, которые, соглашусь здесь с ним, сейчас для России чрезвычайно актуальны? Наверное, идет. Так а кто бы позволил ему вообще на широкую аудиторию что-либо проповедовать, не апеллируй он к власти и олигархам? Нам же с вами не позволяют... На пользу ли делу эти его компромиссы? Не знаю, не могу судить за него, но и не тороплюсь осуждать. Может быть, системные взгляды, проповедуемые им, представляются ему важнее, чем конкретная искренняя или лицемерная и вынужденная (в рамках компромисса) оценка им того или иного политического деятеля... Даст ли он использовать себя во вред интересам общества в час „X“, если в ближайшее время таковой наступит, мы не знаем – будем наблюдать. В политике, в которую включился Кургинян, кто кого переиграет, никогда заранее не известно...»⁵

Ну, прекрасный текст. Если бы он был в 10 раз менее комплиментарным, я его все равно поблагодарил за то, что он содержателен. И я действительно испытывал и испытываю личные симпатии к Юрию, которого я не видел лет 18 или 19 и который потом выпал из демократической обоймы и, насколько я могу понять (никогда за ним внимательно не следил), действовал удивительно порядочно и последовательно.

Я здесь даже согласен с Юрием, что политика – это искусство компромисса и что на компромисс надо идти. Только

⁵ http://www.stoletie.ru/poziciya/prazdnujem_den_parazita_ili_privlekajem_k_otvetu_2011-09-12.htm

хотел бы, чтобы было указано хоть на один компромисс, на который я пошел за последние 19 лет. В чем заключался компромисс?

Я бы пошел на компромисс ради каких-то целей. Я знаю, что есть компромиссы и компромиссы и что без компромиссов политики нет... Но, во-первых, я никогда на них не шел. А во-вторых, мне их никогда никто не предлагал. Власть никогда не предлагала мне идти с ней на какие-то компромиссы. Там, где нужно было огрызнуться против противников России, которые на этот момент оказались противником власти, власть могла с радостью предоставить мне эту возможность. Но это не называется «компромисс»...

Ни о каких компромиссах речь вообще никогда не шла. Где компромиссы? Я бы на них, повторяю, пошел, но их нет, потому что они никому не нужны.

А логика такая: раз кто-то где-то выступает – значит, он пошел на компромисс. Ну, а как может быть иначе?

И это очень понятная логика. Это как раз и есть логика постмодерна. Ожегшись на Охлобыстине, надо дуть на Кургиняна. Людей очень можно понять. Но это опять-таки связано с наличием или отсутствием последних дефиниций. Существуют тексты, последовательность позиции, и из логики этой позиции и того алгоритма, который был выбран, совершенно ясно: просто компромиссов не было...

Мне предлагали компромисс – один раз предлагали, я помню. Высокое лицо водило меня по Патриаршим прудам и говорило: «Знаете, ничего не нужно. Вы входите в правительство либеральное – Вас очень ценят... Вы только скажите, что в книге „Постперестройка“ Вы пошутили, это скетч. А дальше входите в любые правительства – все, пожалуйста...»

Это называлось бы даже не «компромисс». Это называлось бы «идиотское предательство», при котором я теряю все и неизвестно что приобретаю.

Чем это кончилось? Я сказал, что книга «Постперестройка» – это скетч? Я последовательно и на протяжении 20 лет развивал идеи, которые выразил в книге «Постперестройка», углубляя эти идеи, двигая их куда-то дальше...

Это путь. И когда идешь этим путем от начала и до конца, то в какой-то момент оказывается, что возникают некие возможности. Неизвестно, как они возникают. Возникают – и все. И нужно для этого, в этом варианте, только одно – идти этим путем.

И если Юрий им пойдет, то у него появятся возможности. И он не пойдет ни на какие компромиссы. И он получит возможности, как это он в статье говорит, «развивать свои взгляды» и пр. Получит. И будет их развивать... Только сможет ли? Окажутся ли они в этот момент?

Если он будет идти подлинным путем, то окажется.

Подлинность – это и есть путь. Вот ты идешь и не сворачиваешь. И подлинность определяется по пути. Нет никакой особой проблемы в том, чтобы обнаружить неподлинность Охлобыстина. Для этого не надо обладать глубочайшей экзистенциальной интуицией или настоящим метафизическим чувством: там все дышит неподлинностью, там просто путь весь строится из этих неподлинностей. Начинается одно неподлинностью, продолжается другое неподлинностью, поворачивается к третьей неподлинности. Там все криком кричит, что подлинности не должно быть. И если даже говорить тут о религии, то это особая постмодернистская религия. Это адская смесь настоящей религии и весьма далеко идущей метафизической скверны.

Почитайте Пелевина, и все будет понятно. Там ведь тоже есть и метафизический надрыв, и глумление. Надрыв, глумление... Надрыв, глумление... Хотите знать, что такое постмодернизм? Вот это. Хотите знать, что такое реакция человека, сохранившего в себе какую-то человечность на постмодернистский ад? Это Поэгли, прав он или неправ.

А дальше возникает вопрос о подлинности, о том, можно ли ответить на вызов постмодернизма в XXI веке или действительно царство имитации настолько преуспело во всем, что касается имитации, что подлинности быть не может вообще?

Постмодернисты сами говорят, что, может быть, единственная подлинность, которая есть, – это смерть. Является ли она подлинностью? Это глубочайшая проблема XXI века,

гораздо более глубокая, чем проблема труда и капитала. И достаточно сильно связанная с этой проблемой.

Принц Гамлет говорил: «Я помешан только в норд-норд-вест. При южном ветре я еще отличу сокола от цапли». Давно уже по этому поводу были у человечества некоторые предвидения. А сейчас ад раскрылся. И имя ему – постмодерн. И все мы стоим на краю бездны. И эта бездна поглотила страну.

В очередной передаче «Исторический процесс», посвященной пакту Молотов–Риббентроп, я обсуждал достаточно сложные проблемы, связанные с тем, что международное право того времени очень сильно отличалось от нашего. И что в этом пакте мы не совершили ни одной ошибки, не нарушили ни одну норму международного права.

Раздел территории, зон влияния – что это означает?

Раздела территории не было. Раздел зон влияния? Раздел зон влияния был между всеми. Секретные дополнения, протоколы были у всех. И т.д., и т.п. Мы спорили о том, являлись ли советские экономические поставки Германии фактом включения СССР в войну (спорить об этом смешно: Швеция не включалась в войну, при этом поставляла Германии легированную сталь), было ли это оправдано... И так далее.

И постепенно за всеми этими определениями и обнаружениями раскрывался ад. Иногда мне кажется, что люди, которые смотрят передачи, следят за обнаружениями, но не ощущают, какой за ними раскрывается ад. И здесь, в передаче «Суть времени», мне хочется поговорить об этом. Потому что об этом на телевидении, приспособленном для очень массовой аудитории, не поговоришь: слишком серьезная тема... Но мы-то здесь собрались именно для того, чтобы обсуждать самые серьезные, предельно серьезные темы.

В чем состоит ад?

Оставим в стороне вопрос о том, что такое пакт Арита–Крейги, и почему зоны влияния делили японцы с англичанами (и кто только с кем чего ни делил), и как именно Польша сама входила на территорию Чехословакии... Все это оставим в стороне. И подумаем о том, что было очевидно фактически всем 20–22 года назад...

Вот карта. Здесь находится Франция. Здесь находится Германия. Здесь находится Польша. А здесь СССР.

Германия атакует Польшу. Что может сделать СССР?

Говорят: «Атаковать Германию».

Но СССР не может атаковать Германию, войдя на территорию Польши, потому что поляки немедленно повернут оружие против СССР. Поляки запретили нам пройти через территорию Польши, когда мы хотели помочь Чехословакии против Гитлера, и отрапортовали об этом Гитлеру. Поляки нас ненавидят. Они наш смертельный враг. И мы не можем помочь врагу, который нашей помощи не хочет, не приемлет, который считает нас опаснее Гитлера.

Что мы можем делать? К 17 сентября 1939 года польская армия разгромлена, правительство бежит, армия бежит, территория пустая. И нас предупреждают немцы, что там формируются Западная Украина, Западная Белоруссия, которые окажутся нашими смертельными врагами.

Мы входим на территорию. Между прочим, тем самым спасаем часть ее населения от печей Освенцима.

Обвинять нас, врагов Польши, не имеющих с ней никакой договоренности, в том, что мы не ударили по немцам раньше, может только тяжелобольной псих. Безграмотный, тяжелобольной псих. И сейчас, в 2011 году, это все понимают.

А почему Франция, объявившая войну Германии, находящаяся в прочнейших отношениях с Польшей, являвшаяся ее союзником (Польша была влюблена во Францию, Франция – в Польшу), – почему Франция не ударила в тыл Германии, когда все войска были переброшены в Польшу? Почему Францию никто не обвиняет в том, что она является подельником Гитлера? Почему поляки не обижаются на Францию за то, что она с ними сделала? Ведь она обязана была нанести удар в тыл Германии, сдержать войска и пр. Но об этом вообще никто не говорит.

Я уж не говорю об Англии...

А по поводу нас на высшем международном уровне уже поставлен вопрос о том, что 23 августа (день подписания пакта Молотов–Риббентроп) надо признать днем начала войны, а

соответственно нас – подельниками Гитлера и вывести нас из числа победителей во Второй мировой войне. Вот ведь о чем идет речь, а не о «делах давно минувших дней, преданьях старины глубокой».

Так кем же нужно было быть в конце 80-х годов, чтобы перед фактом того, что мы подписали абсолютно корректные дополнения (секретные, как и все дополнительные протоколы) к пакту, абсолютно аналогичному тем пактам, которые подписали другие страны мира... подписали после того, как французы, англичане отказались что-либо подписывать с нами, а самолет Геринга стоял под парами, чтобы лететь в Англию, – кем же надо было быть, чтобы в этих условиях признать наши действия «преступными действиями параноика Сталина и сталинистов», этим признанием обречь на ад миллионы наших сограждан (которые теперь живут в аду, потому что их когда-то послали в прибалтийские республики жить и работать, а после этого назвали оккупантами), начать распад страны и все это сделать на абсолютно пустом месте!

Кем надо было быть? Что это были за депутаты? Это была только какая-нибудь будущая «Демократическая Россия»? «Народный фронт»? Это были коммунисты, это были ставленники номенклатуры, и они все вместе это сделали? И они все вместе обрели на ад ныне живущих и их потомков? А эти ныне живущие и их потомки – они не могли взять голову в руки посмотреть на то, что происходит? Это все тот же вопрос о том, «хавает ли пипл»? Разум исчез? Что исчезло?

Это сегодня 90% поддерживает то, что я говорю. А тогда, когда я говорил в точности то, что говорю сейчас, это поддерживали 5%. А все остальные ненавидели. Любые такие слова – и тебя обвиняли в том, что это «позиция номенклатуры»... Номенклатура сама и подбросила все это дерьмо обществу! А общество орало, что номенклатура – это те, кто говорит: «Ребята, не ешьте эту поганую пищу, это „осуждение пакта Молотов–Риббентроп“».

Можно ли сейчас – по прошествии 20 лет – по-настоящему, экзистенциально, метафизически пережить ад той эпохи? Я не говорю, надо ли это простить. Я спрашиваю, можно ли

это понять? И можно ли куда-то выйти из нынешней ситуации, не решив для себя метафизически, экзистенциально, как угодно еще эту проблему – проблему распахнувшегося тогда ада, который является тем же самым адом потери различения между подлинным и неподлинным? Стерты грани. Как говорит герой Шиллера: «Иль меж добром и злом, меж правдою и ложью стерлись грани?»

Кто и как, какой тряпкой стер эти грани у людей? Что случилось с разумом, с гражданственностью, с моральным, политическим чувством? Что произошло тогда?

То, что гады совершили подлость, понятно. Но почему на эту наживку клюнули? Наживку подбросили несколько людей, находившихся в теснейших связях с международными спецслужбами и чем-нибудь еще похлеще – ТИГОм, транснациональным империалистическим государством, как говорили левые в Италии.

Но все члены Съезда народных депутатов не находились в связях с транснациональным империалистическим государством и не были агентами иностранных спецслужб. Они были сутью своего времени.

И сотни миллионов, шедшие за теми, кто проклинал пакт Молотов–Риббентроп, тоже не были ни агентами, ни прислужниками. Они были сутью своего времени. И сутью своего общества. Великого общества, которое тем не менее оказалось в суперпагубном состоянии, про которое, как я уже говорил, было сказано: «Это общество „ням-ням“, которое может зарезать один волк».

Есть ли метафизика, есть ли окончательная опора для подлинности – этот вопрос мы еще обсудим. Но ад же есть! Вот пахнуло им – и закричал Поэгли. А разве тогда не этим же пахнуло?

Раб от нераба (от гражданина) отличается не положением в обществе, а способностью различать, и не только подлинное и неподлинное, а очень и очень многое. Например, честь и бесчестие.

Читаю текст одного крупного журналиста, который рассуждает о том, будем мы дружить с американцами или не

будем. Текст как текст, вполне такой либеральный и рассудительный, не лишенный иронии. А в конце текста говорится: «После того, как мы договоримся об этом, этом и этом, мы подадим американцам на десерт министра иностранных дел Лаврова».

Я это читаю, и у меня в душе что-то переворачивается – наверное, то же самое, что перевернулось в душе Поэгли (хочется в это верить)... Я разворачиваю все свои информационные калибры и по автору этой статьи из них шарахаю. Автор приходит в бешенство. А поскольку он по совместительству главный редактор одной из наших ведущих газет, он орет: «Кургиняна никогда в газету не пускать!» И т.д.

Я что, Лаврова защищаю? Мне что есть Лавров, что его нет... Я себя защищаю. Я не могу присутствовать при этой оргии, не отреагировав на нее.

Проходит сколько-то времени. Нахожусь где-то за границей, мне звонят: «Тут про тебя один публицист оранжевый написал не очень уважительно. Ну, ты знаешь, так, чуть-чуть, ничего особенного. Если хочешь, то ответь ему. Мы его опубликовали, потому что так прикольно!» Это уже патриотическая печать...

Я говорю: «Ну, пришлите статью, я прочитаю».

Читаю – и мне становится дурно. Я беру телефон и начинаю в предельно нецензурных выражениях говорить, что я думаю о газете и обо всем остальном.

– Слушай, да ты такой обидчивый! Тебя задело то, что он там про тебя говорит?

– Да при чем тут то, что он про меня говорит! Он говорит, что Майкл Кентский станет царем России «при участии и под давлением внешних сил». Он говорит об этом в патриотической газете! «При участии и под давлением внешних сил» – это формула оккупации. Пусть он об этом говорит в «Новой газете» (он там упражнялся, кувыркался – и ради бога!), в «Московском комсомольце», где хочет.

– Как? Не может быть! Неужели? Да что же такое?

Оказывается, что в принципе уже нет готовности к различию. За 20 лет жизни случилось нечто: люди, для которых

все произошедшее есть ад, начали в нем обживать по законам ада. Они не могут все время с невероятной остротой, такой, как 20 с лишним лет назад, переживать все пакости эпохи. А те, кто переживает их с такой остротой, невероятно быстро сходят в могилу. И тогда у остальных возникает эффект защиты и привыкания – тот самый, про который Раскольников говорил, размышляя о Соне Мармеладовой: «Вечная Сонечка, пока мир стоит!.. Какой колодезь, однако ж, сумели выкопать! и пользуются! Вот ведь пользуются же! И привыкли. Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлец-человек привыкает».

Привыкает. «При-вык-нет», – говорит герой Чехова, переправляя через реку какую-то группу людей. И сразу видно, что он, как Харон, переправляет их на тот берег.

«Привыкнет» – и возникает привыкание. Вот оно и стирает грани между подлинным и неподлинным, между честью и бесчестием.

Всегда было понятно, что не раб – это человек, у которого есть честь. «Ты трус, ты раб, ты мне не сын. Ты бежал с поля брани». Есть честь. А раб – это человек, который не понимает, что такое честь. Он не может ею руководствоваться. Потому что, если он начнет ею руководствоваться, он моментально умрет, сойдет с ума. Значит, он ее так или иначе замораживает или вырывает из сердца – и тогда в душу проникает низость. Возникает дух предательства, смрад предательства.

Я нечасто читаю интернет... Но тут как-то недели три назад просто заглянул через плечо одного из работников моей организации и вижу (я как раз вел дискуссию... с Крыловым?... не помню, с кем, уже пять раз забыл), что на форуме переживающие за меня члены организации «Суть времени» говорят: «Ну, ладно, ладно, если его дискредитируют, то мы все равно дальше без него пойдем!»

В следующей передаче я поговорил с этими «ребятами» один раз, и ребята решили, что нужно «для прогулок подальше выбрать закоулок».

Но человек-то, который это сказал, он уже раб. Он не понимает, что, с политической точки зрения, он должен сра-

жаться против дискредитации, а не говорить: «Ладно, ладно, если ... то мы...» Далее на этом фоне особенно смешно звучит: «...то мы дальше пойдём». Никуда он не пойдёт, если он с ходу предал.

И тогда возникает самый ключевой и самый главный вопрос: почему же все-таки гигантские сдвиги в нашем обществе не приводят к политическим результатам?

Потому что на сегодняшний день эти сдвиги носят настроенческий характер. Это новые НАСТРОЕНИЯ. Этому надо радоваться. Эти настроения очень много значат. Но эти настроения не превращаются даже в умонастроения, тем более в мировоззрение. А не превратившись в него, они не могут рождать мотивации. А не рождая мотивации, они не приводят к действию. И это первая проблема нашей эпохи.

Слишком долго, в течение 20 лет, менялись даже настроения. Мы должны быть счастливы, что они изменились. Но мы не должны на этом успокаиваться. Не должны. Потому что дальше идет превращение настроений, эмоциональных, разлитых в воздухе, общих, диффузных, хотя бы в умонастроения, насыщение этих настроений умом и чувством, более серьезным, чем настроенческие вибрации («интенции», как говорят в науке).

«Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном».

Итак, настроения должны стать устойчивее, эмоционально насыщеннее и соединиться с умом, превратившись в умонастроения.

Умонастроения должны превратиться в мировоззрение.

Мировоззрение должно быть таким, чтобы пробуждать мотивационную сферу и ее высшие этажи.

Пробужденная же всерьез мотивационная сфера должна быть настолько разогрета, чтобы могли осуществляться правильные, точные, конкретные действия. Причем эти действия должны носить сдержанный, спокойный, холодный и блестяще организованный характер. А для того чтобы действия могли носить организованный характер, нужна организация не по настроениям, а на совершенно другой основе. И эту основу нам

еще предстоит создать. И к этому мы сейчас приступаем.

Пока что настроения таковы, что они рождают в лучшем случае достаточно слабые импульсы. В организацию входит поразительно много людей. Если бы эти люди разогрели свои настроения хотя бы до определенного мотивационного градуса и до определенной системы действий и могли бы распространять эти настроения из своего сердца и ума в окружающий мир, то все уже было бы по-другому.

И когда я говорю в передаче «Суть времени» о том, что это происходит не так, то я это говорю не потому, что мне что-нибудь нужно. Мне ничего не нужно.

Цитата на экране:

«Дело не в том, что мне нужны какие-то другие результаты голосования – и так все более чем нормально. Дело совсем в другом. В том, хотят ли члены клуба „Суть времени“ завоевывать новых сторонников, используя уникальный шанс, который им предоставляет программа „Исторический процесс“».

(Из выступления С. Е. Кургиняна на заседании клуба «Содержательное единство», 15.09.2011).

Я благодарен и так – тем, кто себя блестяще ведет. Благодарен обществу, которое не входит ни в какие организации и ведет себя очень определенным образом от Камчатки до Калининграда. Я благодарен всем.

Я о другом говорю – о том, может ли настроение (и даже первый шаг с готовностью приступить к какой-то организованной форме деятельности) родить действие, в том числе, и примитивное. А если настроение не рождает действие, то я по этому поводу а) скорблю и б) не опускаю руки, а говорю: значит, это надо поднять на новый этап. И понять, в чем же тут дело. Для этого существуют все интеллектуальные инструменты, которые мы создаем. Для этого существуем мы, потому что первая наша задача – увидеть реальность такой, как она есть. А вторая наша задача – эту реальность менять.

Как там процитировал Поэгли? «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

Времена не выбирают, но те, кто умирают и умирали, – наши деды и прадеды – меняли эти времена. А главное – вырывали страну из безвременья.

Блок по этому поводу писал:

*Не стерег исступленный дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь – мгновенна.*

Вот из этой мгновенности безвременья наши прадеды вырывали страну. Прадеды и деды вырывали ее, умирая и попирая смертью смерть.

Что же случилось потом? Об этом сейчас и надо поговорить.

Человек – это тонкая пленка между тем, что мы называем «организованными формами существования рода человеческого», или «культурой», или иногда «цивилизацией» (не путать с другими вариантами того же самого определения; «цивилизация» – очень многомерный, многовалентный термин), и зверем. Считается, что именно в этой тонкой пленке сосредоточено все доброе, а все темное и злое содержится ниже – в звериной, дочеловеческой толще.

Если бы это было так, то конструкция, конечно, очень страшная: тоненькая-тоненькая пленка, которая еле держится, – и все время прорывающиеся сквозь эту пленку лавы дочеловеческого. Это очень совпадает с концепциями психоаналитиков – неважно, Юнга или Фрейда, тут весь вопрос в том, что такое подсознание. Но главное, что есть вот эта тонкая пленка сознания, и под ней – гигантские, все время готовые сокрушить ее тектонические массивы бессознательного.

Но эта картина сейчас, в первое десятилетие XXI века (да и чуть раньше), не вполне точна. Все, что мы называем «зверем», на самом деле явление более сложное. Все это доприродное проникнуто отнюдь не одним только духом тьмы и агрессии, джунглей и войны всех против всех. Оно проникнуто и совершенно другим духом. Речь идет не только о коллективизме,

альтруизме, которые Конрад Лоренц нашел в пределах до-человеческих сообществ. Речь идет и о большем.

Исследователи обнаружили эмоции, которые, как казалось, могут руководить поведением только отдельных высших представителей рода человеческого, в дочеловеческом сообществе. Они исследовали крыс (это очень известные эксперименты) и насыщали все их низшие фундаментальные потребности: в пище, воде, агрессии и так далее. Насытив все эти потребности, они предлагали крысе игру под названием «исследование лабиринта». Они актуализировали в крысе поисковую эмоцию – что происходит в этом лабиринте? Крысе ничего там не нужно – она не ищет там пищу, она не ищет там особь для совокупления, она не хочет никого порвать на части. Она просто хочет узнать, что там происходит.

Это называется «поисковая эмоция».

Для того чтобы исследовать силу поисковой эмоции у крысы, включался ток различного напряжения и силы. Среди крыс оказывались отдельные особи, которые шли на этот ток, даже если сила тока была несовместима с жизнью особи. Особь умирала на этом токовом барьере только ради того, чтобы продолжать поиск. То есть желание вести поиск оказывалось выше, чем инстинкт самосохранения. Подчеркиваю, это была крыса – не человек, в котором, естественно, все эти этажи эмоций оказались гораздо более мощными. Если дочеловеческое, крысиное существование – это маленькая головка такого рода эмоций с огромным раздутым телом «нижних этажей» (пища, агрессия и так далее), то предполагалось, что человек – это тело с очень раздутой головкой высших потребностей.

Тут и начинается теория потребностей. О каком типе человека мы говорим? Что такое человек?

*... Что значит человек,
Когда его заветные желанья –
Еда да сон? Животное – и все.*

Это Шекспир. Это сказано много веков назад.

Итак, когда мы говорим о том, что целью человека является благополучие, которое должно быть низведено к преувеличенному, гипертрофированному и, даже можно сказать, нормальному, но очень богатому насыщению потребностей: в сексе, пище, питье, удовольствиях, еще чем-то, – мы действительно уверены, что у человека нет ничего другого? Что можно насытить эти потребности в человеке и человек будет счастлив?

Что тогда мы имеем в виду под человеком? На какой системе аргументов, на каком теоретическом базисе основывается эта модель человека? Это что за человек как «машина удовольствий»? Кроме принципа удовольствий, то есть удовлетворения низших потребностей, ничего больше нет? А счастье «открывать новое»? А, наконец, любовь?

В начале цикла передач «Суть времени» я говорил о продаже первородства за чечевичную похлебку. Что происходит с человеком, когда он продает первородство за чечевичную похлебку? Он теряет способность любить. Теряя способность любить, он теряет безумно много – он теряет бытие. Он теряет то, что связано со способностью не «иметь», а «быть». Если кто-то помнит, я тоже говорил об этом в первых передачах данного цикла. Он теряет это, потому что любовь – это счастье отдавать и даже жертвовать. И это невероятное счастье, являющееся основой подлинности.

Человек, который любит Россию, свой народ не обменяет счастье этой любви на телефонный тариф. Если же он обменивает счастье любви на телефонный тариф – значит, он не знает, что такое любовь. И он может бегать куда угодно: из театра или кино в монастырь, а из монастыря в пиар-компанию, а потом еще куда-нибудь, к каким-нибудь буддистам, а от буддистов еще к кому-то... Он может бегать куда угодно, у него пути нет. Он сбился с дороги. Он любить не может. Он бесконечно несчастен, потому что он лишен любви. Будучи лишенным любви, он не может отдавать. Он не может быть счастлив тем, что он отдает, и внутри поселяется огромная пустота, которую надо чем-то заполнить. И тогда в эту пустоту надо засунуть как можно больше «иметь».

«Хочу иметь вот это, это, это!» – кричит героиня моего спектакля. Она кричит после того, как что-то вырвано и она лишена этой способности любить. Что-то произошло с огнем любви. Он потух, он оказался ушедшим на какую-то бесконечную глубину, из которой никак не может всплыть. И вот тогда ужас безлюбости рождает необходимость компенсации в этом «иметь». И все эти домики, все эти машины, все эти дворцы, все эти яхты, вся эта лихорадка, все эти очереди в позднесоветских магазинах, перешедшие в «Джинсовые раи» и прочее – все это потребительское безумие связано только с одним – с безлюбостью, которую надо чем-то заполнить. С гигантской внутренней каверной, которую хоть чем, но заткни, потому что когда там такая пустота, то просто страшно. Каждую секунду кажется, что туда войдет уже окончательный ад.

Эти вечные эрзацы, это вечное упование на то, что каким-то образом можно будет... ну, если нельзя любить, то можно развлечься; если нельзя любить, то можно приколоться; если нельзя любить, то можно... Но главное, что нельзя любить. И смысла жизни тогда нет.

Когда возникает любовь, вместе с нею возникает счастье жертвы, счастье дара и готовности отдать. Ты счастлив, что ты можешь отдать, а не получить.

Когда ты отдаешь, тебе возвращается нечто в виде ответной волны. Ты преодолеваешь то, что Маркс называл отчуждением. Ты обретаешь полноту человеческого бытия – и вместе с нею подлинность.

Человек, который сам не может любить, не может отличить подлинное от неподлинного. Его можно водить за нос как угодно до тех пор, пока ты снова в нем не зажгешь огонь любви или этот огонь не поднялся из каких-то последних глубин и не оживил его душу.

Тогда он все поймет. Он сразу увидит, в чем отличие суррогата от подлинности, чести от бесчестия. Любовь рождает в человеке состояние «быть». Отсутствие состояния «быть» рождает в человеке состояние «иметь». Человек, погруженный в «иметь», несчастен, он мечется в аду. Но он может в нем ме-

таться с разной скоростью, в зависимости от того, насколько в нем можно разбудить хотя бы низкую мотивацию.

То, что предложили люди, взявшие на вооружение картину Ньютона (и, прежде всего, конечно, англичанин Локк), было связано именно с тем, как использовать вот эти метания в поисках возможности «иметь», как разбудить это «иметь», как разбудить все низменное и какие институты, учреждения, рамки надо этому поставить, чтобы оно тянуло вверх.

Позже на столетие или больше это все будет соединено с теорией Дарвина. Но еще задолго до Дарвина такая социальная модель была принята на вооружение как прямое следствие модели Ньютона.

Если мир – это безупречная машина, вращающаяся по определенным законам;

если все подчинено дифференциальным уравнениям, а все территории гладки и предсказуемы и все это напоминает заведенный механизм;

если такова реальность;

если разум, наконец, открыл нам подлинную реальность – не ту, которую дают нам наши ощущения и суеверия, а подлинную реальность, открытую только разумному, и мы теперь понимаем, что это естественно в высшем смысле слова, это хрустальная беспощадная красота природы,

– то все должно быть естественно.

Разум и природа – вот то, что заменило церковные догмы.

Вот Евангелие модерна – разум и природа. Именем природы и естественного, открытого только разуму – и этим очень сильно отличающегося от непосредственных ощущений, от заблуждений (все мы видим, что солнце всходит и заходит, а на самом деле все не так)... Вот этот настоящий мир, открытый только разуму, беспощадно красив. И если следовать законам этого мира, постигая их, и перенести эти законы на законы социума, то можно достигнуть того, что в предыдущие тысячелетия считалось невозможным, – счастья человека на земле.

Ряд французских просветителей доходил до того, что человек будет бессмертен и в этом состоянии будет еще и

счастливы. Другие говорили о счастье как о главном проекте Нового времени. Раньше считалось, что счастье существует только в меру божественного вознаграждения по ту сторону. Здесь речь шла уже об ином. Но движение предполагалось ими за счет того, что разбуженные «иметь» будут, сталкиваясь, рождать энергию. А эта энергия потянет вперед.

«Да, это будет злая энергия! И что? Но она же потянет вперед! Все эти столкновения родят восходящий поток».

Об этом говорилось прямо: «Пар может взорвать котел, но если ты правильно котел устроишь, то поезд побежит вперед. Надо только использовать эту безупречную модель. А для этого надо отказаться от сострадания и от коллективизма, потому что только мечущийся индивидуум может хотеть по-настоящему.

Только став индивидуумом и почувствовав себя отлученным от связи, а значит, от любви и от всего, что дает традиционное общество, он может возгореться до предельной алчности и захотеть иметь, иметь, иметь, иметь, иметь. А мы его организуем на законах разума, поставим ему рамки, создадим институты, учреждения, зададим правила игры. И он в этой своей низменной, отвратительной алчности начнет творить благое дело: развивать производительные силы, двигать все вперед...»

Вот такой человек, имеющий, алчущий, помещенный в соответствующие социальные матрицы и принужденный к беспощадному выполнению правил социально-ролевых игр, есть актер Нового времени.

Тем самым этот человек изначально оказался вне того, что называется «быть».

Он мог пребывать в этом какие-то узкие полосы времени, стыдясь сам того, что он выходит за нормы и каноны великой новой эпохи – конечно же, эпохи, основанной на мощных социальных регуляторах. Но теперь эти регуляторы должны быть такие, чтобы человек не о любви думал, а думал о другом.

С древнейших времен в традиции существуют суд и милость. Так вот, все оказалось построено на основе суда, права как воплощения этого суда. Милость оказалась отвергнута,

не нужна. Она оказалась лишней в ньютоновско-локковской модели, которую затем начали проводить в жизнь Вольтер и его единомышленники. Это все оказалось лишним.

Теперь вернемся к советской трагедии и к советскому проекту. Если бы советского человека переместили на территорию «быть» до конца, то он на этой территории оказался бы действительно по-настоящему новым, он бы развернул те потенциалы и те мощности, которые дает само понятие «быть». Но этого человека – по крайней мере, с хрущевских времен, а в сущности, и раньше – сдвигали на территорию «иметь».

А на территории «иметь» – свои законы. Нельзя выиграть у капитализма игру, находясь на его территории. Как только ты встал на территорию «иметь» и начал играть по правилам «иметь» – допусти грызню, допусти беспощадные убийства слабых, допусти законы эволюции, заставь работать всю жестокую машину «иметь». Тогда, может быть, она что-то и потянет вперед до поры до времени. Невесть куда и невесть каким способом, но потянет.

Но если параллельно ты стал это «иметь» придушивать, то ты создал человека позитивного, более идеально мотивированного, чем на Западе, и слабого. Потому что ты ни силу «иметь» в нем не включил (ты ее придушил), ни силу «быть» в нем не включил (ты увел его с территории подлинного коммунизма)... И что же ты после этого с ним собираешься делать?

Вот и возникло «общество „ням-ням“, которое может зарезать один волк». Вот и возникла интеллигенция, которая срубила сук, на котором сидела. Вот и возникло общество, которое поверило этой интеллигенции. Вот и возник перестроечный импульс безумия (будь он проклят во веки веков!), в ходе которого устраивались все эти оргии вокруг пакта Молотов–Риббентроп и прочего. Вот и возникло все это.

И для того чтобы это избыть, это надо, во-первых, осознать. И, во-вторых, твердо понять, что делается в рамках нового проекта.

Мы остаемся с антропологической моделью «иметь», остаемся на территории этого «иметь» и тогда допускаем все страсти, все жестокости и все дикие игры, которые существуют в пределах «иметь»?

Или мы действительно возвращаем человека на территорию «быть» и мобилизуем в нем другую силу, другие потребности, другие мотивационные уровни, но такие, которые делают этого человека сильнее, чем человек капитализма или, шире говоря, человек модерна?

Это должен быть другой человек. В раннюю советскую и сталинскую эпоху он все-таки был другой. И поэтому мог вершить чудеса и выиграть войну. В позднесоветскую эпоху он все больше и больше сползал, и это сползание не останавливали, потому что так было удобнее.

Теперь мы должны понять, что никогда больше, если мы восстанавливаем проект, мы не позволим возобладать чувству «иметь» на нашей территории Идеального. Мы действительно говорим о другом человеке и начинаем этот разговор с самих себя. С антропологических катакомб.

Мы можем действовать по принципу «быть»? Мы способны разворачивать все законы братства и солидарности? Мы способны жить по законам счастья и жертвы? Мы способны любить по-настоящему? Мы можем вернуть это чувство «любить» хотя бы в своей среде? А вернув это себе, мы способны нести это за свои пределы?

Если мы на все это не способны, то дело швах. Но я абсолютно убежден, что мы способны. Абсолютно в этом убежден.

И как только эта способность будет развернута по-настоящему и настроения превращены в нечто большее, все грани между подлинным и неподлинным, честью и бесчестьем восстановятся. Низменное уйдет. И Россия сможет совершить не просто великие исторические деяния, она может открыть воистину новую страницу всемирной истории.

25 сентября 2011 года

Спецвыпуск

ПО ПОВОДУ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ,
ПРИНЯТЫХ НА СЪЕЗДЕ «ЕДИНОЙ РОССИИ»
24 СЕНТЯБРЯ 2011 ГОДА

Я просто не могу не прокомментировать событие, которое все сейчас будут обсуждать. Я имею в виду то, что Медведев выдвинул Путина в президенты.

Если я это событие не прокомментирую, то как-то окажется, что мы уже слишком сильно отстранились от злобы дня. А такое отстранение всегда чревато тем, что ты окажешься в башне из слоновой кости.

С другой стороны, невероятная степень углубленности во всю эту «актуалку» – кто, кого, как и куда выдвинул – мне тоже кажется совершенно несвоевременной. И я чуть позже скажу, почему.

Но, как бы то ни было, прокомментировать-то это все необходимо. И делать это в очередной передаче «Суть времени» мне бы не хотелось. Мне не хочется вклинивать такую злобу дня в нечто, что мне представляется на самом деле, по большому счету, гораздо более актуальным. То есть в обсуждение общих проблем, в обсуждение исторической судьбы нашей Родины.

Что же делать? Я решил, что немедленно, по горячим следам, надо сделать спецвыпуск «Сути времени». И что очень важно в этом спецвыпуске использовать жанр под названием «самоцитирование». Потому что сейчас все заголосят о том, что на самом деле все это закономерно, так и должно было быть, так оно и было на роду написано. И все забудут о том, что говорили либералы. Как они требовали, чтобы Медведев отправил в отставку Путина. Как они говорили: «Государь, идите властвовать!»... Вспоминали всё графа Палена... Что именно говорили конкретные приближенные Медведева... Как колебались чаши весов... И чем было чревато это колебание.

Ну, о том, чем оно было чревато, тоже чуть позже. А пока все ж таки – что сработало? Что оказалось главным в происходящем?

Некая машинка под названием «механизм межличностных отношений».

То, что это будет именно так, и то, что это приведет именно к тому результату, который мы имеем, я подробно описал в статье под названием «Политика и психология», которая вышла в «Известиях» 8 сентября 2011 года. В этот момент в разгаре была очередная элитная байка о том, что Путин сейчас получит какие-нибудь новые полномочия лидера нации, а в президенты будет выдвинут Медведев. Перед этим были другие байки о том, кто именно будет тем третьим, который заменит и Путина, и Медведева. Баек было очень много. И посреди этих баек мне показалось очень нужным внести какую-то минимальную ясность в происходящее – аналитическую, конкретную ясность. В статье было сказано (я просто цитирую самого себя):

«Попытка политического анализа выборного процесса обречена на провал. Дело не в том, каковы аналитики. А в том, что все происходящее во власти не имеет отношения к политике. В том числе и к особо любимым нашей элитой подковерным кремлевским играм».

Все понимают при этом, пишу я дальше, что выборные процедуры, связанные с Госдумой, вторичны по отношению

к главному – к президентским выборам. И тогда возникает вопрос: какие факторы окажут решающее влияние на то, каков будет сценарий на президентских выборах? Главный сценарий, который во многом определит, как это ни покажется странным, судьбу России.

Так вот, в данной статье я утверждаю, что *«никогда в истории России психология не подменяла политику в такой степени»*. Далее я обращаю внимание на то, что слова Медведева и Путина о том, что «у нас такая химия отношений, у нас такие отношения» и прочее, – это не пустая болтовня, не дымовая завеса. Это суть происходящего. И это – то главное, на чем держится всё остальное. На отношениях между двумя людьми.

Эти отношения, поскольку от них зависит судьба Евразии, судьба стабильности на территории и очень многое другое, а также судьба колоссальных денег и ядерного оружия (между прочим, наша страна до сих пор по ядерному потенциалу вторая в мире), – эти отношения не могут не подвергаться гигантским нагрузкам. Всем хочется испытать их на прочность – и клеветам, и международным силам, и мощным кланам. Мало ли кому еще...

«Пока что, – написал я в статье, – отношения нагрузки выдерживают». Но это очень странно и противоестественно, что единственный фактор, который надо рассматривать, – психология межличностных отношений. Что вся политика отброшена в сторону в крайне нестабильной стране, которая вот-вот может сорваться вообще в абсолютную нестабильность. И что нужно говорить только об отношениях.

«Порой я просто вижу, как вращаются колесики этого механизма. И как его охраняют оба члена нынешнего тандема».

Далее я пишу, что более всего охраняет этот механизм Путин. Потому что, передав президентские полномочия Медведеву, Путин поставил себя в страшное положение. У нас суперпрезидентская республика, и одним росчерком пера Медведев может отправить Путина в отставку. И когда говорят, что силовики этого не допустят да Госдума возмутится, то это всё просто ерунда, пишу я в данной статье. Лужкова

спасла московская «банда»? Лужкова спасла фракция «Единой России» в Москве? Кто-нибудь спас Лужкова? Кто-нибудь за него заступился? Нет. Росчерк пера – и всё кончено.

И Путин это прекрасно понимал. Он прекрасно понимал, что единственным препятствием на этом пути являются психологические факторы.

«Неготовность Медведева разорвать отношения с Путиным – вот на чем держится условная хлипкая стабильность. Только на этом. А значит, для Путина все, кто напрягает эти отношения, – провокаторы».

Вот Лужков напряг их... Он вроде как выступил за Путина... А Путин сразу понял, что если Лужков напрягает отношения и начинает как бы от имени Путина «наезжать» на Медведева, то это аргумент в руках у либерального крыла «медведевцев». Дескать, «Вы видите, видите, как они с Вами себя ведут, как они пренебрежительно к Вам относятся! Вы же видите это, видите? Ну, так примите решение! Разорвите нитку межличностных отношений! Сделайте решительный шаг!»

Поэтому для Путина каждый, кто напрягал его отношения с Медведевым, играл на либералов. Вот чего не понял Лужков. И, нанеся удар вроде бы по Медведеву с консервативной стороны, он оказался полностью сдан консервативным крылом. Потому что оно сказало: «Извини, но мы этого удара не выдержим. Мы тебя защитить не можем. Мы не можем подвергнуть дополнительному напряжению отношения между Медведевым и Путиным. А если ты так делаешь, то за твоей спиной стоят какие-нибудь либералы, которые тебя на это провоцируют». И они были правы, потому что за спиной-то стояли либералы. И они-то как раз и организовали всю эту историю для того, чтобы по возможности взорвать отношения между Медведевым и Путиным. И так это происходило каждую неделю все эти четыре года.

«Спросят: „Разве может быть столь велик в политике фактор человеческих отношений?“ Отвечаю: так не было никогда в истории политических отношений. Но сейчас в России это именно так. Мы имеем дело с ситуацией, политически абсолютно иррациональной. „Слишком человеческой“,

как говорил один известный философ. (Я имею в виду Ницше. – С.К.) Бог с ним – с механизмом... Представьте себе обыкновенную нить, соединяющую двух людей. И орду прихлебателей, честолюбцев, шепчущих (а порой и кричащих) двум этим людям: „Разорви ниточку, разорви!“ Чаще всего в этом сейчас убеждают Медведева. И очень злятся на то, что он этого не делает. Почему? Потому, что каждый взрослый человек на самом деле понимает: разрыв прочных человеческих отношений – это огромная психологическая проблема. Берешь нож, хочешь ниточку перерезать, а нож почему-то выпадает из рук...»

Развод в случае прочных человеческих отношений – тяжелая проблема? Очень тяжелая! А если отношения еще прочнее и именно психологически – тогда что? Тогда имеет место то, что мы наблюдали четыре года. Когда каждую неделю либералы, вспоминая графа Палена, говорили: «Государь, идите властвовать!» Когда кричали, выли про это. Когда Обама говорил, кто одной ногой, а кто двумя находится в будущем. Медведев – двумя ногами, и он с ним будет работать, а с Путиным он не будет работать. Все напрягалось до предела: «списки Кардина», которыми шантажировали российскую элиту... И всё это было на одной чаше весов, а на другой – отношения между двумя вполне земными людьми. У которых, между прочим, есть честолюбие и много чего еще. Которые обременены всем, чем угодно. Все было поставлено на эту карту. И я считал и считаю, что такая игра была чрезмерно рискованной для России и сопряженной с недопустимыми рисками.

«Повторяю, именно эта нить (она же механизм межличностных отношений) и есть альфа и омега современной российской политики. На то, чтобы сломать этот механизм, перерезать эту нить, уже брошены огромные силы. И будут брошены силы гораздо большие. Какие силы? Разные. Международные в том числе, но и не только.

В происходящее вмонтированы колоссальные деньги, гигантские интересы. Но механизм до сих пор не сломан. Нить все еще не порвана. Спросят: „Ну, и что? Как могут разойтись

двое на столь узкой тропе, коль скоро до думских выборов остается три месяца, а до президентских – полгода?»

Как-как? По-разному!»

Дальше я говорю, что первый сценарий заключается в том, что они будут выдвигать какого-то третьего, который будет их преемником. Об этом шептались на протяжении всех последних месяцев, называя разные фамилии, как мужские, так и женские.

«Имела ли элита основания, – пишу я, – к рассмотрению подобного варианта? Имела. Лопнул этот вариант, как мыльный пузырь? Лопнул – почти без брызг».

«Теперь рассматривается вариант перераспределения полномочий». Путин становится «отцом нации», Медведев – президентом. Этот вариант рассматривался лихорадочно. «Рассматривается ли это всерьез? Безусловно. Может ли это реализоваться, например, в сентябре? Может... Реализуется ли? Не думаю».

Хочется верить в здравый смысл тех, кому предлагается нечто подобное. В их реализм. В их понимание, что система груба. И изысканных переигровок не выдержит. Она, система-то, и так на ладан дышит, не правда ли? Всеобщее спокойствие, на фоне которого якобы можно реализовывать любые, самые рискованные политические комбинации, – липа. Нет этого спокойствия и в помине».

Сейчас я обращаюсь ко всем, кто это слушает. Посмотрите на ценник у обменников – какое новое соотношение «рубль–доллар». Если знать ситуацию изнутри и понимать, что на самом деле гигантских усилий стоит поддержать даже это соотношение, то уже понятно, что дело худо. Если знать, что происходит в мире, то еще точнее это понятно. А если понимать, что происходит в нашей промышленности, в нашем народном хозяйстве, в нашей экономике по-настоящему, то видно, что положение наше просто очень плохое. Что вот эту относительную стабильность до марта будет трудно дотянуть – так всё плохо.

«Нет этого спокойствия и в помине. Ничего сложного соорудить, не разрушив систему, уже нельзя. Соорудить можно

только что-то совсем простое. Такое простое, что дальше некуда. В противном случае, все окажутся под обломками системы еще до Нового года. Подчеркиваю – все. Первые лица – в первую очередь».

Я написал это более двух недель назад. Что сооружено? Самое простое, что может быть.

Итак, первый вариант – это изысканные композиции, с помощью которых перераспределяются полномочия.

Второй – плыть вдвоем до декабря вместе и не говорить, кто будет. Риск огромен, но я вполне мог себе представить, что и это будет. Потому что отношения не выдерживают ничего другого.

«Третий вариант – простые и грубые мужские договоренности. Без изысков, без политических менуэтов на тончайшем льду, готовом обрушиться в любую минуту». Вот этот вариант и состоялся.

Четвертый вариант – слом политического механизма. То, с чего я начал обсуждение.

Итак, состоялся вариант №3. Договоренности – простые. Система выбрала самый грубый вариант. Потому что она понимала, что никакого другого она уже выдержать не может. Всё – на пределе.

«Каждый из этих вариантов задает свою драматургию выборов. В одной драматургии партии являются такими же статистами, как и в 2004 или в 2008 годах. А в другой...»

Мне ясно, что сейчас начнется время интенсивной раскачки процесса. Что этот сценарий вызовет системное бешенство у очень и очень многих. Что нагрузки, которые сейчас лягут на политическую систему, будут весьма велики.

И мне понятно примерно, как будет себя вести в ответ система. Никакой идиллии, никакого «шоколада» в происходящем нет. Все, что произошло, означает, что нас ждут весьма серьезные испытания еще до думских выборов. И в особенности сразу после них.

Теперь о том, что же наиболее важное я тогда оговорил как стратегическое.

«Проект „российский капитализм плюс полноценное вхождение РФ в Европу“ терпит крах. А никакого альтернативного стратегического проекта нет. Любые альтернативы были похоронены даже не в 1991 году, а лет так на пятнадцать раньше. Как это кому-то ни покажется странным».

Да, я утверждаю снова, что это правда. Как это кому-нибудь ни покажется странным. Вхождение России в Европу, сброс обременений в виде азиатских республик, среднеазиатских и не их одних, – это была задумка не только Андропова, но очень и очень многих. Казалось, что это очень остроумная задумка... Что при этой задумке Россия очень много выиграет... Что, в конце концов, она станет самой мощной ядерной державой Европы... Что это будет огромное целое... Что в пределах этого целого Россия получит особые возможности... Что американцам просто придется уйти из Европы... Что это начало системного триумфа... Были такие утопии уже в 70-е годы, очень влиятельные. Потом они из утопий превратились в то, что называется «перестройка» и «постперестройка». Верили в это свято. Говорили об этом с пеной у рта. Презирали всех, кто не понимает гениальности этого изящного плана... Теперь план лопнул. Лопнул, его нет. И что делать?..

Мир идет в определенную сторону. Технологическая «маржа», то, что нужно заплатить за раскрутку технологий и прочего, предполагает возможность реализации конечных продуктов на все более обширных рынках. Уже сегодня речь идет о рынках не менее чем в 300–400 миллионов людей, потом – 500. Таких рынков немного, совсем немного. Субъект, который способен продолжать технологическую гонку, должен знать, что он может обладать некими возможностями на очень серьезных рынках. Рынки начинают все более серьезным образом защищаться. Где оказывается Россия?

Происходящий хаос – это ведь не просто хаос. Это дезорганизация в работе механизма, приводящая к гигантской концентрации капитала, это такой «пылесос». Механизм дезорганизуется. Чем более он дезорганизован (это называется «управление через хаос»), тем в большей степени самые мощные финансовые силы мира влияют на всё. Эти финансовые

силы, влияя на всё, добиваются дополнительных предпочтений, они концентрируют капитал. Это еще не стадия, когда мир должен стать управляемым. Это стадия, когда накапливаются капиталы для того, чтобы в будущем создать совершенно новую систему управления миром. Где мы в этом процессе?..

Это не решено, на это нет ответов вообще. Ни у Путина, ни у Медведева. А у кого они есть? Кто-нибудь пытается рассмотреть эти варианты всерьез? Кто-нибудь пытается отказаться от злобы дня?

Итак, все подзаложились именно под этот проект вхождения России в Европу. *«И что теперь делать? Надрывно утверждать, что он вот-вот реализуется? Рассматривать проблему лидерства и преемственности под этим углом зрения? Мол, „давайте тем, от кого зависит вхождение в Европу и наше в ней благополучие, покажем такого российского лидера (стоящего «двумя ногами в будущем». – С.К.), который их там устроит. Мы тогда и благополучие сохраним, и в Европу войдем“.*

Да не хотят они ни нашего вхождения, ни вашего благополучия! А все их „ахи“ и „охи“ („этот двумя ногами в будущем, а этот одной ногой...“) имеют тупой и очевидный подтекст: „Кого легче скинуть, тот и двумя ногами в будущем. А когда его скинем, то посадим всех. И тех, кого обласкиваем. И тех, кому грозим пальчиком“.

Верхняя страта нашего общества все это на самом деле „проуныкала“. Не такие уж, между прочим, глупые люди. Но одно дело это понять, а другое...» Другое дело – что-то этому противопоставить. Все двигались туда. Там – семьи. Там – деньги. Там – собственность. Что делать теперь?

«И тут, – пишу я, – место политики занимает психология». Невроз, при котором эту проблему выкидывают из мозга. Мол, как-нибудь обойдется, как-нибудь разберемся.

«Вот так и живем – пока».

Завершаю цитирование моей статьи, вышедшей 8 сентября. И еще раз говорю, что жить так можно только – пока...

А вот в новой статье, которая была опубликована в «Известиях» 23 сентября, я поднимаю, может быть, еще более важный вопрос, который касается отношений между Россией

и правыми⁶. И полностью говорю обо всем том, что определяет мое отношение и к произошедшему сейчас, и к тому, что будет происходить завтра.

«Нужна ли России правая партия? Для серьезного ответа на этот вопрос нужна теория „правизны“. И – феноменология оной. То есть сопряжение того, что Вебер называл „идеальными типами“, с узнаваемыми политическими персонами.

Моя теория (и, между прочим, это единственная теория, которую я исповедую на протяжении последних 20 лет, и ни разу она меня не подводила) базируется на том, что постсоветский краеугольный принцип – это принцип антисоветского консенсуса. Как говорят актрисы в гримерке, „против кого мы будем теперь дружить?“»

Ведь это очень естественно. Некие силы, очень разные, поднапряглись вместе, разрушили советскую систему, скинули советскую власть, отстранили от власти КПСС, разрушили Советский Союз. Все эти силы были консолидированы ненавистью к тому, что они разрушали. Иначе нельзя разрушить нечто. Как революционеры в 1917 году были консолидированы ненавистью к царскому самодержавию, так и здесь. Ненависть к советскому. Ненависть к СССР. Ненависть к определенному образу жизни. Ненависть к определенной политической системе. Ненависть, ненависть, ненависть... И эта ненависть объединяла очень разных людей. Когда они объединились и свергли, неважно что – советизм или царизм, – они потом постоянно воспроизводят эту ненависть. Они на ней держатся.

Может быть, в какие-нибудь 80-е годы где-нибудь на даче у генсеков и чокались тайно за здоровье государя императора. Вполне охотно верю, тем более, что мне такие вещи рассказывали. Но внешне, на съездах и везде, продолжали проклинать «проклятый царизм» – это было неотменяемо, как неотменяем был тот консенсус. Его каким-то образом медленно трансформировали, медленно корректировали, но он был неотменяем, как нечто, на чем построена система.

---

6 Кургинян С. Нужна ли России правая партия? // Известия. 23.09.2011.

Так и нынешняя система построена на антисоветском консенсусе, консенсусе очень разных людей.

«Те, кто сносил и снес советскую Систему, „дружили“ против этой Системы. И ненавидели друг друга. Почему? Потому что сносимую ими Систему ненавидели абсолютно по-разному».

Вот ее сносили, например, Дмитрий Васильев и Валерия Новодворская. Но они же ненавидели ее по-разному! Между прочим, являясь представителями двух разных крыльев одной международной организации под названием НТС: либерального (условно левого) крыла и консервативного крыла. Белые монархисты и те, кто иммигрировал из страны в 1970-е годы, были очень разными людьми. Либералы, иммигрировавшие в 1917 году, и ультрамонархисты, настроенные совсем на другое, тоже были разными людьми. Им было трудно сотрудничать против Советского Союза на радиостанции «Свобода» или где-нибудь еще. Но они как-то пытались это всё утрясать вместе. Почему? Потому, что они ненавидели Советский Союз, «совок», «Совдепию» и т. д. Поэтому они пытались друг к другу приспособливаться. И в итоге – притерлись. Это и есть антисоветский консенсус.

«Что же касается феноменологии, дополняющей предлагаемую теорию, то не так уж трудно сопоставить идеальные типы (они же антисоветские силы) с известными политическими фигурами.

Первая и очевиднейшая антисоветская сила – либеральная. Для либерала-антисоветчика „советское“ – это значит „тоталитарное“. Так ведь?

С персонификациями тут все просто донельзя. Хоть тебе Гайдар, хоть Чубайс... „Камикадзе“, как сказал про них Борис Николаевич Ельцин...»

Итак, это первая сила, ненавидящая страну, советский строй, советский образ жизни. Ненавидящая и всю историческую судьбу, ибо она считает, что эта судьба приволокла в конце концов к Сталину. Яростно против этого сражающаяся... Абсолютно уверенная, что в этом сражении можно пользоваться иноземной помощью без ограничений... Твердо

считающая, что лучше иностранная оккупация, чем восстановление «совка» или чего-то «совкоподобного», как они говорят... Это всё и есть вот эти люди.

«Либералы-антисоветчики возглавили перестроечный процесс, процесс радикальных рыночных реформ. (Именно они были во главе всего! Они волокли за собой массы. Они волокли за собой всех основных попутчиков.) Извлекли из этого огромное преимущество. (Чубайс не извлек из этого преимущество?!), взяв на себя ответственность за превращение сверхдержавы в страну периферийного капитализма, потеряли общественную поддержку уже к началу 1993 года. Ельцин не мог не сдать Гайдара в 1992 году. Не мог не заменить его Черномырдиным.

Вот мы и переходим с вами от либералов-антисоветчиков к другому рода антисоветчикам, входившим в команду ЕБН. К антисоветчикам умеренно-центристским (Черномырдин) и националистическим (Коржаков, Сосковец).

*Борьба между этими антисоветчиками завершилась приходом Путина. Который был ближе к Коржакову и Сосковцу, чем к Черномырдину. Но именно ближе и не более того. „Путин – антисоветчик?“ – спросят меня. Да, представьте себе. Умеренный, патриотичный прагматик-антисоветчик. Не убравший, как и Ельцин, либералов с политической сцены. (Все они на этой сцене, как мы видим, кроме тех, кто оказался крайними.) *Опекающий вдову Солженицына и так далее.**

Я убежден, что все это имеет для Путина именно нутряной, органический характер. И в этом смысле, когда в передаче «Исторический процесс» мой оппонент кричит, что «кто-то здесь защищает Путина»... Когда говорят что-то против капитализма – это Путина защищают?! А что, Путин решил, что капитализм – это плохо? Не может быть! Кто-то может себе это представить?!

«Для представителя подобных сил (центристских, прагматических, антисоветских сил) советское – это значит непрагматичное. „Красивая, но вредная сказка“, как сказал Путин. Дескать, сделав ставку на эту сказку, советская Система проигнорировала прагматику, законы человеческого

нутра, законы экономики и так далее. И доигралась до распада СССР. То есть до того, что Путин, в отличие от либералов, называет геополитической катастрофой.

Как мы видим, Путин симпатизирует советскому больше, чем Чубайс и другие. Но и не более того. (Когда один что-то люто ненавидит, а другой к этому относится, мягко говоря, крайне сдержанно, то это не значит, что другой это «что-то» любит.) Да, он сказал, что Сталин лучше Гитлера. Но быть лучше Гитлера не значит быть хорошим, не правда ли? В такой констатации, опять-таки, важнее всего прагматика. Нельзя, чтобы на одну доску поставили СССР и гитлеровскую Германию. Кроме того, для любого центриста-прагматика Сталин – это одно, а советская система – другое.

Итак, антисоветские силы второго типа (центристско-прагматические, путинские etc.) сдержали разрушительные процессы, запущенные антисоветскими силами первого типа. Сдержали, но не переломили. К 2004 году стало ясно, что не „переломили“, а лишь „сдержали“. К 2008-му это стало окончательно ясно. А ведь у нас на дворе 2011-й, правда же?»

Я много раз показывал такую кривую: сначала при Ельцине обрушение быстро, по параболе, идет вниз. Так быстро, что страна может удариться о дно уже в 2000 году. При Путине эта линия выправляется и идет вниз уже плавно. Для каждого, кто был в пике, замедленное движение кажется гораздо более удобным. Но это замедленное движение в ту же точку – точку окончательного обрушения. Никто вверх не ведет!

Сколько раз я об этом говорил? Очень много. И это представляет для меня ось, вокруг которой вращаются все представления о происходящем.

Дальше. Раз регресс сдержали, но не переломили, то «центристско-прагматический антисоветский „полит-язык“ (я не хочу называть «идеологией» все то, что говорится обществу и обеспечивает легитимность: «встаем с колен», «патриотизм», «великая держава» – неважно, энергетическая или какая другая, и т.д. и т.п.) перестанет обеспечивать легитимность в той же мере, в какой ее уже в 1993 году перестал обеспечивать „полит-язык“ либеральный».

Это неизбежно. Если процесс не переламывают, а процесс – это процесс регресса, движения вниз, то рано или поздно при определенном градиенте между той точкой, в которой этот процесс взяли на себя, и той точкой, в которую процесс пришел, легитимности нет. Все начинают понимать, что дело – швах.

«Тогда наступит время третьего типа антисоветских сил – националистических. Яркими представителями этого направления являются Владимир Жириновский и Дмитрий Rogozin. Но Жириновский пришел очень рано. И израсходовал большую часть своего потенциала до того, как наступило его время. А Rogozin пришел почти вовремя. Но именно „почти“...

Впрочем, тут дело не в персонификациях».

В конце концов, вполне можно себе представить, что и ныне действующие политики пересядут на эту лошадь, начнут менять политический язык. Почему бы нет? Но это очень опасно.

«Процессы давят на политиков, требуя, чтобы они вовремя на эту лошадь пересели. А политики не хотят, понимая, чем это чревато. Отсюда – феномен Дмитрия Медведева».

Вот здесь я перехожу к тому главному, что хотелось бы обсудить.

«Суть Медведева как политика в том, что он решил развернуть процесс в обратную сторону. То есть вернуться от путинского центристского умеренного антисоветизма к условно-ельцинскому радикальному либеральному антисоветизму».

Ведь мы же с этим столкнулись с самого начала, когда начались разговоры о развитии. Развитие – это замечательно. Кто же может быть против развития? Когда потом развитие приравняли к модернизации... Ну ладно, приравняли и приравняли. Хотя на самом деле это чудовищно опасно. Потому что в России с модернизацией все очень плохо. Россия просто развивается по-другому. Но – приравняли, не понимают опасности этого, не разделяют эту точку зрения. Модернизация...

Потом сказано было, что модернизация требует демократизации. Но это типичная перестройка! Это как когда

сначала Горбачев говорил об ускорении, а потом стал говорить, что ускорения мы не достигнем, поэтому сначала нужна демократизация. Мы тогда настаивали: ну, ни в одной стране мира так не было, никто нигде ничего не модернизировал в условиях демократизации... «А мы – будем!» Так и теперь: мы говорим о том, что модернизация исчерпана... «Да ладно вам, что значит „исчерпана“?»

И, наконец, самый зубодробительный удар, возвращавший логику Горбачева–Ельцина в происходящее, – это антисталинизм. Десталинизация, десоветизация, ликвидация «совка», покаяние... Вот тут пришлось выдержать длинный и главный бой. Мы показали, что осуществить всё это вместе уже не получится. Что демократическим способом это делать нельзя по определению, потому что колоссальная часть населения этого не хочет и не примет. На этом коне нельзя ехать на выборы, даже в условиях, когда так велик административный ресурс. Просто нельзя – и всё! Можно сорвать резьбу. Это был невероятно сложный бой, и его удалось выиграть.

Но суть происходящего заключается в следующем. Я уже говорил об этом ранее (рис. 2).

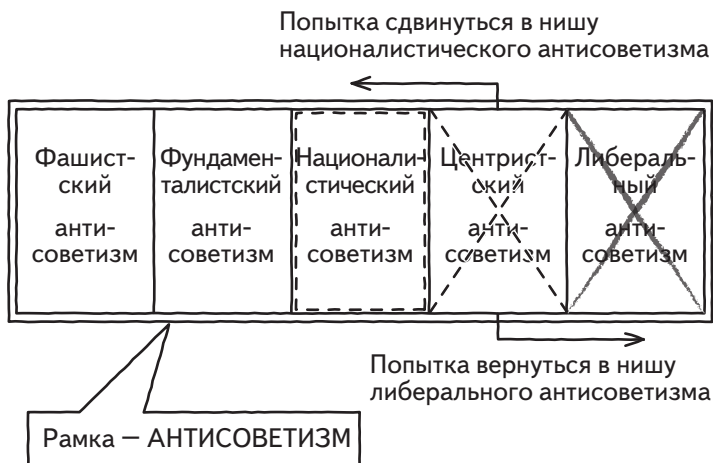

Рис. 2

Есть рамка – антисоветский консенсус. Процесс идет внутри этой рамки. Вот здесь были либеральные силы, здесь – центристские, здесь – националистические... В сторону национализма двигает сама логика процесса. А Медведев захотел повернуться назад, в либерализм. Но такое движение назад запрещено. И если бы это движение реализовалось, то срыв резьбы был бы неминуем. И страна просто обрушилась бы вниз. Не плавно бы шла к точке конца, а упала резко вниз, как самолет, потерявший управление! И вся борьба шла за то, чтобы она вот так не упала.

Спросят: «Какая разница, как она упадет – так или этак?»

Огромная разница, потому что при плавном падении есть интервал времени (и я тоже не сегодня об этом сказал, а говорю об этом много месяцев подряд) – интервал, за который можно успеть что-то сделать. Вопрос в том, как использовать этот интервал.

«Но я бы хотел сейчас обсуждать не свои, естественно, субъективные, представления о возможном и невозможном, а объективный атлас идеологий.

Ну, так вот. Если сила, использующая определенный политический язык (в данном случае антисоветский центристско-прагматический) лишь сдерживает, а не переламинает разрушительные процессы, этот политический язык, изнашиваясь, перестает обеспечивать легитимность. ... И наступает время третьей по счету антисоветской силы – националистической.

Наступить-то это время наступило... Да только вот издержки огромные! Потому и топчется весь совокупный антисоветский бомонд у барьера, который слишком страшно переступить».

«Но, может быть, его надо переступить?» – скажут мне. Если его переступить в рамках антисоветского консенсуса, если начать «жарить» национализм на антисоветском прогорклом масле, то кончится это тем же. Процессы приведут к резкому обрушению.

«Эстафета вскоре перейдет к четвертой антисоветской силе – религиозно-фундаменталистской. Она придаст анти-

советизму иной накал, приравняв советское к сатанистскому. Персонафикация? Мне кажется, что нынешний Патриарх – фигура очень сильная и явно имеющая политические претензии. Но слишком умеренная для подобной метаморфозы.

...Поиграв чуть-чуть с четвертым языком и перебрав в этой игре людшек в четвертый раз, антисоветские силы скатятся к нацизму. Долгое время для меня это направление политически олицетворял Александр Дугин. Но с годами он все же теряет правоэкстремистский запал. Так что и эта персонафикация условна. И опять же, был бы спрос на язык, а персоны найдутся. Причем 0-го-го какие. Тут-то все и накроется окончательно. Не идиллией русского „великого рейха“ кончится, а русской и общемировой катастрофой. „Мистерией конца“, как любят говорить оккультные фашисты, грезящие уничтожением жизни как творения злого и бездарного Демиурга».

Это все не шутки. Все, кому кажется, что процесс упокоится в этой фашистской нише, должны понять, что там никто никакой процесс успокаивать не хочет. Там к власти придут весьма специфические фигуры. Гностический экстаз мыслит только тем, как бы побыстрее вообще закончить историю человечества.

«Согласитесь, что все перечисленные мною выше силы – правые. Ведь не левые же!» Дугин – левый?! Rogozin – левый?! Патриарх – левый?! Жириновский – левый?! Кто левый?.. Путин – левый?! Гайдар – левый?! Нет.

«Итак, все силы правые. И все они в определенной ситуации могут быть востребованы. Но нужны ли они России?»

Тут ребром встает главный надпартийный вопрос: что нужно России?

Нужно только одно. Переломить, а не сдержат сокрушительные процессы, разворачивающиеся с неумолимой силой в последнее двадцатилетие. А раз так, то ни одна из перечисленных мною сил критерию нужности не отвечает. Не потому, что плохи лидеры или идеология, а потому, что ничего нельзя переломить, оставаясь в рамках сформировавшегося (в конце 80-х годов и закрепившегося в 1991 году) стратегического антисоветского консенсуса».

Всё, что можно делать – эту рамку менять. Выходить за пределы политической системы, которая держится на этой антисоветской рамке.

И в этом весь смысл происходящего с нами. Вот рамка антисоветского консенсуса. В ней нарезка сил – либеральных, центристских, националистических, фундаменталистских, фашистских (см. рис. 2). Либералов – «отстрелили». Теперь, после «центристского» периода, подошли к «националистическому». Попытались с Медведевым повернуться назад. Поняли, что запрещено... И топчутся у националистического барьера.

Для того чтобы оказаться в нынешней политической системе, нужно быть не вне рамки антисоветского консенсуса (то есть не там, где находится ваш покорный слуга), а где угодно внутри нее. Потому что здесь идет системная кооптация в пространство антисоветского консенсуса. А вне рамки этой кооптации нет. И все разговоры о том, что мы якобы «поддерживаем Путина», что у нас некое «созвучие душ», – это полный бред.

Путин на сегодняшний момент совершенно не готов к тому, чтобы ломать рамку антисоветского консенсуса. Он сейчас запретил пролиберальный поворот и сам остался между центристскими и националистическими силами. И вся политическая система находится здесь же. Она не знает, куда ей двигаться. Она не хочет двигаться в национализм. Этому очень многое противоречит. Но и вовне рамки она не переходит.

А я убежден, что только переход в пространство вовне рамки – серьезный, системный – может обеспечить устойчивость страны и перелом негативных тенденций.

Нам нужно вернуть слишком многое. Нам нужно не только национализировать стратегические отрасли, но и найти для них невооруженный менеджмент. И восстановить в пределах государственного ядра всю логику плановой, директивной системы – но эффективной. За счет этого (и только за счет этого!) можно собрать достаточные ресурсы для того, чтобы восстановить главное – логику оплаты труда, ликвидировать диспропорции. Отменить имитационные забавы типа

«Сколково» и действительно всерьез дофинансировать науку, технику. Вернуть нормальную социальную логику.

Если на периферии этой системы, в рынке, люди, занимающиеся малым, средним и любым другим бизнесом, хотя производят товары народного потребления, то пусть они производят. И пусть налоги на это будут меньше. Но между этим слоем и ядром надо установить правильную мембрану, которой не было при НЭПе и которую не установил Горбачев. А ее надо установить. И шквал воровства и коррупции надо прекратить. И если для этого наиболее опасных преступников придется расстреливать – значит, надо расстреливать. Но для этого нужен внятный субъект, который будет не деньги собирать со своего монопольного права на расстрелы, а о стране заботиться.

Если какой-то крупный бизнес хочет заниматься инвестициями в новые, трудно осваиваемые районы и хочет там, в Восточной Сибири или где-нибудь еще, получать высокую прибыль, – ради бога, пусть он ее получает. Только на паях с государством, 50 на 50. И кем бы ни был человек, который сегодня хочет переломить процесс, кем бы он ни был – самым радикальным коммунистом или рыночником, – все понимают, что иначе никакого перелома не будет. И все понимают, что это осуществить невероятно трудно, почти неподъемно. Но это, и только это, надо делать.

То, что вместо этого предлагает «Единая Россия», совсем другая схема. Она не может дать эффекта. А для того чтобы решиться на данную схему, нужно сделать главное – нужно рассмотреть, каков тот политический класс, на который ты опираешься, и понять, где другая точка опоры. Потому что имеющийся политический класс никогда не согласится на эту логику. Значит, нужен новый политический класс. Уже над ним – нужны другие партии. И над этими партиями – нужна другая государственная система.

Экономические испытания, которые предстоят стране в 2011–2012–2013 годах, огромны. Нагрузки на систему лягут немеряные. Политические нагрузки будут чудовищными. Международные нагрузки будут огромны потому, что амери-

канцам надо что-то делать, и они не знают точно, что делать. Они в предыдущие годы залили кризис огромным количеством денег. Теперь они отказались и это делать. И вся система начинает рушиться. А у них нет никакого другого сценария в мировом масштабе.

Все это поставит перед страной совершенно новые вызовы. Ни действующий класс, ни вот эта рамка не позволяют ничего сделать, не позволяют уберечь страну от полного краха! Это все надо менять.

На сегодняшний момент произошло одно: процесс, который хотели повернуть в сторону возврата к радикальному либерализму, в эту сторону не повернулся. Благодаря очень и очень многому, в том числе и нашим скромным усилиям. Он сюда не повернулся, с чем я всех и поздравляю, ибо это было бы самое худшее. Но он топчется на этом месте. И он полностью связан как с многочисленными утопиями (с «евроутопией», например), так и с качествами класса, который определяет всё – и институт лидерства, и политическую систему, и государственное устройство.

И с этим придется расставаться в ближайшее время так же, как с рамкой антисоветизма. В противном случае не сладкая идиллия застоя маячит на горизонте, а колоссальные испытания.

Поздравим же себя с тем, что кое с чем, а именно с десталинизацией радикального либерализма, возвратом к уже мертвым мифологемам и типам социального и прочего культурного бытия, – с этим всем покончено на ближайшее время. Этого в радикальном варианте не будет – что вовсе не значит, что этого не будет вообще. Политический класс остался. Требования выборов – это одно, а внутренняя психологическая, идеологическая и прочая установка – другое. И эта установка, конечно, существенно либеральная. В экономике – в первую очередь.

Так что не надо преувеличивать результат, но не надо его и преуменьшать. А главное – надо понять, что маячит на горизонте. Нам нужны не косметические изменения, нам нужна другая идеологическая рамка. Другие политические

представления о важности советского опыта. Другие формулы развития. Другая мобилизационная модель и люди для этой модели. Система, готовая актуализировать эту модель. И все это нужно просто для того, чтобы страна не рухнула уже в ближайшие годы и не рассыпалась в прах при подходе к 2017 году. Что неминуемо, если все эти стратегические инновации не будут введены в действие. Если мы останемся только в рамках косметики, косметических ремонтов. И если нам будут все время говорить: «Будьте счастливы, что радикальный либерализм не вернулся. А теперь успокойтесь и сделайте так, чтобы все было „тип-топ“».

Мы не можем успокоиться, потому что мы видим, что происходит: напряжение нарастает, неблагополучие нарастает, оно скажется уже в ближайшем месяце и даже на средневременной перспективе. А уж на перспективе в 5 лет – тем более.

Из этого надо исходить. К этому надо готовиться. Таков подход, который хотелось бы еще раз изложить в связи с крупным, актуальным событием, которое я вынужден был обсудить. Ибо без этого обсуждения мы все действительно окажемся в башне из слоновой кости. А допустить этого сейчас нельзя.

27 сентября 2011 года

Выпуск №34

Мне искренне хотелось бы обсуждать только высокую проблематику – Гегеля, Маркса, Вебера, Фромма – и двигаться вперед именно в этом направлении. Потому что я действительно считаю, что это, казалось бы, совсем абстрактное направление, на самом деле, очень важно. Только оно и является не абстрактным, а конкретным, практическим. Все наши практические рассуждения ничего не меняют в жизни. Мы можем на что-то посетовать, по какому-то поводу негодовать, что-то даже чуть глубже понять, но жизни это не изменит.

Однако есть еще некая проблематика, которая является и не теоретической, абстрактной, и не данью злобе дня. Эта другая проблематика – экзистенциальная. Это проблематика идущей сейчас войны. В связи с чем мне придется какую-то часть передачи посвятить статье Александра Минкина «Не играй в наперстки»⁷.

Отнюдь не потому, что там обильно и неаппетитно упоминается ваш покорный слуга (это, наверное, тысячная статья на моей памяти, в которой разные граждане упражняются по моему поводу в нецензурных выражениях). А потому, что она является страшно важной с принципиальной, стратегической, экзистенциальной и какой хотите еще точки зрения. И я попытаюсь это доказать.

---

7 Минкин А. Не играй в наперстки // Московский комсомолец, 23.09.2011.

Я попытаюсь доказать, что мы находимся на определенном перепутье, в определенный поворотный момент. И что сейчас наши противники быстро-быстро пытаются перегруппироваться и выработать новую идеологию, новую философию, новую нравственность, если хотите, – для того, чтобы перейти к беспощадной борьбе. Потому что они понимают, что в противном случае они все проигрывают окончательно.

Так вот, статья Минкина как раз из этого разряда. Совершенно неважно, понимает ли это сам автор, но речь идет именно об этом. Это такой манифест определенных сил, и его надо внимательно читать, продираясь сквозь неаппетитные выражения, нецензурщину, хамство и все остальное, потому что это не главное. А главное – совсем другое.

Минкин пишет:

«Общество бурно обсуждает какую-то дерьмовую телевизионную игру. Два участника: Сванидзе и Кургинян. Ни разу передачу не видел, не знаю даже, на каком канале ее показывают. Зато слышал, как по радио обсуждали, и в газетах натыкался.

Всюду одно и то же: зачем Сванидзе согласился, если он всякий раз с треском проигрывает телевизионное голосование, и почему он проигрывает».

В тексте присутствует очень важная вещь. Минкин, человек, хоть и не уравновешенный, но вполне не лишенный определенных специфических дарований, сознательно берет на вооружение формулу: *«Ни разу передачу не видел, не знаю даже, на каком канале ее показывают. Зато...»*. И так далее.

И в конце говорит: *«Передача – дерьмо. Не смотрел, а знаю»*.

Это скрытая цитата фразы, знакомой всем: «Я Пастернака не читал, но знаю, что он идеологически вреден...». Смысл той фразы, которую, как вы помните, демократы люто ненавидели, заключался в следующем. Пастернака не издавали. Поэтому сказать, что его читали, означало признаться в том, что читал самиздат. И диссиденты наши глумились по этому поводу: «Вот, не издали, а теперь хотят осуждать! А как это осуждать? Если читал самиздат – это статья уголовного кодекса. А с другой стороны, надо...»

Поэтому и говорилось: «Я не читал, но...». При этом такая формула, во-первых, считалась крайним признаком идиотизма. И, во-вторых, считалось, что произносящий такую формулу – цепной идеолог, «пес сталинизма», который рвет все в клочки, потому что властвует, потому что плевал на истину, потому что его не интересует ничто, кроме того, чтобы порвать горло противнику, порвать и растоптать. И властвовать, властвовать, властвовать...

Минкин таким способом цитирует в скрытом виде своих вчерашних сначала хозяев (потому что генезис Минкина абсолютно понятен), а потом противников, врагов... То бишь этих «лютых коммунистов», которые хотели только «властвовать, властвовать, властвовать и вцепляться в горло», – как говорили минкины потом уже, когда они освободились из-под власти этих своих хозяев, которым они лизали сапоги или ботинки с невероятным удовольствием.

Я лицезрел это в варианте Минкина в определенные годы, когда Минкин еще любил мой театр и когда он сочно живописал, что такое начальники, какие именно начальники и как он любит этих начальников. Тогда речь шла об очень мелких начальниках на уровне райкома комсомола и чуть выше.

Так вот, такого рода скрытое цитирование (когда человек говорит: «Я уподобляюсь тем, кого я уже описал как бесов. Я сам становлюсь бесом. Я сам становлюсь человеком, который рвет горло любому, кто посягнет на мою власть») – не случайно. Люди понимают, что они проигрывают, что почва уходит из-под ног, что исчерпана эпоха двадцатилетия, бесславная, потерявшая язык, не ищущая аргументов. Она кончена. Сказать нечего. Ты ведешь дискуссию, а на тебя смотрят и говорят: «Гад, гад, гад, гад, гад, гад, гад! Сволочь, сволочь, сволочь, сво...» И все. Потому что больше уже сказать нечего. Нельзя по сотому разу повторять заезженные клише. Нельзя еще и еще раз воспроизводить аргументы, которые потеряли всякую общественную значимость.

А, главное, сам-то ты каков? Ты-то что сделал? Тебе-то какой отведен исторический срок?

И ничего – кроме жалкого, постыдного поражения. Кроме того, что что-то там пригреб к себе ручонками – и кушаешь, кушаешь, кушаешь, лижешь, лижешь, лижешь, сосешь, сосешь, сосешь эту кость, уже обглоданную кость капитализма... Действуешь, как его маленькая-маленькая шавочка... И всё. И ничего нет. А завтра и это кончится. И что же будет? Боже мой!..

И тогда шавочка превращается вдруг в обезумевшего волка, который хочет уподобиться волку другой эпохи. И говорит: «Да-да, я уподобляюсь. Вот тот не читал, но знал, – и я не читаю, но знаю. Я раньше говорил, что тот – плохой. А теперь я сам хочу быть таким плохим, как тот».

«Хочу быть, как Ермилов», – говорит тем самым Минкин.

«Хочу, хочу!..» – он с этого начинает и этим кончает.

Ермилов – это был такой критик в советскую эпоху. Как гласил анекдот, на двери его дачи было написано: «Злая собака». И кто-то приписал: «И беспринципная».

Так вот, смысл в этом – «хочу быть таким вот отвязанным, рвущим на части, ненавидящим; только таким; и расписываюсь в этом в первых и последних строках сего письма».

Дальше читаю: *«Сперва отвечу на вечный упрек: мол, если человек передачу не видел (то есть он понимает уже, что говорит крамолу, он ее сознательно говорит. – С.К.), то не имеет права называть ее дерьмом и даже думать так не имеет права. Я и дерьмо не пробовал, но уверен, что и на ощупь оно дерьмо, и на запахах, и на вкус».*

Значит, он начинает нервничать, употреблять сильные выражения, потому что очень слабая логика... Но что он это «не пробовал» – это непонятно... ну, нюхал... а если не пробовал, не нюхал, не видел, то что? Ему о нем рассказывали? Что он имеет в виду? Он обязан зарегистрировать явление. А как театральный критик обязан его увидеть своими глазами. Он понимает, что то, что он говорит, стыдно. Но ему хочется именно так кривляться, потому что как-то ведь надо кривляться, как-то надо прикрыть ужас, который внутри. А ужас этот о-го-го какой!..

«В объяснениях по радио Сванидзе повторял свои аргументы: а) не уступаю поляну; б) сообщаю свое мнение, свою позицию.

Сообщает кому? Противникам? ...А главное: сторонникам Сванидзе не нужны рассказы Сванидзе, они всё это уже знают, читали. (Так пусть бы рассказал что-нибудь новенькое. Раз они уже всё это «знают и читали», то нашёл бы что-нибудь новенькое. – С.К.)

Зато поклонники противника в полном восторге. Они слышат подтверждение своей паранойи. А главное, видят свою победу (в телевизионном голосовании), видят унижение своего врага. Их даже не смущает та забавная деталь, что о русской истории с пеной у рта спорят два субъекта кавказской национальности».

То есть Минкин (Минкина видели когда-нибудь?) говорит о двух субъектах кавказской национальности... Потому что он обезумел. Он рехнулся от ненависти. Ему сказать уже нечего. Он ищет аргументы у подворотни. А вот это и есть то, ради чего я и хочу это обсуждать. Бог бы с ним, с Минкиным, – невелика птица. Но ведь это некий класс ищет аргументы в подворотне, в последней подворотне, то есть в самом низу – в люмпене, где угодно еще. Эта элита понимает, что если она еще и сможет схватиться за что-нибудь массовое, то за предельную низость.

Каждый из тех высоколобых, респектабельных, кому Минкин все это адресует, должен это прочесть и сказать: «Тьфу, вот это и есть то самое „г“, о котором так много говорит Минкин». Но Минкин это говорит, потому что он не для элиты это пишет.

Он пишет это, во-первых, потому, что он обезумел, он уже политически – в Кашенко.

И, во-вторых, он пишет потому, что ищет связь с подворотней. Потому что нет никакой другой связи, и тогда нужна связь хотя бы с подворотней. И плевать, что эта подворотня потом сделает с самим Минкиным, – сейчас надо ее разбудить.

Минкин говорит: «...*дерьмо... привлекательно. Но не для всех. Мухи стремятся, а пчелы — нет. А мух ... больше, чем пчел*».

Это очень важная философия. Она подразумевает, что все, кто сейчас слушает эту передачу, – мухи. А Минкин и подобные ему – пчелы. Это – расизм. Если сначала в тексте чуть-чуть присутствует расизм буквальный («кавказской национальности»), то ниже присутствует расизм еще более опасный – тот самый классовый экстремизм, по поводу которого так сетовали недавно некие высокие должностные лица. Вот он – в чистом виде! Это разделение людей на мух и пчел. Это подготовка новой идеологемы. Конечно, абсолютно гностической, как мы все понимаем.

«– Но миллионы смотрят!»

– Ну и что? Миллионы курят, миллионы пьют – это не дает морального основания пропагандировать курево и пьянку. Зато дает корыстное основание.

Наличие уродских проблем не означает, что надо пропагандировать уродов... предоставлять эфир».

Значит, если большинство народа поддерживает определенную позицию, то они уроды и им надо заткнуть рот. И все это надо называть демократией!

А вот третий пункт, в котором автор встает на позиции расизма. Чуете? Это все не случайно.

«Поклонников Кургиняна так же невозможно переубедить, как невозможно переубедить педофила. Только кастрировать... (То есть расстрелять. Поклонников Кургиняна невозможно переубедить – их можно только расстрелять. Или интернировать. – С.К.). Да и то желания могут остаться прежними, только задор пропадет. (Убить, сжечь в топках... – С.К.). И ничего обидного для Сванидзе ... нет. С наперсточником играть нельзя... А зачем эта передача в эфире?» (По-видимому, Кремль хочет социализма... очень сильно... И потому... – С.К.)

«...зачем давать эфир уроду? Бешенство существует. Но бешеную собаку ни в какую радиостудию не приглашают. (То есть «ее пристреливают» – вот до какой степени сошли с ума, испугались, потеряли рассудок, взбесились; вот что воеет внутри, как только теряют поддержку, как только понимают, что время исчерпано; вот какой внутри лютый страх и нена-

висть, страх нечеловеческий. – С.К.) *Проигрыши Сванидзе (добавим: гарантированные проигрыши) не безобидны. Они погружают хороших людей в беспросветный пессимизм, им начинает казаться, что их 1%.*

А Сванидзе по радио продолжает (сам слышал) доказывать свою правоту, необходимость своего участия в этой передаче. И приводит пример: мол, не будь этой передачи – люди не узнали бы о деле Ходорковского. Или – не узнали бы, что думает Сванидзе об этом деле. Или – по федеральному телеканалу не прозвучало бы, что думает Сванидзе...

Все, кто хочет знать про дело Ходорковского, – знают об этом много и давно. 90 процентов (или 99) голосующих не на стороне Сванидзе. Значит, он не просветил их, не убедил, напрасно старался».

Понимаете, это и есть такой вопль души, объясняющий, зачем все это нужно. Все эти слова – «Мы слышим звуки одобренья не в сладком рокоте хвалы, а в диких криках озлобленья...»⁸ – это само по себе ничто... Мы заставляем определенных людей снять маски, потерять контроль. И они начинают говорить правду. И вот смотрите на эту правду, она очень важна.

«Псалтырь, псалом № 1: „Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых и не сидит в собрании развратителей“».

И при чем тут этот псалом, господин Минкин? Блажен муж, который не идет в бордель, чтобы там совокупляться с женщинами легкого поведения, и не идет на пьяную оргию. Но любой пророк, если Вы ознакомитесь с вдруг заинтересовавшим Вас документом, обязательно шел к язычникам, шел к тем, кто не верит ему, и там их переубеждал. Другое дело, что пророк-то мог их переубеждать («глаголом жги сердца людей»), а Вы никого переубедить не можете, потому что сами ни во что не верите, потому что исчерпаны.

И уж если автор Маяковского цитирует («Вам ли, любящим баб да блюда...») ... Можно тоже процитировать в ответ:

---

8 Некрасов Н. Блажен незлобивый поэт.

*Гримируют городу Крупны и Крупники
Грозящих бровей морщи,
а во рту
умерших слов разлагаются трупники,
только два живут, жирея –
«сволочь»
и еще какое-то,
кажется, «борщ».*

И наблюдать, как два слова «живут, жирея», выползают и ползают по страницам газет, очень интересно... Потому что это не просто политический анализ... И даже не просто психоанализ. Это экзистенциальный анализ. И это анализ политического будущего. Все еще не кончено, все еще только начинается.

«Нести слово правды, сеять разумное-доброе-вечное – конечно, да. Но зачем в компании Кургуиняна? (В компании, где проигрываешь. – С.К.) Сванидзе, кажется, христианин, значит, понятно, с кого он должен брать пример. Разве Христос выступал дуэтом с идолопоклонниками?»

А как Он выступал? Он вообще не выступал? Никогда ни с кем не спорил? И пророк Исайя не спорил? И вообще никто не спорил? Это ведь, между прочим, смысл прозелитизма. Не будешь ни с кем спорить, не пойдешь к язычникам или к кому-то еще – останешься один. Будешь сидеть и вещать истину сам себе перед зеркалом или, максимум, на страницах газеты, что почти то же самое.

«Мир устроен ясно и понятно. (Ясно – в смысле светло; всем все видно, только открой глаза.) Приходишь на помойку – мухи. Идешь по вишневому саду, по липовой аллее – пчелы.

Пчелы умнее мух; строят идеально шестигранные соты, делают запасы, выращивают детей, действуют сообща, танцем передают информацию, даже яд у них целебный. Мухи – дыры, назойливы идиотически...

Пчелы своих детей выкармливают медом, а мухи своих суют в дерьмо и в тухлятину, и мушиные дети там быстро взросятся, даже не понимая, что растут в дерьме.

Жаль, школа у них одна».

Понятно, что еще нужно? Чтобы школы были разные. И не только школы. Нужно, чтобы были рабы и господа. Причем в предельных формах.

«Непрерывно жующий опарыш толпой наваливается на бедного пчеленка: „Ну ты, урод, чего боишься?“ – попробуй, пожуй, понюхай, выпей, ширнись. Потому что, с точки зрения мухи, пчела – урод, идиотка, не умеет жить».

Ничего более обезумевше-расистского в социальном смысле (но и в этническом тоже) я не читал. И это все пишет Минкин.

«Будь у мух и пчел равные права – на всех выборах и во всех рейтингах дело решали бы мухи. А потому (в мире насекомых) начальники ТВ и национальные лидеры беспокоились бы только о мушиных потребностях и настроениях и плевать хотели на пчелиное недовольство; тем более что пчелы все равно мед дадут – такова их природа».

Понятно, о чем идет речь... Поскольку большинство людей не разделяет позиции Минкина, это дает ему полное основание назвать их мухами, расчеловечить их и проклясть, как уродов-недочеловеков. Но, между прочим, когда эти же люди поддерживали идеологию Минкина 20 лет назад, они были очаровательным народом. И все были страшными демократами. Я помню одного «великого правозащитника», который сначала стоял с флагом «Вся власть Советам», а потом (его уже, правда, не было в живых) его поклонники расстреливали эти самые Советы.

Так вот, речь здесь идет о том, чтобы не давать эфир представителям большинства. И чем больше это большинство – тем больше не давать им эфир. Им же не только нельзя давать эфир – им не надо давать идти на выборы, им не надо предоставлять равное избирательное право. Значит, нужен ценз. Какой ценз? Имущественный или какой-то другой?

Но, в любом случае, речь идет о том, что меньшинство хочет властвовать над подавляющим большинством абсолютно репрессивными методами. И поэтому так хочется быть Ермиловым: «Потому что вот можно же было, можно же было не

пускать на телевидение никого, можно же было не пускать в газеты никого, можно же было всем рвать глотки, можно же было затыкать рты, можно же было всех, кто инакомыслящий, считать недочеловеками... Вот и мы хотим, потому что иначе власти мы не удержим!...»

«„Я не уступаю площадку! – говорит Сванидзе. – Я высказываю свою позицию!“ Не уступаешь – браво. Но зачем вообще давать площадку наперсточникам? (В самом деле, зачем им давать площадку? Надо давать одному Сванидзе. – С.К.)

„Я высказываю свою позицию!“ – Кому? Миллионы раскочивались перед экраном с Кашипиловским (рейтинг был выше кургиянского). Поди им скажи, что это шарлатанство, – они даже не услышат. А услышат – заорут: „Критикан, вредитель, агент ЦРУ, не мешайте лечиться!“

Зачем второй?»

(«Вот мог бы говорить один. Зачем вообще нужен второй? Зачем диалог в любой форме? Я говорю – и мне хорошо. А зачем нужен второй, особенно если он тебя громит? Не нужен второй, надо остаться в гордом одиночестве и самому с собой болтать». – С.К.)

«...проблема гораздо шире, чем конкретная передача. Проблема называется просто: „ради денег мы готовы на всё“».

Дальше Минкин обвиняет Сванидзе в том, что тот продажен, но дело не в этом. Он говорит о большем:

«Вслух они говорят „ради рейтинга“, но это синоним, это для отвода глаз. А деньги (и политические дивиденды) приносит массовый потребитель, примитивное число».

То есть они прекрасно понимают, что телевидение (и дело тут не в Кремле – это просто смехотворно) хочет массового зрителя ради рекламы и по другим причинам, ради выборов и так далее... А когда оно хочет массового зрителя, оно должно (1) допускать то, что этому массовому зрителю интересно, и (2) допускать тех, кто выражает его позицию, – вот и все. Поэтому телевидение просто не может ничего другого сделать.

Возникло большинство, об этом говорят все социологические исследования. Этому большинству нельзя не дать слово на телевидении. Нельзя. Потому что тогда оно будет

говорить по интернету. Или вообще никто не будет смотреть телевидение.

А вскоре будет до тысячи каналов цифрового телевидения. И все их не проконтролируешь. И интернет не проконтролируешь. И что же делать? Окажется, что все эти комнаты, населенные Сванидзе и Минкиным, пустые, там никого нет вообще. И они там говорят «тихо сами с собою».

И дальше что? А дальше надо расстреливать. А кто будет расстреливать? И долго ли можно просто расстреливать? Нужно же что-то сказать, кого-то привлечь.

Тогда начинается вой о «лицах кавказской национальности» или о чем-нибудь еще, потому что эти крайние либералы должны вобрать в себя националистическую, ультра националистическую подворотню. Но, когда они ее вбирают в себя, они же ее боятся, и поэтому они сразу должны зарядить ее на распад. И себя самих приучить к мысли, что все равно страна безнадежная. Раз они ее потеряли, зачем она нужна? Нужно рвать ее на части вместе с любыми представителями самых экстремистских ничтожеств. Вот в чем заключается новая идеология.

А теперь – что такое идеология Минкина на предыдущем этапе.

Газета «Московский комсомолец» от 22 июня 2005 года. Статья А.Минкина «Чья победа?»:

«22 июня 1942 года мой дед Александр Минкин написал с фронта моему отцу: „...Не перестаю мечтать, чтоб скорей разбить фашистских гадин и снова быть нам всем вместе...“»

А через 40 лет Минкин, как он рассказывает, написал текст «Чья победа?». *«Опубликовать его в СССР было невозможно. Напечатали в Нью-Йорке (в 1989-м) и в Мюнхене (в январе 1990-го)».*

Почему в 1989-м нельзя было напечатать текст? Потому что в нем были совсем нецензурные вещи типа того, что «ну, завоевал бы нас Гитлер – и слава богу, пили бы все вместе баварское пиво...»

Дальше Минкин манипулирует цифрами: у нас погибло

в войну 30 миллионов, у них – 4... Полная бесчестность в вопросе о том, что касается цифр, анализа и всего остального. А дальше начинается главное. Я цитирую аутентичный текст Минкина.

«А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер – Сталина?»

В 1945-м погибла не Германия. Погиб фашизм.

Аналогично: погибла бы не Россия, а режим. Сталинизм.

Может, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А еще лучше б – в 1941-м! Не потеряли бы мы свои то ли 22, то ли 30 миллионов людей. И это не считая послевоенных „бериевских“ миллионов.

Мы освободили Германию. Может, лучше бы освободили нас?»

Прежде подобные пораженческие рассуждения (если и возникали) сразу прерывал душевный протест: нет! уж лучше Сталин, чем тысячелетнее рабство у Гитлера!

Это – миф. Это ложный выбор, подсунутый пропагандой. Гитлер не мог бы прожить 1000 лет. Даже сто. (Очень яркий аргумент, да? – С.К.) Вполне вероятно, что рабство под Гитлером не длилось бы дольше, чем под Сталиным, а жертв, может быть, было бы меньше».

Очаровательно все это. Вы понимаете, что человек, который все это пишет, – это лицо определенного типа. Это определенный контингент, который рассуждает о себе, как о «пчеле». Теперь мы определяем, что «пчелы» – это те, кто хотел, чтобы нас завоевал Гитлер. А мухи – это те, кто боролся с Гитлером, правильно? Ну, вот и всё.

Кстати, насчет прозелитизма. Я лично ценю каждого либерала, который будет слушать программу, потому что я понимаю, что задача заключается в том, чтобы воевать за каждый мозг и каждую душу. А главное, нести в безразличные массы аргументацию и именно аргументацию. Люди должны знать факты. Они их до сих пор не знают. Страшно же еще и это.

Зачем написана статья Минкина (кроме того, что он излил в ней свой панический страх – так сказать, опорожнил и,

может быть, чуть-чуть успокоился)? Там же есть еще какие-то другие мотивы. Ну, прежде всего, всем понятно, что эта статья против Сванидзе. Я тут ни при чем. Тут главное – «отоспаться» на Сванидзе и любой ценой побудить его уйти с площадки. Они в истерике от того, как Сванидзе проигрывает, в полной истерике.

Соответственно, в чем задача? Надо абсолютно честно, безупречно (пусть они нас называют мухами или как угодно) расширять число тех, кто это все смотрит, идти в массы, убеждать их в том, что нужно просыпаться. Нужно вбирать в душу и мозг новую информацию и выковыривать из души и мозга засеянных туда минкиными либеральных тараканов.

Это нужно делать для страны. Это нужно делать для победы. И нужно быть абсолютно честными. Заданы правила состязания – играть по ним так же, как играет противник, но именно по ним. Не более того и не менее.

Но мы у себя дома. Нас много. И мы можем то, что противник уже не может.

На Урале в ходе программы «Исторический процесс» за социализм проголосовало, если мне не изменяет память (прошу прощения, если даю неверную цифру), порядка 96–97 %. Это еще только начало. Это еще только первые шаги. Путь наш долог, но мы его пройдем до конца, потому что у нас другого выхода нет. Это наша страна. Здесь жить нашим детям и внукам. Мы отсюда никуда не уйдем. А поэтому нам надо страну выиграть.

А Минкин боится. Боится того, что даже те, кто когда-то его слушал, даже эти разочаровавшиеся либералы все равно начнут слушать нас. И они начнут слушать нас. И мы достигнем с этой правдой до всех, потому что мы знаем, что это правда. Потому что мы знаем, что она нужна людям.

Но то, что я вам здесь сейчас продемонстрировал, это политическая война. Это не шутки. Вы меня поняли? Это не шутки. Это начало перегруппировки сил. Это манифесты, согласно которым разговаривать уже нельзя – должны заговорить пулеметы. А для того, чтобы они заговорили, надо сначала расчеловечить противника.

Вот на какие рубежи отступает противник. Вот откуда он собирается атаковать. Это надо знать. Надо понимать, что война есть война. И вести ее. Потому что если ее не вести, то надо заранее согласиться с тем, что тебе будет отведена роль мухи – хлоп! – с вытекающими отсюда последствиями.

Теперь возникает главный вопрос, который в сущности мучит-то меня больше всего, ради которого все передачи «Суть времени»: если есть такое большинство, то почему это большинство не может выиграть? Почему оно не может победить быстро и окончательно?

В чем дело? Что происходит?

Почему не может быть выигрыша? – Потому что оно разобщено?

А почему оно разобщено? – Потому что у него нет лидера?

А почему у него нет лидера? – Потому что у него нет структур?

А почему нет структур? – Потому что в его рядах царит разброд и шатание?

А почему в его рядах царит разброд и шатание? – Потому что у него нет драйва?

А почему у него нет драйва?..

И все-таки еще и еще раз... Если 20 лет назад так яростно проголосовали за капитализм, то почему через 20 лет так яростно голосуют против? Почему тогда, в тот момент, настолько были дезориентированы? Почему исчезло элементарное различие добра и зла, совести и бессовестности, справедливости и несправедливости? В конце концов, подлинности и неподлинности?

Все то чудовищное, что Минкин написал о Гитлере, и вся эта его специальная паранойя, которую он продемонстрировал в статье «Не играй в наперстки»... А он ведь не ненависть лично ко мне продемонстрировал. Он продемонстрировал все виды той ненависти, о разжигании которых с придыханием говорит их команда, когда речь идет о нас, – в то время как мы ведем себя более чем rispetабельно. Вот здесь все это продемонстрировано. Он в этом расписался. Читайте, господа либералы, и радуйтесь. Радуйтесь! Это очень при-

ятная для вас статья. Кушайте это... Эти «соты», этот «мед» Минкина. Минкин же пчела... Он собрал чистейший «мед» – ни запаха, ни цвета, ничего. Кушайте!.. Я вам говорю – кушайте, кушайте больше. Когда накушаетесь до конца, то, может быть, вас вырвет, и вы очиститесь. И, очистившись, вернете себе разум.

Итак, почему же тогда разум был потерян? Почему тогда все эти различия были стерты? В чем дело?

Здесь я возвращаюсь к понятию «проект». Я бы призвал всех, кто хочет вместе со мной делать общее дело, не играть с огнем этого слова, быть ответственным во всем, что касается этого слова. Тем более, что слово «project» так часто употребляют, что уже уши вянут – чуть не продажа «товаров народного потребления», как раньше говорили, уже называется «проджект».

Проект – это очень специальная вещь. Прежде всего, для этого есть нация или общество, сообщество (может, это уже и не нация), находящееся в состоянии угасания.

Это пункт первый. Угасание, горе, беда – очевидны.

Пункт второй. Есть кто-то, кого это (угасание, беда) по-настоящему не устраивает. Надеюсь, что это мы. Но я здесь подчеркиваю слово «по-настоящему».

Дальше этот «кто-то» находит в себе силы для того, чтобы перейти от состояния мучительных раздумий и переживаний в состояние интеллектуального действия и создать нечто, именуемое «проект». Я уже говорил в предыдущих передачах: да, вам может нравиться или не нравиться сионистский проект, но это проект. Люди на голом месте всё построили заново: с новым языком – иврит называется, вместо идиша (очень хороший был язык, который отменили), с новым типом идентичности, апеллируя к какой-то традиции, которая была тысячелетия назад. Здесь и сейчас, в XX веке, взяли и построили...

А просветители (точнее, модернисты, потому что просветители – это узкое понятие) построили весь современный мир, всю современность. И опять-таки на ровном месте.

А большевики создали Красный проект.

Вот так мучительно прорабатывается новый проект как некая конструкция, как некая система, как некая печать. В ходе этой проработки происходит следующее. Проект – это третий пункт, а теперь четвертый: вокруг проекта стягивается, превращаясь в субъект, некая энергетика тех людей, которые берутся делать этот проект. Они, строя это, сами изменяются в процессе стягивания. У них появляется воля. Эта воля, как луч, вбивает в угасающую жизнь проект – и возникает воскресение, новая жизнь.

Россия угасала, потом она в определенном виде воскресла. И если сначала это не узнавали, – потом узнали, даже белые. Оживая, она творит чудеса. И обязательно вот в этом угасающем должно быть что-то спящее, что-то сохраненное – то, что можно разбудить, и то, что, я убежден, сейчас просыпается.

Вот что такое проект. Это не обычная органическая жизнь, в которой вы усиливаете позитивные тенденции и сдерживаете негативные. Это, как говорил Мангейм, утопия и технология. Это уже мечта и воля. Значит, нужна мечта, доведенная до настоящего чертежа, до конструкции, до модели. И воля. А также некие способности субстанции, в которую субъект вдавливают свой проект, откликнуться на него. Откликается же субстанция всегда на любовь. Нет тут ничего другого.

Здесь мы переходим к следующему моменту. Я уже говорил об этом и хочу сказать еще раз более развернуто, потому что это та тема, о которой нельзя говорить конспективно, в телеграфном стиле...

Страна... Кто-то что-то с ней сделал. Но ведь она не отторгла это в 1989 году, да? Значит, были задействованы какие-то черты страны. Значит, на какие-то ее больные точки как-то нажали. Может быть, это были нехорошие точки и скверные свойства. Ведь в любой системе есть скверные свойства. А может быть, это были хорошие свойства, которые использовали во зло.

В любом случае, это страна, которая для любого, кто занимается проектом, должна быть бесконечно любима... Блок говорил: «О, Русь моя! Жена моя!» Есть образ Родины-матери. Любима – как мать, как жена... Она должна быть любима.

Проект нельзя делать с холодной головой. То есть голова-то, может, и должна быть холодная, но не хочу называть ее таковой, ибо «кипит наш разум возмущенный» – это не холодная голова. Накаленный интеллект и столь же накаленное сердце... Они же вместе накаляются-то чем? Огнем любви к своей стране.

«О, Русь моя! Жена моя!..»

«Родина-мать зовет!»

И так далее.

На пути этого чувства, конечно, есть страшная преграда. Она называется «искаженный облик». У Шекспира Призрак говорит Гамлету:

Не потерпи, коль есть в тебе природа:

Не дай постели датских королей

Стать ложем блуда и кровосмешенья.

Но, как бы это дело ни повел ты,

Не запятнай себя, не умышляй

На мать свою; с нее довольно неба

И терний, что в груди у ней живут,

Язвя и жаля. Но теперь прощай!

Уже светляк предвозвещает утро

И гасит свой ненужный огонек;

Прощай, прощай! И помни обо мне.

Что говорит Призрак? «Не посягай на мать...»

Это огромная проблема – проблема любви в определенных замаранных ситуациях. Ибо для белых, например, после 1917 года не было России, была Совдепия. А для кого-то теперь опять нет страны – есть «ЭРЭФия». И все, кому нужно разрушить страну, будут внушать отвращение, ненависть к ней.

Пускать по поводу страны сладкие слюни глупо. Да, облик искажен. Да, страна каким-то образом поддержала все то, что привело ее в страшное состояние. Это надо признать. И синдром помешательства, падения, как его ни назови, надо признать, понять, что это все очень искажает лик.

Но это не должно приводить к главному, к самому страшному – к отчуждению от страны, к отторжению страны, к проклятиям в ее адрес, вот к этой Совдепии, «эРэФии»...

Если нет любви, нельзя сделать ничего.

Если коллизию, о которой я говорю, человек не переживает острее, чем коллизию личной любви к женщине, то нельзя заниматься проектами. Значит, нужно каким-то способом осуществить такой контакт со страной, так увидеть ее лик, так с ней поговорить (у Чернышевского есть прекрасная статья на эту тему «Русский человек на рандеву»)... Так встретиться, так поговорить... Причем не умственно, не абстрактно, а очень конкретно... Нужно иметь возможность конкретного разговора с такими вот обобщенными сущностями. Когда Вознесенский говорил: «Давай с тобой, Время, покурим», – речь шла о том, что, с одной стороны, «Время» – полная абстракция; с другой стороны, «покурим», то есть поговорим, как с живым человеком. Так вот, сущности эти, с которыми надо установить контакт, нужно превратить во что-то, находящееся в родстве с живыми людьми.

Я называю образы: Арлекин, Пьеро и Коломбина в «Балаганчике» Блока. Страну крадут у нас так, как Арлекин крадет Коломбину у Пьеро... Все эти образы существуют для того, чтобы не было наукообразия в главном вопросе – вопросе о стране. Тут наукообразием не обойдешься, потому что наукообразие не породит любви, а без любви проектами не занимаются. Обычной политикой – может быть. А ее проектными или мобилизационными формами не занимаются, это невозможно.

И субъект без любви не формируется – люди не преодолевают границы своих «я», своих эгоизмов, своих собственных заморочек, своих постоянных размышлений по поводу того, кто тут главный, а кто не главный. Это очень важно.

И вот второй кусок из «Гамлета» на эту же тему.

*...Взгляните, вот портрет, и вот другой,
Искусные подобию двух братьев.
Как несравненна прелесть этих черт;
Чело Зевеса; кудри Аполлона;
Взор, как у Марса, – властная гроза;
Осанкою – то сам гонец Меркурий
На небом лобызаемой скале;
Поистине такое сочетание,
Где каждый бог вдавил свою печать,
Чтоб дать вселенной образ человека.
Он был ваш муж. Теперь смотрите дальше.
Вот ваш супруг, как ржавый колос, насмерть
Сразивший брата. Есть у вас глаза?
(Посмотрите на портрет Ельцина... «Вот ваш супруг,
как ржавый колос, насмерть сразивший брата. Есть у вас
глаза?» – С.К.)*

*С такой горы пойти в таком болоте
Искать свой корм! О, есть у вас глаза?
То не любовь, затем что в ваши годы
Разгул в крови утих, – он присмирел
И связан разумом; а что за разум
Сравнит то с этим? Чувства есть у вас,
Раз есть движенья; только эти чувства
Разрушены; безумный различил бы,
И, как бы чувства ни служили бреду,
У них бы все ж явился некий выбор
Перед таким несходством. Что за бес
Запутал вас, играя с вами в жмурки?*

(Наверное, понятно, что я не о Гамлете говорю... «Что за бес запутал вас, играя с вами в жмурки?» «Что за бес» может впарить вам Охлобыстина? Уже и Охлобыстина... Тариф 77... Чтобы опять начались жмурки... «Что за бес» тасовал колоду людей определенного типа... Лебеда помните? Помните Лебеда, которым восторгались? Так что это «за бес запутал вас, играя с вами в жмурки»? – С.К.)

Королева

... Ты мне глаза направил прямо в душу,
И в ней я вижу столько черных пятен,
Что их ничем не вывести.

Гамлет

Нет, жить
В гнилом поту засаленной постели,
Варясь в разврате, нежась и любясь
На куче грязи...

Королева

О, молчи, довольно!
Ты уши мне кинжалами пронзаешь.
О, пощади!

Гамлет

Убийца и холоп;
Смерд, мельче в двадцать раз одной десятой
Того, кто был вам мужем; шут на троне;
Вор, своровавший власть и государство,
Стянувший драгоценную корону
И сунувший ее в карман!

Королева

Довольно!

Гамлет

Король из пестрых тряпок...

Входит Призрак.

Спаси меня и осени крылами,
О воинство небес! – Чего ты хочешь,
Блаженный образ?

Королева

Горе, он безумен!

Гамлет

*Иль то упрек медлительному сыну
За то, что, упуская страсть и время,
Он не свершает страшный твой приказ?
Скажи!*

Призрак

*Не забывай. Я посетил тебя,
Чтоб заострить притупленную волю.
Но, видишь, страх сошел на мать твою.
О, стань меж ней и дум ее бореньем;
Воображенье мощно в тех, кто слаб;
Заговори с ней, Гамлет.*

...

Королева

Что ты видишь?

...

Гамлет

Вы ничего

Не видите?

Королева

Нет, то, что есть, я вижу.

Гамлет

И ничего не слышали?

Королева

Нас только.

Гамлет

*Да посмотрите же! Вот он, уходит!
Отец, в таком же виде, как при жизни!
Смотрите, вот, он перешел порог!*

(То есть речь здесь идет о трансцендентальной феноменологической встрече. – С.К.)

Королева

*То лишь создание твоего же мозга;
В бесплотных грезах умоисступленья
Весьма искусно.*

Гамлет

«Умоисступленья»?

*Мой пульс, как ваш, размеренно звучит
Такой же здоровой музыкой; не бред
То, что сказал я; испытайте тут же,
И я вам все дословно повторю, –
А бред отпрянул бы. Мать, умоляю,
Не умащайте душу льстивой мазью,
Что это бред мой, а не ваш позор;
Она больное место лишь затянет,
Меж тем как порча все внутри разъест
Незримо. Исповедайтесь пред небом,
Покайтесь в прошлом, стерегитесь впредь
И плевели не удобряйте туком.
Простите мне такую добродетель;
Ведь добродетель в этот жирный век
Должна просить прощенья у порока,
Молить согбенна, чтоб ему помочь.*

Есть язык Шекспира, а есть язык Минкина. И вопрос здесь заключается в том, на каком языке мы собираемся говорить. Согласны ли мы с тем, что проективное начало адресует к любви и, соответственно, феноменологической интуиции (потому что без этой интуиции королева спросит: «С кем ты разговариваешь? Ты безумен») – к идеальным типам, к тому, на что может быть направлена высокая любовь? Та любовь, которая существует уже по ту сторону конкретных человеческих чувств, но является при этом ничуть не менее, а может быть и более, живой.

Есть такой поэт Ричард Ловлас, написавший «Лукасте, отправляясь в битву». Потом Ричард Олдингтон в «Смерти героя» его цитировал: «Не возлюбил бы так тебя, не возлюбил я честь превыше».

Говорят: «Ну, а что? Мы детей любим, мы близких любим. Что Вы нам говорите, что нет любви?»

Но тут есть очень серьезный вопрос: где грань между любовью и привязанностью? Можно ли, потеряв высшее, любить все остальное? Или это уже не любовь?

Я разговаривал однажды с одним человеком, который мне сказал: «Да мне главное – моя семья...» Я говорю: «Семья – в каком смысле-то? Ты про бабушку что будешь рассказывать детям, внукам? Что она часть своего омерзительного времени, что она часть своего высокого времени? Как ты ее позиционируешь в истории? У нее же есть биография. Она часть этой истории. Либо эта история – мерзость, тогда бабушка – часть этой мерзости. Либо нет. А в противном случае это уже не бабушка. И это не твои дети и не твоя жена. И это не человеческая жизнь. Это жизнь прайда, в котором, конечно, есть привязанности и все остальное, но это не жизнь людей в высоком смысле слова. А внутри прайда все будет развиваться по-другому. Там не может быть ни устойчивости, ни подлинной высокой страсти – ничего».

Итак, для того, чтобы эта любовь была, проект должен выводить на метафизический уровень. Ибо именно на нем и только на нем возможна любовь, возможна встреча, randevu. На уровне хотя бы феноменологическом (а может быть, и более высоком) можно «покурить со Временем» – и разгадать какие-то его загадки, и получить от него энергию. И тогда все возможно.

Проект может быть и религиозным (раннее христианство – это, безусловно, проект), и нерелигиозным. Но нерелигиозный проект обязан быть столь же метафизическим, как и религиозный.

Я не знаю, говорил ли в действительности Сталин про орден меченосцев. Но вся трагедия советского проекта – Красного проекта – заключается в том, что ордена не было. Мне

кажется, что слова про орден меченосцев Сталину «впарили» наши либеральные драматурги, но беда-то именно в том, что ордена не было.

Итак, нерелигиозный проект... Если проект религиозный, то источник метафизики более или менее понятен. Хотя все равно надо подчеркнуть, что нужна метафизика, то есть возможность встречи, разговора, энергии, а не религия как ритуал.

Ну, а если нет религиозности, то что тогда является источником метафизики?

История. История, которая «нас всех выкликает по имени». История, которая от нас чего-то требует. История, которая является одновременно великой страстью и великой истиной. История – как любовь. Вот именно эта История регулирует отношения с субстанцией, в которую надо вламывать, вдавливать проект.

Итак, нужно отстранение от тлена бытия, если ты чувствуешь, что это тлен. Если кто-то не понимает, кто такой Минкин, значит, он еще не отстранился. Он когда-нибудь поймет. Может быть, поздно.

Сначала – отстранение от тлена, невыносимость ощущения того, что нет луча, какой-то связи...

Наконец, луч, послание. Отсюда же и разговоры о катакомбах.

Не будет отстранения, не будет реального выхода за правила навязываемой минкиными игры – не будет настоящего внутреннего разграничения, не будет подлинности, не будет чести. И дальше все начинается по полной программе.

Мне скажут: «Подумаешь, честь! Надо говорить о программах, о том, в какую сторону менять экономику...»

«Рабство у греков во многом было ритуальным, а не каким-нибудь чисто экономическим институтом. Скорее уж символическим институтом, хотя бы в том смысле, что для греков оно проводило границу между готовностью человека в любой момент положить жизнь за свое достоинство и отсутствием этого, но тогда человек – раб. Гераклит говорил: „Война (Полюмос) – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит раба-»

ми, других – свободными“. А мир есть постоянная война. То есть, даже в пустяках существует постоянное решение вопроса – готов ли я умереть за свою свободу. Это очень простая вещь и заметна даже в любой уличной драке или по тому, что происходило в концентрационных лагерях, где политические заключенные или духовные люди сталкивались с уголовниками. Уголовники отступали только в одном случае: когда они чувствовали, что из-за пустяка человек был готов положить жизнь. ... А положить жизнь действительно трудно, потому что вроде бы речь идет о пустяке: ну дали тебе пощечину... Какое, кажется, это имеет значение по сравнению с той книгой, которую ты можешь написать ... завтра или послезавтра. Но ведь нужно, чтобы эти «завтра» или «послезавтра» у тебя были. [...]

Например, один из стоиков говорит (потом это повторит Плотин), что злые царствуют в силу трусости своих подданных, и это справедливо, а не наоборот. То есть, если ты добр, справедлив и хорош, если ты так о себе думаешь, то сумей отстоять себя в драке».

Мамардашвили Мераб, «Лекции по античной философии».

Когда тебе дали пощечину – это одно. А вот когда Родине, отцам, смыслу? Ощущаешь ли это еще сильнее, чем если тебе? Что вызывают слова о том, что надо было бы, чтобы «Гитлер завоевал нас в 41-м году, и это было бы лучше»? Что-нибудь вызывают, нет? А почему не вызывают?

Здесь мне придется ввести одно понятие... и, как с «когнитариатом» и рядом других понятий, будет много разговоров о том, что оно не доопределено. Мы определим его вплоть до деталей. Сейчас давайте говорить на том уровне, на котором можно говорить во вводном курсе лекций, каковыми и являются все выпуски этой серии.

Итак, есть такое понятие «эгрегор». Точнее всего это понятие выражают стихи Твардовского, как ни странно, советские и вполне известные стихи, которые я уже зачитывал. Тут я прочитаю только несколько строчек.

*И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.*

*Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.*

Вот этот берег и есть эгрегор – источник не только смыслов, но и энергии, которая соединяет людей или страну как реальность (как то, что просто живет, воспроизводится, занимается бытовой деятельностью) с собой уже как идеальным началом. Идеальным, воплощенным в таких сущностях, таких образах, таких символах и в таких картинах, которые непрерывно могут давать энергию. Древние викинги считали, что это Вальгалла, где живут погибшие в бою. Они там сражаются и ждут последней схватки, когда будут сражаться вместе с живыми. Есть очень много поверий по этому поводу.

Твардовский сказал о берегу. Этот берег соединяет Россию как факт – с Россией как идеей. Россия как идея и есть «берег» – это метафизическая Россия. А есть Россия как факт. И каждый из нас есть и как факт, и как идея.

Задача противника – разорвать эгрегориальную связь, связь между каждым отдельным человеком и эгрегором, между страной и эгрегором. И противнику это удалось сделать. Соответственно, если мы занимаемся проектом, то возникает вопрос, как обрести эгрегор, как удержать эгрегор?

Скажут: «Давайте назовем это идеологией».

Ну, давайте назовем.

Но это нечто большее. Метафизика – не идеология. Она содержит в себе предельно накаленный идеал, предельно огненную мобилизующую цель и волю – мотивацию другой силы, чем та, с которой, к сожалению, мы имеем дело сейчас. Больше всего меня беспокоит то, что настроение большинства – это только настроение.

Минкин говорит о мухах. Мне это отвратительно, но образ сонных мух меня иногда преследует... Сон на бегу... Как проснуться? Как мобилизоваться? Как обрести эгрегор? Как восстановить эгрегоральную связь?

Когда эгрегор восстанавливается, то группа, которая восстановила в себе связь с эгрегором, становится субъектом. Вопрос не в том, что это когнитариат. Я еще подробно расскажу о том, что такое когнитариат. Макросоциальная группа может восстановить в себе идентичность. Но если она не восстановила связь с эгрегором, то одной только идентичности мало. Ни на каком классовом интересе эта группа ничего не сделает. Ей нужна теперь другая страсть, другая воля, другая мотивация, другая энергетика, чтобы исправить процесс. И все это связано с этим самым эгрегором.

Эгрегор обычно защищают. Это тонкая нить, которую перерезать действительно можно. Она очень нежная. Эта нить позволяет подпитывать энергией лидирующую, ведущую за собой группу (или, как говорил Маркс, исторический класс – тут важно, что исторический, а не просто класс), а также все активное общество.

Теми ножницами, которые применил противник, щелкнули и разрезали нить, но сначала что-то произошло с защитами. И с годами у меня все чаще возникает вопрос: а не защитники ли сами и разрезали эту нить? Ведь коварство было в этом. Народ, приведенный в безэгрегоральное состояние, переставший потом быть народом (ибо народ – это субъект истории), отчасти освобожден от вины именно потому, что защитники предали: сняли защиту и разрезали нить. Или им помогли ее разрезать разного рода минкины.

Теперь, чтобы восстановить нить, нужно следующее...

Есть реальный жизненный мир. Над ним существует второй мир – тот самый, где есть «О, Русь моя! Жена моя!», Родина-мать и все остальное, где есть эти феномены, то есть обобщенные сущности. Мир живых обобщенных сущностей. В него надо подняться. Над ним находится третий мир – мир идеальный, там существует энергетика, и именно там можно все починить. И восстановить связь.

Когда Гершом Шолем спорил с Вальтером Беньямином о том, как надо действовать (Беньямин был очень левый и мечтал о диалектическом материализме, марксизме и пр., а Шолем уже ушел в религию, а точнее, в метафизику), что надо делать, чтобы спасти еврейский народ, то позиция Беньямина была в том, что нужно мобилизовать левые мессианские идеи. На них и формировались многие кибуцы, которые потом возникали в Израиле. А Шолем ушел в метафизику, потому что считал, что, только найдя метафизический, последний, идеальный ключ, показав, что народ – это Шехина (Невеста Господня), соединив народ с этим идеальным образом, можно восстановить в нем энергетику. И тогда что-нибудь двинется.

В России образ Софии, вообще софийность, имеет огромное и до конца не осознанное значение. Может, именно этот образ и связует между собой красную, белую историю и все прочие (потому что все время говорить, что у нас несколько историй и они ничем не связаны, неинтересно). Софийность в России обладает таким значением, как ни в какой другой стране мира. София не имеет никакого отношения к гностической Софии. Это другая София. Софиология русская – это еще не до конца открытое учение, которое вполне может быть соединено с марксизмом, с Вебером и со всем остальным потому, что на новом этапе никакими атеистическими баландами людей не накормишь. По крайней мере, не накормишь тех, кто должен сформировать субъект и обладает настоящей волей к тому, чтобы преодолеть столь большое неблагополучие, как сегодняшнее.

Поэтому путь от реального в феноменальное и в идеальное – это и есть то, что нужно для обретения субъекта, а значит, проектной силы. Там, на этих высотах, располагается честь. Вновь процитирую строки из стихотворения Ричарда Ловласа:

*I could not love thee (Deare) so much,
Lov'd I not Honour more.*

*Не возлюбил бы так тебя,
Не возлюби я честь превыше.*

Нет чести – нет любви. Там находится честь. Найденная честь восстановит любовь. Восстановленная любовь зажжет огонь. Огонь превратит руду в настоящий металл. Металл превратится в оружие. Оружие сумеет преодолеть все, если оно будет находиться в руке полноценного субъекта.

Не будет этого – все, что мы сейчас обсуждаем, абсолютно бессмысленно. И ради этого обсуждения, его и только его, нужны такие вот абстрактные разговоры. Ничего конкретнее этих разговоров нет.

И если бы Минкин не был не просто пощечиной, которую надо ощутить, не пощечиной кому-то там, даже классу, не пощечиной какому-то нашему родственнику, не пощечиной нашему историческому бытию, а именно пощечиной идеальной сущности... Это такой кривляющийся бес, который дотягивается ручонкой до того, что удалось исказить и замарать, до святого лика... Если бы этого не было, я бы не обсуждал Минкина. Для меня он здесь пример какой-то нарастающей угрозы.

Хочу вспомнить песню Гребенщикова, вроде бы такую кокетливо-просоветскую...

*Комиссар, я знаю, ты слышишь меня,
Сделай вид, что не понял,
Что я обращаюсь к тебе –
Ни к чему давать повод к войне...*

*...Комиссар, я пришел подтвердить:
Все, что было пропето,
Исполнялось без помощи слов,
И мы гадали, какой в этом знак.*

*(Дальше он говорит главное. – С.К.)
Комиссар, просто нам изначально дан выбор –
История или любовь.*

Для христианина история – это дело Христово. Так что, в этом деле не было любви? Ведь это очень глубокая мета-

физическая проблема. Ведь не зря идет спор о том, что такое первовзрыв, создавший Вселенную: это изгнание из Рая или это сотворение мира? Потому что если это сотворение мира, то внутри Вселенной есть благо и там есть что любить. А если это изгнание из Рая, то всё изначально пропитано грехом. Это две разные Вселенные, две разные теологии. И эти теологии борются.

Я заговорил о том, что темная энергия является важной вещью, которая обеспечивает метафизичность проекта. Мне сразу стали возражать: «А при чем тут все это? И зачем тут нужна темная энергия, как она связана с Марксом, с Вебером и так далее?»

Очень связана! У Маркса есть сложнейшее понятие – «превращенные формы». Маркс заморожен этими превращенными формами. Он много занимался ими. Сам Маркс не так много издал из своих работ, потом его работы издавал Энгельс, потом немецкие социал-демократы, потом, уже в 30-е годы, архивы перешли в СССР. Какие-то работы Маркса, очень важные, были изданы лишь в 60-е годы XX века. Но поскольку, вообще-то говоря, наследие Маркса – это вещь достаточно специальная, то весь марксизм оказался резко усечен. И многое из того, что Маркс обсуждал относительно превращенных форм, оказалось либо на периферии советского идеологического внимания, либо было истолковано превратно, потому что никак нельзя было истолковать это правильно – это угрожало очень и очень многому.

Дело в том, что форма и содержание находятся в достаточно сложной взаимосвязи. Форма может выражать содержание в большей или меньшей степени. Если использовать здесь марксизм, то форма может способствовать развитию содержания и может тормозить развитие содержания. Как говорит классический марксизм, когда форма начинает тормозить развитие содержания, форму сбрасывают и меняют с тем, чтобы дальше началось развитие содержания. И в этом суть истории.

Здесь есть переключка между Марксом и Гегелем. Не такая простая, как кажется, но есть.

Маркс разбирал превращенные формы в связи с товарным фетишизмом и вообще со свойством сложных целостностей использовать посредников, которые обеспечивают в этих целостностях взаимосвязь и которые сами отчуждаются от целостностей.

Не узнаете здесь ничего? Это и есть то, что я предлагал в одной из своих работ в виде лингвистической игры.

– Ну, давайте, – говорил я, – добавим к названию «Министерство обороны» слово «смерть». Получится «Министерство смерти обороны»... Добавим то же слово к названию «Министерство образования» – получится «Министерство смерти образования». И так далее. Форма (институт, министерство) начинает отрицать свое содержание (оборону, образование и т.п.). Я здесь опять приведу фразу моего отца, который говорил, когда ушел с заведывания кафедрой: «Да нет, вроде все хорошо, и люди хорошие... Но только знаешь, если бы студентов не было, то, может быть, кафедра работала бы еще лучше».

Так вот, кафедра, которая «еще лучше» без студентов, – это тоже превращенная форма. А превращенная форма не выражает содержание в большей или меньшей степени, не искажает его, не трансформирует – она его уничтожает, истребляет.

По этому поводу есть очень неплохие статьи Мераба Мамардашвили в его книге «Как я понимаю философию» – об эмансипации формы и о том, что форма оказывается некоей тенью (я обращаю здесь внимание на понятие «тьень» у Юнга), мертвым пространством внутри системы...

В связи с превращенными формами часто говорится о рациональности, о том, что любое превращение есть иррациональность. Маркс, обсуждая превращенные формы, очень любил использовать термин «мнимые числа» (поскольку в его время в математике было не так много чего). Превращенные формы как мнимые числа. Сжатие опосредующих звеньев, их эмансипация и их агрессивное отчуждение от того, что они должны обслуживать, и является одним из феноменов, который приковывал внимание Маркса. Потому что Маркс

чувствовал, что вот здесь его теория нарывается на некий айсберг. Что, с одной стороны, вроде бы она находит здесь наиболее полное воплощение, а с другой стороны, вот здесь-то и наступает какой-то затык.

Мамардашвили называет это «дырами целого», квазипредметами. Процедуру формирования подобного рода форм называет «феноменологическим замещением». Естественно, что очень часто это обсуждали в связи с товарным фетишизмом и с общественным фетишизмом вообще. Кое-что из этого было заимствовано у Фейербаха, который в свою очередь заимствовал что-то у Гегеля. Но самое серьезное – это мучающее Маркса ощущение, что здесь есть какой-то парадокс, что здесь бытие и сознание вступают в особые отношения. И что есть неустранимые различия между бытием и сознанием, которые и знаменует собой проблема превращенных форм.

Мамардашвили пишет:

«Если более глубоко и до конца продумать и развернуть философские последствия проблемы превращенной формы, то окажется, что учитывающий ее способ обращения с фактами этой реальности предполагает иные метафизические допущения и постулаты, чем те, которые допускались классикой и полагались ею в качестве всеобщих и универсальных. ...Это касается прежде всего пересмотра формулировки таких абстракций, как абстракции упорядоченности бытия или его хаотичности, прерывности и непрерывности, однородности и неоднородности, понятий истины и заблуждения, отношения „описания извне“ объектов человеческой реальности и их „описания изнутри“ и т.д. Речь в принципе должна пойти о построении онтологического пространства мысли, отличного от так называемого „декартова пространства“ и могущего тем самым послужить лоном отработки или, если угодно, изобретения расширенных форм рациональной мысли и объективного знания и описания».

Не знаю, является ли эта мысль рациональной до конца, но, безусловно, то, что он здесь сказал, очень важно.

Так вот, есть все основания полагать, что темная энергия (и, возможно, темная материя) является как бы физическим

эквивалентом Иного. То есть чего-то такого, что не вписывается в классический монизм, в универсалистскую модель мира, построенную из одного источника. Эйнштейн постоянно мучился с этим, потому что он хотел все истолковать из кривизны пространства-времени. И, в конце концов, вынужден был ввести так называемый лямбда-член в свою модель, что сразу и породило темную энергию и темную материю, как некое его гениальное предвидение. И одновременно лишило модель Эйнштейна того универсализма, о котором он так мечтал: чтобы всё-всё-всё было выведено из этого самого искривления пространства-времени.

У Маркса то же самое возникло с превращенными формами. Превращенные формы, эти дыры, эти тени и пр. внутри социального мира являются фактически тем же, чем являются темная материя и темная энергия с их формами существования в мире физическом.

И, наконец, в мире не социальном, а в мире индивидуума, отдельного человека (а весь мир состоит из мира внешнего – физического, биологического и прочего, мира социального как особой социальной реальности человека и мира внутреннего, собственно человеческого, который исследовали Фрейд, Юнг, Адлер, Фромм и другие) то же самое – это Танатос. Фрейд очень долго хотел вывести каждую черту человеческого поведения, все его поступки и мотивы из единого, всё исчерпывающего принципа – Эроса. Но затем в работе «По ту сторону принципа удовольствия» он отказался от этого. Одни говорят, что под влиянием нашей соотечественницы Сабины Шпильрейн, которая была в близких отношениях с Юнгом, а также убеждала Фрейда пересмотреть его модели. Другие говорят, что под влиянием нарождающегося фашизма. Не знаю под влиянием чего, но в итоге Фрейд от своего монизма Эроса отказался.

Так вот эта триада – темная энергия и темная материя в физическом мире; превращенные формы в мире социальном; Танатос, который Фрейд вынужден был добавить к Эросу в мире внутреннем, человеческом, – составляют триединство. Оно говорит о каком-то метафизическом начале, более глу-

боком, враждебном человеку и тотальном, нежели все, что вытекает из классических теорий зла. Не мобилизация ли этого начала привела к тому, что у нас все так сильно обрушилось и так безжалостно были оборваны наши связи с эгрегором?

Об этом давайте поговорим в следующем выпуске.

4 октября 2011 года

Выпуск №35

Когда мне говорят, что рассуждения о темной материи и темной энергии слишком сильно оторваны от социальной теории, и уж тем более от психологии или антропологии, и что для того, чтобы этот разрыв преодолеть, я должен детальнее рассказать о том, что такое темная энергия и темная материя, я заверяю тех, кто справедливо мне на это указывает, что все это будет сделано. Обязательно будет сделано. Мы обязательно разберемся в следующем цикле новой передачи со всем, что связано с этими понятиями. Мы постараемся разобраться с этим максимально детально, если кого-то интересует детальность, и со всеми возможными ссылками, с возможностью тех, кто это все слушает и смотрит, самостоятельно в эту тему залезть и еще чего-нибудь начитать. Все это будет обязательно сделано.

Просто начать это делать сейчас – значит уйти в абстракцию. Совсем уйти в нее, отказавшись от того главного, что все-таки являет собой нерв наших занятий, то есть от политики.

Другая крайность – это начать заниматься только текущими вопросами, погрузиться в них целиком, пытаться так или иначе ответить себе на вопрос, в чем смысл тех или иных событий, кто там что опять сооружает... Время от времени, когда речь идет об очень крупных событиях текущей поли-

тики, я это делаю в спецвыпусках. Но согласитесь, что делать это все время – значит уже совсем оставить всех на голодном теоретическом пайке.

Политическая злоба дня – это один круг, а теория – другой круг. И в этом цикле передач обязательно должно присутствовать что-то, что объединяет два эти круга. Это пересечение, как говорят в теории множеств (рис. 3).

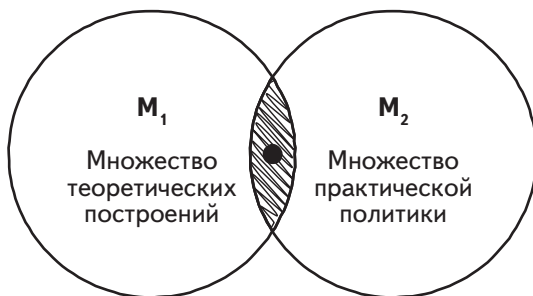

Рис. 3

Это пересечение множеств M_1 и M_2 (из которых M_1 – это множество теоретических построений, а M_2 – это множество практической политики) обязательно должно быть. Что-то здесь, в этих множествах, должно находиться в центре. И начиная каждую из передач, мы должны эту точку нащупать еще и еще раз. Мы должны надавить на нее, как на больной нерв современности, и после этого можно дальше двигаться в теоретическую сторону, не опасаясь оказаться в той самой «башне из слоновой кости», которая, как никогда мало имеет отношения к тому, что нам всем нужно.

Где же эта точка? В очередной раз ее нащупывая перед тем, как начать эту передачу, я сам для себя вдруг остро осознал, что она определяется словом ТУПИК. Все, что мы обсуждаем в теоретической области или в области практической политики, так или иначе связано с этим простым и неумолимым словом.

Мы находимся в тупике. И рано или поздно наличие этого тупика признают все. Моя задача состоит в том, чтобы ускорить момент, когда все – элита, власть, оппозиция,

широкие слои общества, контрэлита, радикальные элементы – всерьез признают и переживают тот факт, что тупик подкрался незаметно.

Точнее, мы 20 лет говорили о том, что курс, которым следует страна, никуда, кроме как в тупик, привести не может. Нам отвечали: «Да ладно, какой там тупик... Оклемаемся. Не такое бывало! Не из таких ситуаций выходили. Вот уже началось вставание с колен...» И так далее.

Тупик смотрит на нас с биржевых сводок.

Тупик смотрит на нас с экранов телевизоров.

Тупик смотрит на нас с экранов кинотеатров.

Тупик смотрит на нас со страниц книг и газет.

Тупик. Тупик. Тупик.

И это становится уже не делом отдельных высоколобых мыслителей, не наветами каких-нибудь оппозиционеров-клеветников – это начинают понимать все.

Тупик геополитический.

Тупик экономический.

Тупик внутривластный.

Тупик идеологический.

Тупик исторический.

Тупик метафизический.

Мы в тупике.

Только идея, которая, распространяясь откуда-нибудь (в том числе и из этого зала, где идет съемка), в итоге проникает в каждую пору общественного тела, становится «мыслефактом». А для каждого из тех, кто живет рядом с нами, думает по-другому, нежели мы, или почти что не думает вообще, а как-то пытается бить лапами и выживать, только идея, ставшая осознанным мыслефактом, в итоге может что-то изменить в жизни.

Наши разговоры о темной материи и темной энергии – это наши разговоры о темной материи и темной энергии. Наши разговоры о превращенных формах – это наши разговоры о превращенных формах. А факт этого самого тупика – это общественный факт. Это та мысль, которая, став фактом, залезла в мозг каждого или почти каждого члена нашего

общества. Неважно при этом, какой уровень благополучия у этого члена общества. Даже в мозг очень, очень и очень благополучных людей эта идея тупика залезла и стала там жить как самостоятельное тонкое тело. Она там шевелится, разрастается, производит что-то, роет свои коридоры.

Не тот ли это крот истории, о котором так любили говорить марксисты? Не он ли роет там, в каждом отдельном сознании, свой лабиринт? Впрочем, неважно, как именно мы это назовем. Это то, что носится в воздухе. Это то, что возбуждает, беспокоит, порождает какое-то новое качество социальной жизни, собирает людей вместе, перемещает их по различным площадкам, где обсуждается повестка дня, в поисках выхода.

Мы еще не приблизились к состоянию, когда этот тупик поглощает мозг каждого из живущих в стране. Мы еще на пороге этого будущего состояния умов. Но мы уже именно на пороге.

И каждый из нас в большей или меньшей степени на это работал. Мы хотели, чтобы общество признало факт тупика, чтобы оно перестало отмахиваться от идеи тупика, потому что, только признав этот факт, оно может начать искать выход. А до того, как факт этот будет признан, разговор о выходе бессмыслен. Потому что выход из чего? – Из тупика. Если его нет, зачем из него выходить?

С момента, когда идея тупика поселится в каждый мозг и там начнут происходить все соответствующие процессы, возникнет очень много вопросов...

Кто привел в тупик?

Каково содержание тупика?

Как выйти из тупика? То есть какая технология обеспечит этот выход...

Кто выведет из тупика? То есть какой субъект обеспечит этот выход... Потому что технология технологией, как я много раз говорил, а если нет субъекта, который применяет эту технологию, или субъект неадекватен технологии, то результат будет нулевой.

Поэтому вопросы «что делать?» и «кто виноват?» – это только часть тех вопросов, которые стоят на повестке дня. По-

ставим вопрос иначе: «кто» будет это «что» делать? Обратите внимание, у нас вопрос «что делать?» почему-то всегда соединялся с вопросом «кто виноват?». Асимметрия, да? А «кто» будет делать это «что»? – Такой вопрос никогда не возникал, всегда считалось, что этот «кто» появится автоматически. Но сейчас проблема создания субъекта намного важнее того, какие технологии этот субъект будет применять. Потому что если нет субъекта, то пиши пропало.

Дальше. Почему пришли в тупик? Вопрос ведь не только в том, кто привел. Что привело туда? Это ведь тоже важно. Что виновато? Как когда-то говорил Григорий Мелихов в «Тихом Доне»: «Не я виноват, жизнь виноватит». И потом говорил: «Я так думаю, что неверно жизнь устроена, и, может, я сам в этом виноватый». Цитирую по памяти, прошу прощения, если не вполне точно, но суть выражаю на 100%.

Вот эта идея тупика имеет уже макросоциальное значение. Наши разговоры о темной материи, темной энергии – это аналог разговоров в марксистских кружках начала XX века, когда пытались обсудить Маркса и понять, может ли Маркс быть теоретиком, который подскажет, как именно надо выходить из тупика. Но тупик тогда ощущался в российском обществе как некая несомненность. Выход из тупика могли искать марксисты, экзистенциалисты, почвенники, западники, либералы, консерваторы... Но факт тупика уже смотрел на каждого со страниц газет, и было понятно, что всё – приехали...

Представьте себе, что не сегодня, а через 5–6 месяцев, 8 месяцев (не через 5 лет, а уже в следующем году!) мы вдруг перешагнем порог, и все скажут, включая крайних апологетов действительности: «Ну, конечно же, тупик. Мы все понимаем, что тупик. Кто ж этого не понимает? Кургинян ломится в открытую дверь...»

И тогда наши радикальные либералы, или, как я их называю, либероиды, скажут: «Так это Сталин виноват, что мы в тупике».

А кто-то другой скажет: «Так это русская скверна, русский дух виноват – он нас волок через тысячелетия от одного несчастья к другому. Надо от него избавляться».

А кто-то скажет еще что-то...

К этому моменту мы твердо должны понимать, что говорим по данному поводу мы. И почему то, что говорим мы, убедительнее всех этих бредней по поводу скверности русского духа, а также всего остального.

И ради того, чтобы завтра ответы были точными – не скажу простыми, потому что есть простота, которая хуже воровства, а точными – ради этого сегодня стоит обсуждать самые-самые сложные проблемы. В том числе и проблему соответствия между темной энергией и темной материей – и социальными теориями.

Вопрос об этом соотношении поднят не мной. Я вообще стараюсь, по крайней мере в этом цикле передач, не обсуждать вопросы из разряда «Знаете, вчера мне это приснилось...» или «Я работал пять лет и сделал некое открытие». Возможно, что и нужна совсем-совсем новая теория развития – такая теория развития, которая не адресовалась бы на каждом шагу к Марксу, Веберу, кому-то еще, а просто оперировала бы фактами и моделями и все. Но разговор сегодня на языке такой теории очень сильно сдвинет нас всех в очень определенную сторону: «У нас своя теория и все свое! И только мы знаем истину – у нас есть абсолютное на нее право! Внимайте же все!»

Неправильно было бы – и сейчас, и в дальнейшем – сдвигаться в эту сторону, как бы эта сторона ни называлась: окончательная маргинализация или как-либо еще.

Гораздо важнее оказаться на стыке определенных теоретических построений, подкрепленных и великими именами (что немаловажно), и очень серьезными, фундированными идеями. Это все для нас сейчас весьма и весьма существенно.

Итак, по любому поводу я хотел бы сослаться на авторитеты. На очень разные, и совершенно не обязательно, чтобы я с каждым из этих авторитетов был во всем согласен. Все это может происходить вполне корректным с научной точки зрения образом, когда в таких-то и таких-то вопросах ты согласен с авторитетом, но достаточно перешагнуть какую-то грань, и ты с ним категорически не согласен. Почему нет? Так может быть.

В данном случае я говорю о Кларенсе Крейне Бринтоне – очень крупном, чтобы не сказать больше, американском историке и философе, одном из крупнейших специалистов по истории культуры, профессоре Гарвардского университета, президенте Американской исторической ассоциации, председателе Гарвардского общества стипендиатов, Общества французских исторических исследователей, авторе выдающихся трудов, в том числе фундаментальной монографии «Современная цивилизация. История пяти последних столетий», очень важного исторического труда «Анатомия революции» и еще одного труда «Идеи и люди. История западной мысли».

Бринтон в своей книге «Идеи и люди» как раз и говорит о том, какова роль физических теорий в построении модели мира и мировоззрения. Настаивая на новой парадигме модерна или, как он говорит, Просвещения (что, с моей точки зрения, сужает понятие, потому что модерн шире, чем Просвещение, но неважно), настаивая на том, что эта новая парадигма была связана именно с физикой и уже из физики перетекала в социологию, Бринтон пишет следующее:

«При переходе к восемнадцатому веку интеллектуальный историк сталкивается с трудностью, общей для всех историков последних столетий: он обременен материалом. Можно составить исчерпывающий список средневековых мыслителей; и добросовестный гуманитарный ученый может изучить, или по крайней мере прочесть, все дошедшее до нас из греческой и римской письменности. Но после изобретения книгопечатания, при обилии всевозможных авторов, каких только может содержать общество, лучше использующее свою материальную среду, масса сочинений во всех областях становится слишком большой для отдельного исследователя или даже для любой организованной группы исследователей.

...Возможно, Средние века были так же разнообразны в своем мышлении, как наше время. Но мы должны довольствоваться тем, что у нас есть, – а это, право же, крохотная доля одиннадцати с лишним миллионов книг и брошюр, опубликованных после 1700 года и хранящихся в Библиотеке Конгресса.

Следовательно, наши обобщения должны основываться на небольшой выборке из этого огромного количества информации. Мы не сможем даже уделить так много внимания, как прежде, великим плодотворным умам, так как нам придется сосредоточиться на идеях, действующих в безымянных человеческих массах. Мы можем лишь посоветовать читателю самому обратиться к работам людей, сделавших последние вклады в наше интеллектуальное наследие и придавших нашей западной культуре ее нынешнюю форму – или, как может сказать какой-нибудь пессимист, ее нынешнюю бесформенность.

*Мы намеренно выразим здесь новое мировоззрение Просвещения в его крайней форме, в которой его определенно не разделяли самые знаменитые его представители – такие как Локк, Вольтер, Руссо или Кант. Это вера в то, что все люди могут достигнуть здесь, на земле, состояния совершенства, какое до того считалось на Западе возможным лишь для христианина в состоянии благодати, да и то лишь после смерти. Молодой французский революционер Сен-Жюст сформулировал это перед Конвентом с обманчивой простотой: *le bonheur est une idée neuve en Europe* – «счастье – новая идея в Европе». Другой француз, Кондорсе, довел это до еще большей крайности: он наметил даже доктрину «естественного спасения», обещающую индивиду бессмертную жизнь во плоти здесь, на земле.*

Такую возможность совершенствования человеческого рода христианство никогда не обещало за две тысячи лет его господства, не обещали и предшествовавшие тысячелетия язычества...»

Здесь Крейн Бринтон обращает внимание на то, как это было тогда ошеломляюще необычно. Никто никогда ничего такого не обещал. И вдруг пришли люди и сказали: «Мы вам говорим: „Вы это здесь получите на земле. Скоро. Вот она – наша новая весть“».

«Если она могла быть высказана в восемнадцатом столетии, то должно было произойти нечто новое – некоторое изобретение или открытие. Это новое лучшее всего резюмировано в трудах двух англичан конца семнадцатого века, Ньютона и

Локка, сосредоточивших в себе всю подготовительную работу первых столетий Нового времени (или Модерна. – С.К.). Труды Ньютона, в особенности его усовершенствование математического анализа, его великая математическая теория вращения планет и закон тяготения, как казалось современникам, могли объяснить все явления природы или во всяком случае показать, как их можно объяснить – в том числе человеческое поведение».

Отсюда тянется нитка от трудов Ньютона к социальной теории. Ньютон сказал, что все можно объяснить определенным образом. Все.

«Я объяснил нечто, – сказал Ньютон, – пусть другие объясняют другое».

И Локк ответил Ньютону: «Да, ты объяснил это, а я объясню так же, как ты, социальную жизнь».

Итак, возникла связь между физической картиной мира и социальной теорией. Ньютон создал физическую картину мира. Локк протянул модель Ньютона в социальную теорию.

А дальше уже в основном французы – Вольтер, Дидро, д'Аламбер и другие – пропагандировали то, что создали Ньютон и Локк. Они стали распространять эти идеи, придавать этим идеям емкие, жгущие сердца формы, насыщать этими идеями умы всей читающей публики – ее было тогда не так много. И довольно быстро идеи эти охватили массу читающей публики – ту самую массу, которая осуществляла Великую французскую революцию, другие крупнейшие трансформации XIX века. Речь о том, что эти идеи стали господствовать в умах. Они поселились в умах и стали там работать.

Но приводным механизмом ко всему этому стала теория Ньютона.

Если на самом деле мир настолько неумолим, если он в такой степени подчинен законам гравитации, законам механики; если все можно вычислить; если вдруг оказывается, что все то, что казалось таким хаотичным и разнородным, сводится к таким простейшим, кристаллическим формулам, – то так

же все должно происходить и в обществе, так же все должно происходить в психологии, так должно происходить везде. «Социальная физика», – говорили люди той эпохи, создавая общественную теорию.

Дело дошло до представления, что все есть физика в некотором обобщенном смысле слова, ибо все подчиняется примерно одинаковым в своей неумолимости, емкости, кристалличности законам. Все может быть выведено из некоего общего принципа.

Итак, огромное значение имеет первовзрыв, осуществленный Ньютоном. По отношению к этому первовзрыву все остальное вторично: Локк, Вольтер, Дидро, д'Аламбер, Руссо, деление на одни школы и другие. Сначала произошел первовзрыв, а потом все стало принимать на себя энергию этого взрыва, порождая множественные теоретические миры. А потом эти миры, будучи однородными по той энергии, которая их породила, по силе этого творческого первовзрыва, стали собираться в концепцию и породили некий новый мир, который назывался миром Модерна.

Когда я говорю о темной материи и темной энергии, то я не утверждаю, что на сегодняшний день все это оформилось в такую же кристаллическую, емкую, завершенную конструкцию, каковой для своего времени была ньютоновская конструкция. Я только утверждаю, что на горизонте замаячило нечто подобное. Я хочу этим сказать только одно: что я могу уловить, кто из людей сегодня понимает что-то в этих находящихся на горизонте великих, новых открытиях, которые способны изменить картину мира, а кто на эту тему болтает. И когда я разговариваю с людьми, совершенно разными по своим идеологическим взглядам или абсолютно чуждыми идеологии и все они мне говорят: «Да-да, вот это всё – не теория хаоса, не синергетика. Оно маячит на горизонте, и оно создаст новую картину мира»... И если один из этих людей, скажем так, тяготеет к либерализму, другой к консерватизму, третий просоветски настроен, а четвертому идеология абсолютно безразлична, – если все эти люди говорят одно и то же, то у меня возникает гипотеза,

согласно которой именно такая новизна маячит на горизонте. Это не моя гипотеза, это гипотеза, которая для меня является результатом подробных разговоров и обсуждений с людьми, которым я верю и которые к политике никакого отношения не имеют. Они физикой заняты, математикой, теорией систем и занимаются этим по 18 часов в день, ни на что другое не отвлекаясь.

Итак, я говорю: если это так, если они правы (а у меня есть интуиция этой правоты), и если опять-таки господин Бринтон прав, и первовзрыв, меняющий картину мира, исходит из естественных наук и потом распространяется по всем другим сферам: в сферы социальной теории, психологии и так далее, – то вполне может быть, что новый первовзрыв, создающий уже не картину Модерна, а совсем другую картину мира, сейчас назревает в том, что касается темной энергии и темной материи.

Но он лишь назревает. Это все не взорвалось еще в полную мощь. Оно лишь накапливает свою интеллектуальную, духовную энергию. Когда оно взорвется серией новых открытий и пр., тогда, наверное, картина мира изменится в эту сторону.

Меня, не скрою, впечатляет то, что я заговорил об этом в книге «Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире» еще до того, как эта тема стала обсуждаться, ну, скажем так, в узких, но компетентных научных кругах. Причем в таких кругах, которые не погрязли в формулах, а способны свои занятия формулами сочетать еще и с какими-то размышлениями о мировоззренческой революции, о новой парадигме, как сказали бы теоретики науки, способной изменить мир, мировые модели, мировоззрение, – все в мире перетряхнуть.

Еще больше меня впечатляет то, что еще нет никакой завершенной теории, лишь нечто маячит на горизонте, но уже очень большое внимание ко всему этому проявляют мировые средства массовой информации, создатели разного рода художественных произведений, создатели фильмов и так далее. Эта тема очень быстро стала востребованной. И это тоже не может быть случайно.

Вот аргументы, говорящие о том, что мы не строим на песке и не якшаемся с манекенами. Мы пытаемся угадать будущее.

Почему ни Бору с Гейзенбергом, ни Эйнштейну и его последователям не удалось создать такого интеллектуального взрыва, который Бринтон описывает в случае с Ньютоном? Потому что и картина мира Эйнштейна (почти на 100%), и, в основном, картина Бора и Гейзенберга, – укладывались в ту же реальность, которая была описана Ньютоном. Они эту реальность существенно трансформировали. Но они не говорили о том, что реальность совсем-совсем другая.

Здесь было такое же устремление к единству принципа. Эйнштейн хотел все вывести из принципа кривизны пространства-времени. Школа Бора хотела в итоге проквантовать все, включая пространство-время, соединить квантовую теорию с теорией относительности. Но это все тот же универсум, это все та же воля к единству принципа, из которого проистекает вся картина мира.

И, повторю, такую же волю к единству принципа проявляли великие теоретики, которые переносили это единство принципа из физики в другие сферы: в социальную теорию (Маркс), в психологию (Фрейд). И там, и там речь тоже шла о выведении всего из некоего единого принципа. В философии это называется монизм. Я не буду подробно рассуждать на тему о том, насколько монизм был связан с монотеизмом в его еврейском проявлении, когда уже даже отошедшие от еврейской религиозности люди, великие теоретики, сохраняли тягу к соблюдению краеугольного монистического принципа. Я думаю, что в культурном смысле они были достаточно обусловлены чем-то подобным, хотя гении – всегда шире, чем те культурные принципы, на которых они базируются.

Но, как бы то ни было, они исходили из того, что мир един, им управляет один принцип, и строили свою большую теорию на основе этого принципа.

Как я уже говорил, все три великих теоретика в конце жизни от этого отказывались. Дело не в том, что Эйнштейн не мог проквантовать пространство-время и не мог вывести

все на свете из этих волн пространства-времени: длинных волн (гравитационных), средних волн (электромагнитных), коротких волн. Эйнштейн это все мог бы сделать, а то, что не сделал он сам, сделали бы его последователи.

Дело заключается в том, что, когда Эйнштейн ввел в свои уравнения лямбда-член, это было не очередным нюансом в его теории, а абсолютно новым поворотом, фундаментальной ревизией всего, что он делал. Мы поговорим об этом отдельно – о том, почему Эйнштейну пришлось ввести этот пресловутый лямбда-член, чтобы общая теория относительности работала, не разваливалась и объясняла многообразие накопленного к этому моменту научного опыта. Но для меня намного важнее мировоззренческая внутренняя революция Эйнштейна: да, есть нечто другое, и это другое приходится признать.

То же самое происходило с Фрейдом. Фрейд хотел все вывести не из единства пространства-времени и не из того, что все формы проявления чего бы то ни было в физике есть та или иная степень искривленности этого пространства-времени. Фрейд хотел вывести все из Эроса, из «принципа удовольствия».

Фрейд утверждал, что всё есть трансформированные формы великого Эроса. А потом признал Танатос. И это было для него столь же мировоззренчески катастрофично, как для Эйнштейна признание, что без лямбда-члена (то есть темной энергии и темной материи) не обойтись. Я говорю не о прямом признании, я говорю о введении в теорию постулатов, которые уже позволяли прийти именно к этому.

Эйнштейн ввел новые постулаты, которые подвергали глубочайшему испытанию сам принцип монизма, который он исповедовал и который, в конце концов, для него был еще неким символом красоты мира: мир должен быть един, должен весь выводиться из чего-то одного, тогда это так красиво, так правильно и так гармонично.

Эйнштейн подверг пересмотру эту великую идею гармонии.

Фрейд подверг пересмотру свою идею гармонии, признав Танатос.

Маркс подверг пересмотру свою великую монистическую, универсалистскую теорию в тот момент, когда заговорил о превращенных формах.

Итак, перед нами три ревизии. Катастрофические ревизии, осуществленные тремя великими гениями: Эйнштейном, Марксом и Фрейдом. Они касались физического мира, социального мира и внутреннего мира человека. Три эти ревизии однотипны. В каждой из них речь идет о том, что великая идея выведения всего из одного принципа – то есть идея монизма – вдруг подвергается глубочайшему и небезболезненному для творца идеи пересмотру.

Теперь следует понять, в какой степени не только катастрофичность пересмотра объединяет идеи, но их внутреннее содержание.

Что такое эта темная энергия?

Что такое эти превращенные формы?

И что такое Танатос?

Если окажется, что не только катастрофичность отказа от монизма объединяет эти три пересмотра, но и обнаружение какого-то сходного внутреннего содержания, если окажется, что это так, то речь идет действительно о новой модели мира. Но так ли это?

Я не могу развернуто доказывать здесь, что это так. Это надо осуществлять на новом этапе нашей работы. Я лишь подчеркиваю, что в каком-то смысле и темная энергия, темная материя, порожденные поправками Эйнштейна, и Марксовы превращенные формы, и Танатос Фрейда – это признание того, что в мире помимо чего-то, что формы создает и совершенствует, есть еще что-то, что относится к формам совсем иначе.

К этим трем великим именам можно было бы добавить (тут уже вопрос не в имени) некую модель, связанную с энтропией – тепловой смертью Вселенной, хаосом, стремлением мира к некоторому тепловому усреднению. То есть всем, что связано со вторым законом термодинамики, который многие называют «законом смерти».

Если все стремится к равновесию, и лишь гигантским усилием можно избежать этого равновесия, создав неравновесную

систему, и все в итоге вернется к этому равновесию, – значит, мира форм в конечном итоге не будет. А будут как-то равномерно распределенные атомы или элементарные частицы с очень низкой концентрацией. Но затем и эти микросистемы тоже начнут распадаться, и все вернется к какому-то первоначально равновесному состоянию, по отношению к которому нынешняя неравновесность есть патология.

Один из самых крупных и своеобразных советских марксистов Эвальд Ильенков, постоянно сверявший свои марксистские идеи, как это кому-то ни покажется странным, с музыкой Вагнера, грезил о том, что человечество, дойдя до какой-то момент до высшего уровня понимания своей космической миссии и осознав трагедию второго закона термодинамики до конца, создаст на всем освоенном человечеством пространстве мощнейшие взрывные устройства, приведет их в синхронное действие – и возникнет новый Большой взрыв. То есть человечество собою согреет Вселенную – и этим преодолет фатальность второго закона термодинамики и смерти Вселенной. И начнет новую жизнь в акте такого жертвоприношения.

Грезя об этом, Ильенков накрывался одеялом, включал «Гибель богов» Вагнера и все время слушал музыку, потому что ему казалось, что вот этим его идеям, которые он черпал, как он говорил, из марксизма, очень созвучна музыка Вагнера.

Человек он был очень талантливый, может быть, самый талантливый из тех, кто уже в этот период, в период позднего советского общества, развивал Маркса. Наверное, самым талантливым из тех, кто делал это в раннем периоде, является Александр Богданов – он крупнее по масштабу мысли, чем Ильенков. Но Ильенков – это тоже очень крупная фигура.

Когда Владимир Лефевр – фигура, конечно, гораздо меньшего масштаба, чем Ильенков, – говорит о космическом субъекте, речь идет об идеях примерно того же типа. Но к моменту, когда эти идеи стали так популярны (в пьесе Леонида Андреева один герой говорит: «Надо идти вперед, пока светит солнце. Оно погаснет? Тогда нужно зажечь новое»), к моменту, когда завороченность умов вторым законом термо-

динамики достигла максимума, вдруг оказалось, что второй закон термодинамики не так уж и действует.

По крайней мере, что для того чтобы он действовал, нужен некий источник, порождающий энтропию. То есть, помимо энтропии, нужен некий энтропизатор. Нужен тот, кто сотворяет хаос.

Если есть субъект, непрерывно наращивающий организацию, то есть субъект, который непрерывно наращивает дезорганизацию. И эти два субъекта находятся в непрерывной борьбе.

Некоторые ученые стали проводить некую параллель между темной энергией, темной материей и вот этим актом энтропизации всего и вся – то есть между Эросом и Танатосом, между духом жизни и духом смерти. Тем самым оказалось, что смерть не есть умаление жизни, а есть некая автономная целеполагающая система, которая привносит нечто в мир извне.

Вот такое представление о смерти, о хаосе как повреждении, порождаемом вредителем, очень созвучно теории о темной материи и темной энергии. У сегодняшних теоретиков есть немалый соблазн просто сказать, что это всё – одно и то же. Что то, что наблюдается как темная энергия и темная материя, вот оно на самом деле и порождает хаос. И оно атакует мир форм, стремясь эти формы поглотить, истребить, разрушить. И что такой же атакой, интервенцией чего-то чужого, иного в мир социальных форм является превращение социальной формы – мутация социального организма.

Речь идет о тех же самых мутациях. Источником мутагена является вот это «dark» – темное начало, в котором нет ничего от Вселенной, в которой формы образуются. Вот это «dark» и осуществляет мутацию, разрушение, превращение, диссипацию, смерть.

Если поставить это все в один ряд, то окажется, что подобного рода теоретические построения (которые, я вновь подчеркиваю, являются лишь продвинутыми исследованиями, а не фактом современной теоретической классики) будут очень созвучны древним религиозным представлениям.

С незапамятных времен существовали метафизики внутри религии. И здесь надо понять, что метафизика – это ядро религии, это не вся религия, если метафизика религиозная. Это ее ядро. Религия шире, чем метафизика.

Существовало ядро в очень разных религиях, которое прятало внутри себя некую сокровенную тайну, согласно которой Творец не всесилен – он лишь создает некий мир форм. Этот мир форм есть некий остров в океане чего-то другого. Это другое называется «Иное» или «Абсолют». И подлинным-то высочайшим субъектом является именно это «Иное» или «Абсолют», а вовсе не Творец, который, как говорили гностики, есть «мелкий демиург, создавший злой мир».

Мы можем проследить влияние подобных, не очень афишируемых метафизиков во всех религиях: в православии, католицизме – в любых ветвях христианства, хоть в протестантизме; в исламе. Да, в общем-то, и в религиях Востока: в индуизме, в буддизме, как это ни странно кому-то кажется, – там тоже все это есть.

Вся эта религиозная метафизика держалась на так называемом принципе теодицеи – объяснении зла. Более графично назвать это оправданием зла. Но тут дело было даже не в оправдании, а именно в объяснении.

В этом смысле внутри каждой религии было три метафизики, если особенно речь идет о монотеистических религиях, где все создает Творец.

Одна метафизика, которую можно назвать либеральной, гласила, что источником зла является свобода воли. То есть благость Бога, который, делая человека свободным, создает возможность его «уклонения ко злу». Эта метафизика в сознании людей прежних веков – XVIII, XVII, XVI, тем более еще более ранних – занимала 99% всей метафизической территории. Оставшийся 1% занимала гностическая метафизика, которая гласила, что дело не в том, что Богу нужно создать возможность для человека уклониться ко злу и поэтому Он во благости Своей допускает зло. Она говорила: «Нет, просто сам этот бог – это жалкий демиург, который чего-то такое насоздавал, а оно злое по своей сути. Злое именно потому, что

он эти формы создал. (Это называется «вампиризм форм»). Он создал вампиров в виде этих форм. И они терзают мир, делают его несправедливым, жестоким и так далее».

Когда я говорю: «1%», – я не вполне точен, потому что на самом деле надо говорить «0,99%». Потому что 0,01% занимал еще один тип метафизики – по сути, почти симметричный гностическому. Согласно этой метафизике (существовавшей исторически, а не выдуманной в качестве какого-то нововдела, в качестве фэнтези), Творец создал некое ограниченное творение. Да, вокруг него есть Предвечная Тьма. Да, она грозит поглотить творение, но это не значит, что надо поклоняться Предвечной Тьме, Творец все равно благ в том, что он это создал. Его мир есть благой мир. Это своего рода остров, который надо охранять и который все время может быть сокрушен кипящими валами Предвечной Тьмы, которая бьет в этот остров, как океан бьет в скалы.

В XX веке что-то случилось с оптимистической метафизикой, метафизикой, согласно которой зло есть благо, ибо оно сотворено благим Творцом во имя свободы воли и свободы уклонения ко злу человека. Эта метафизика оказалась подорвана. И никто до конца не может сказать, как именно она была подорвана.

Называют это «теодицея после Освенцима». Вдруг оказалось, что зло может больше; что оно обладает собственной креативной силой; что говорить о том, что хозяином зла является всего лишь какой-то падший ангел, то есть тварь, вторичная по отношению к Богу, «обезьяна Господа Бога», что фактически Богом помыслено это зло, – так говорить уже нельзя. То есть до сих пор большинство теологов так и говорит. Но просто в этом разговоре появились какие-то неуверенные, унылые обертона. Люди вроде продолжают это утверждать и уже не верят в это.

И вот, когда схлынула эта теодицея свободы воли и соответствующая метафизика, которую мы можем назвать либеральной в каком-то особом смысле слова (подлинный либерализм всегда основан на культе свободы, здесь речь идет о предельной свободе – свободе воли), – когда это все схлынуло, вдруг

оказалось, что метафизик-то две: гностическая и та, согласно которой мир благ и творение носит благой характер, но оно постоянно атакуется какой-то могучей предвечной силой.

Теологи здесь все время ссылаются на Книгу Бытия: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною». Знатоки древних языков и религиозных текстов утверждают, что «тьма над бездною» – это тьма предвечная, нетварная. Вот есть некое нетварное, могучее начало, которое и сотрясает мир фундаментальным злом. Есть у этого зла хозяйка – это Тьма Предвечная.

Но, как говорит эта третья метафизика – не гностическая, а антигностическая, вся миссия человека и человечества в том, чтобы вместе с Творцом отстаивать остров блага от океана тьмы.

В этом смысле гностическую метафизику можно назвать черной, ибо она поклоняется тьме как Абсолюту, Высшему, тому, что должно спасти от проявления.

А метафизику, которая отстаивает благое творение, признавая при этом, что оно есть лишь остров, сокрушаемый волнами Предвечной Тьмы, надо назвать красной. Или хилиастической.

Вот эти две метафизики вдруг обнажились в XX веке на фоне какой-то уязвленности сердца человеческого фактом масштабности зла, несводимости этого зла лишь к помыслу о свободе воли. Политически именно эти две метафизики, гностическая и хилиастическая, оформились в виде двух идеологем: фашизма и коммунизма. Оформившись же подобным образом, они столкнулись на полях России и на полях Второй мировой войны в целом в виде двух полярных, сосредоточенных, мобилизованных вер.

И если бы внутри коммунистической идеологии не было этой красной веры – хилиастической, то не сокрушила бы она «фашистскую силу темную». Она ее потому и сокрушила, что была к этому метафизически предрасположена.

Мне скажут, что коммунизм является светским учением. И что в этом виде нельзя говорить о метафизике. А кто сказал, что светский человек лишен метафизики? Это, может

быть, и есть самый фундаментальный вопрос современного мира. Обязательно ли светский человек является человеком, у которого нет метафизики?

Да, Модерн предполагал, что именно таким будет светский человек, хотя мы видим, что уже в основе того, что закладывалось в Модерне, была какая-то сумасшедшая вера в счастье, разрывающая сердце Сен-Жюста и других.

Но ведь к этому все не сводится. Имеем ли мы право говорить о светской метафизике? И имеем ли тогда возможность построить мост между метафизикой религиозной и метафизикой светской?

Мне кажется, что ровно в той степени, в какой во всех религиях существует хилиастический и гностический модусы именно как полярные антагонистические модусы, а не как что-то, перетекающее друг в друга. Не могут перетечь друг в друга идея уничтожения царства форм и в целом проявления (уничтожения с тем, чтобы раствориться в великом Абсолюте) – и идея Царства Божьего на Земле. Не могут эти две идеи никаким образом переплетаться друг с другом. Они есть полярные, антагонистические идеи. И только в качестве таковых их надо рассматривать.

Так вот, в такой же степени сегодня можно говорить и о светской метафизике. Потому что новая модель мира, в которой существует вот это «dark», эта новая физическая модель, дополненная моделью превращенных форм и Танатоса, вполне позволяет светскому человеку считать, что он является рыцарем развития.

Что развивается? Что есть развитие? – Усложнение форм, стремящихся от кварка к элементарной частице, от элементарной частицы к атому, от атома к молекуле, от молекулы к биологической клетке, от биологической клетки к разуму. И дальше.

Вот эта воля к развитию, это всеобщее стремление к усложнению форм, которое некоторые называют эмерджентностью, по силе своей, по мощи своей носят вполне-таки парарелигиозный характер. Такое стремление тоже грезит о высшем. Это очень мощная, великая страсть.

Ей противостоит другая страсть. Если все то, что проникает волей к развитию, волей к усложнению форм, зажигает сердца одной страстью, – то воля к тому, чтобы этого не было, стремление к отрицанию высшего проявления восхождения истории, ненависть к истории, отвращение к истории, ощущение истории как скверны, как порока, как отпадения, – это тоже очень мощная страсть.

Однажды очень крупного консервативного философа Мигеля де Унамуно пригласили к себе фалангисты – радикалы внутри и без того достаточно экстремистского франкистского движения. И когда они приветствовали Унамуно своим знаменитым восклицанием «Да здравствует смерть!», то Унамуно сказал, что, во-первых, в этом есть лингвистический парадокс: смерть не может здравствовать, ей это несвойственно. А во-вторых, он никогда не будет приветствовать волю к смерти.

Тогда фалангисты посадили его под домашний арест. Его не убили, ибо он был очень почитаем в качестве консерватора, но они поняли, что он чужой. Унамуно почувствовал себя чужим потому, что прозвучало восклицание: «Да здравствует смерть!»

Когда многие говорят о фашистской свастике, то не обращают внимания на то, что это левосторонняя свастика, а не правосторонняя свастика, которая раскручивает спираль жизни. Левосторонняя свастика ее скручивает. А это очень важно с точки зрения метафизики фашизма.

Итак, внутри этой эмерджентности и этой теории развития есть ощущения того, что у развития есть враг и что этот враг обладает колоссальной мощностью, что это онтологический, метафизический враг, что это не заблуждение, не косность и не неправильная организация чего бы то ни было, а это фундаментальный, окончательный враг, с которым надо воевать вечно... И эта мобилизующая сила красной метафизики оказывается созвучна современным физическим теориям, теории превращения Маркса, теории Танатоса Фрейда, теории противодействия энтропии и второму закону термодинамики.

В конечном итоге тут речь идет о новой науке – науке, потерявшей свою деидеологизированность, свою чисто гно-

сеологическую невинность; науке, которая мыслит не только категорией истины (хотя она, конечно же, не перестает мыслить этой категорией), но науке, которая еще мыслит и категорией спасения. У науки возникает высшая миссия.

И в этом смысле наука, сама меняя свое качество, превращается в парарелигию. Она оказывается в состоянии, при котором она может строить полноценный диалог с религией, ибо и внутри религии существует метафизическое ядро, и внутри такой науки тоже возникает светское метафизическое ядро. Оно возникает вместе с ощущением завораживающей силы тьмы и одновременно с ощущением своей ответственности за то, чтобы противостоять этой силе при всей ее мощности, при всем ее сокрушительном качестве.

Вот противостоять, и всё.

В своей книге «Исав и Иаков» я обращаю внимание на интуицию чего-то подобного и у Экзюпери в его «Ночном полете» (где речь идет, в сущности, об интуиции бесконечной, охватывающей все тьмы), и у Ивана Ефремова (весьма умного и талантливого человека, который для меня совсем не является блестящим писателем, но как исследователь, как мыслитель, конечно, это человек очень серьезный) с его ощущениями звездолета, который, наконец, выходит на грань Вселенной и сталкивается с абсолютно другой тьмой. Не обычной тьмой звездного неба, а тьмой другого качества. Звездолет, кстати, называется «Темное пламя», если мне не изменяет память.

Наука, выходящая в рыцарственное качество, при котором она ощущает себя воином, сражающимся против какой-то невероятно мощной силы, воином, который воюет за спасение, а не просто за истину, – вот эта новая наука становится не только производительной силой, она приобретает культуuroобразующее качество.

Катастрофа Модерна обусловлена тем, что у Модерна не было культуuroобразующей силы. Как только Модерн разделил внутри себя все на гносеологию, этику и эстетику, т.е. на истину, справедливость (право) и красоту, он утратил культуuroобразующий огонь.

Не случайно в нашем языке есть слова «культ» и «культура». В ядре любой культуры находится метафизика.

Есть ядро и есть гигантская оболочка.

Модерн прекрасно жил до тех пор, пока он мог в условиях остывания опираться на христианскую культуру, которая не исчезала вместе с отказом Модерна от христианства как системообразующей оси. Но потом вдруг оказалось, что культура остывает слишком быстро.

Модерн рухнул в бездну декаданса, в то, что потом и стало Постмодерном.

Поскольку светского человека никуда деть не возможно, то весь вопрос не в том, чтобы воевать против светского человека, а в том, чтобы воевать за него, противопоставив человека светского и метафизического – человеку светскому и лишенному метафизики.

Человек светский и лишенный метафизики – дитя Модерна.

Человек светский, имеющий метафизику, – это уже не Модерн.

Если наука преобразует самое себя, оставаясь, разумеется, при этом наукой, если она вернет себе синтетическую силу и сохранит при этом гносеологический потенциал, такая новая наука начнет процесс нового культуротворчества.

На сегодня очень слабыми и компрометирующими эту идею симптомами чего-то подобного являются научная фантастика и пр. Это жалкий лепет по отношению к тому, что должно быть в случае, если наука действительно всерьез собирается обрести новую силу, свою метафизику, свою мистику, свою полноту.

В этом качестве наука преодолет дифференциацию на «истинное», которое может не быть «прекрасным» и «добрым»; на «доброе», которое не обязано быть «истинным» и «прекрасным»; и на «прекрасное», которое не обязано быть «истинным» и «добрым». Возникнет новый синтез.

Об этом синтезе мечтали всегда. Никогда наука внутри себя не теряла надежду на другую ипостась – на ту ипостась, которая вернет ей синтетическую силу.

Но сейчас возникает новая возможность для всего этого.

Если в донаучном начале существовал миф, внутри которого как раз осуществлялся синтез прекрасного, справедливого и истинного, то потом все это разделилось. И, возможно, сейчас оно опять сойдется в новой точке, в точке новой научности. Вот тогда здесь возникнут новые шансы для человечества.

В противном случае все скатится к мифу. Но не к мифу в его изначальной нерасчлененности жизни и веры, а к мифу в том извращенном постмодернистском смысле, который предъявлял «Миф XX века» главного нацистского идеолога Альфреда Розенберга. То есть к фашизму.

Вопрос в том, чтобы не скатиться к мифу, а подняться в новое качество. Если это удастся, то в ядре нового проекта окажется именно тот Сверхмодерн, который будет основан на метафизически обусловленной науке – на науке сверхнового времени. Тогда Четвертый проект возможен. Ибо сила проекта не в том, что он предлагает человечеству некие ответы на его, человечества, обычные вопросы. Ответы на обычные вопросы предлагают программы, концепции, теории, учения. Проект предлагает другое. Проект предлагает один-единственный ответ на какой-то супервызов, на какое-то суперобстоятельство. Он действительно меняет кардинально взгляд на все сразу. И вот в этой своей новизне он начинает пересборку модели мира, пересборку человека, пересборку всего на свете.

В этом смысле Постмодерн говорит о том, что все это просто не нужно, что этого не может быть – он отказывается от метафизики, отказывается от подлинности, отказывается от человека.

Контрмодерн пытается вернуть человека к религии, причем к религии, лишенной гуманистического потенциала.

Модерн цепляется за классический гуманизм и классического человека.

А Сверхмодерн действительно грезит и о новом гуманизме, и о новом потенциале развития, и о новом огне метафизической страсти. И здесь он вполне протягивает руку религии.

И тогда осуществляется тот синтез, о котором грезили очень и очень многие. Исчезает противопоставление кон-

довых атеистов и столь же кондовых верующих. Возникают возможности если не метафизического синтеза (что абсолютно необязательно), то по крайней мере метафизического диалога.

Об этих возможностях, а также окончательных чертах Четвертого проекта, опирающегося на Сверхмодерн, мы поговорим в следующих выпусках нашей программы.

11 октября 2011 года

Выпуск №36

Если внимательно всматриваться в происходящие процессы, то может показаться, что Россия уже прошла точку невозврата... Что процессы настолько скверные, что их вообще невозможно переломить... Что все силы, которые способны были бы теоретически обеспечить подобный перелом, слишком слабы, а других сил нет и неоткуда им взяться... Что если регресс уже удалось осуществить, то надо сливать воду, потому что выход из регресса в принципе невозможен... И так далее.

Я подчеркиваю: может показаться.

Ситуация действительно находится в страшной близости к чему-то подобному. Еще несколько шагов – и мы должны будем говорить не о том, что нечто может казаться, а что нечто свершилось. Но оно еще не свершилось. Почему и в каком смысле? Не в том смысле, что внутри нашей жизни возникает некая новая свежая политическая струя, которая сейчас триумфально начнет преодолевать процессы. Ничего подобного нет.

Есть нечто другое, никоим образом не говорящее о том, что нам гарантирован выход из нынешней ситуации. И вместе с тем это другое, не дающее нам никаких гарантий, содержит в себе нечто большее, чем гарантии. Оно содержит какой-то высший, очень простой человеческий и одновременно почти метафизический шанс.

Подобного рода вещи улавливаются не классическим научным методом, который всегда строится на том, чтобы идти к все большей и большей абстракции, от частного к общему, оперировать некими понятиями и, наконец, построить модель, увидеть, что модель работает, и обрадоваться тому, что ты от видимости перешел к сущности. Этот метод очень важен, он очень интересен, он до сих пор остается основным, но с помощью такого метода невозможно схватить что-то, в чем, как мне кажется, есть наш единственный шанс сегодня.

Другой метод феноменологический. Он не понятийный. Его можно назвать «схватыванием». Суть этого метода заключается в том, чтобы каким-то специальным образом (которому, между прочим, еще надо суметь научиться, потому что тут очень легко впасть в соблазн дилетантизма) из гигантского потока жизни вдруг выхватить нечто, что содержит в себе осевой, системообразующий смысл и одновременно понятием не становится.

То есть это «нечто» не нуждается в большей степени абстракции, оно продолжает оставаться абсолютно конкретным, но в этой своей конкретности оно одновременно является системообразующим. Потому что обычно-то считается, что для того, чтобы выйти на некие системообразующие понятия и с помощью этих понятий построить модель, нужно все время освобождаться от конкретности, от частности.

Но есть не научный, а феноменологический метод, в пределах которого не надо избавляться от всех этих конкретностей, мелких черт и т.п. Именно в совокупности всех этих мелких и крупных черт в целом, в этом единичном вы вдруг видите всеобщее.

Есть классическая триада: единичное, особенное, всеобщее.

Единичным мы занимаемся в нашей обычной, частной жизни.

Особенное в значительной степени является сферой культурных образов и пр.

Всеобщее является сферой высокой философской абстракции.

Так вот, это все действует только в рамках понятийного момента. В феноменологическом методе – а это очень разработанный метод, Гуссерль действительно великий феноменолог и отнюдь не единственный из тех, кто это развивал, это целая школа – в пределах этой школы учат тому, чтобы внутри гигантского потока обычных конкретностей, обычных частностей, которые относятся только к миру единичного, вдруг схватить что-то такое, что, оставаясь единичным, является одновременно всеобщим и особенным. Или, точнее, является и особенным, и всеобщим. Оно преодолевает фактом своего наличия альтернативу между единичным, особенным и всеобщим. Оно не нуждается в очищении для того, чтобы стать всеобщим. Более того, если начнешь его чистить, оно как раз всеобщим и перестанет быть.

Вот это и можно назвать феноменом, живой сущностью, которая во всей своей конкретности, во всей своей индивидуальности, во всей своей наполненности разного рода частностями одновременно именно через все эти частности несет в себе всеобщую идею.

Если мир понятий – это мир такой чистой, конкретной, старой науки, то вот эти феномены – это как раз то, что присуще науке нового типа. Точнее, феноменологи хотели бы, чтобы это стало основой науки нового типа. Но, в любом случае, это то, что может связать между собой понятийный аппарат, аппарат естественнонаучных субъект-объектных исследований с другими аппаратами, в которых невозможно проводить эти субъект-объектные исследования, ибо то, что исследуешь, уже не является объектом. Оно не лежит перед тобой распластанное и готовое безропотно подчиниться тому, как ты именно его будешь исследовать. Оно на каждый факт исследования реагирует рефлексивно. Оно само есть субъект, который может обманывать тебя в ходе исследования или реагировать на твои исследования, как на вмешательство, и так далее и тому подобное.

Вот для всего этого (а это очень большая часть интеллектуальной жизни, да и жизни вообще) понятия не годятся, а феноменология что-то тут может обнаружить и смоделировать

через частное, которое одновременно является всеобщим.

Это та частность, которая одновременно является знаком надежды в нашей жизни. А мы должны признать, что в нашей жизни знаков надежды фактически нет, что жизнь безнадежна. Она необратимо движется к очень быстрому и унижительному концу.

Внутри этого знаком надежды для меня лично является поразительное количество людей молодых и достаточно энергичных, тяготеющих к сложному, прорывающихся к сложному, требующих именно сложности, чувствующих, что «простота хуже воровства», и реагирующих на эту сложность не высоколобо-холодно, а тотально, чувственно – всеми собой.

В принципе, это и есть уникальная способность русской культуры, которая должна была быть уничтожена в ходе регресса и погрома, осуществленного по отношению ко всему Идеальному Горбачевым и Ельциным. В ходе всех этих страшных перипетий это должно было быть уничтожено. Причем те, кто это уничтожал, заложили в модель уничтожения 1000%-ную надежность. Они прокатали это катком не один раз, а 10 или 100, для того чтобы никогда ничего здесь больше не возникло. И нельзя сказать, что они были бездарны или действовали неграмотно. Всё они делали грамотно. Ничего тут не должно было остаться. А оно есть. И его много.

Я никогда не буду хаять Европу, западный мир. Это очень модное в почвенной среде и абсолютно, с моей точки зрения, бессмысленное занятие. В Европе есть много хорошего и интересного. Она отрегулирована. Она поставлена в некоторые пусть холодные, но весьма небесмысленные рамки. А здесь этих рамок нет. Здесь беспредел носит циничный, и отвратительный, и очень вульгарно-пошлый характер. Все так. И в этом смысле здесь хуже, чем в Европе.

Но в Европе при всех ее плюсах есть один фантастический минус, который опять-таки феноменологически выносит Европе смертный приговор, при том, что она инерционно все еще хороша. И инерционно-то она вроде бы движется по правильной траектории. Но в том смысле, о котором я говорю, Европа мертва. Все хорошо. Все отлажено. Все четко.

Все отрегулировано. И нельзя говорить, что это мелочи: наладить – раз плюнуть, отрегулировать – раз плюнуть... На то, чтобы наладить, отрегулировать, построить этот механизм, ушли столетия. Он очень силен. Не надо сбрасывать Европу со счетов.

Все так, но количество людей, которые страстно, всем своим нутром, всей силой мозга и души рвутся к чему-то сложному, необычному, загадочному, выходящему за рамки существующих нормативов, хотят этого, требуют этого, жить без этого не могут, в Европе ничтожно мало. И каждый, кто там был, работал, наблюдал все это, вел соответствующие диалоги в разных интеллектуальных или культурных средах, – каждый понимает, что это так.

В метафизическом воздухе современной Европы разлита скука, безразличие и отсутствие последней и окончательной страсти к сложному, к тому, что выходит за рамки и пределы. Нет этой страсти. Нет главного – того, без чего ничто не может существовать. Нет для этого человеческого материала. Нет в достаточном количестве людей, наделенных теми качествами, которые я только что назвал. Все остальное хорошо. А этого нет. И это смертный приговор.

При том, что, подчеркиваю, Европу никоим образом нельзя скидывать со счетов, она сильна, она еще будет двигаться. Но в метафизическом, а потом и политическом смысле это для нее смертный приговор. Эти люди ничего не могут. Они будут хорошо двигаться по инерции. По инерции они зайдут в тупик, а дальше из тупика они не выйдут, потому что они не изменятся. У них нет «изменялки» – этой способности кипеть, тянуться, рваться к чему-то сложному, нетривиальному, необычному, несущему в себе если не последнюю и главную весть, то хотя бы надежду на подобную весть.

А здесь этого очень много. Я постоянно убеждаюсь в этом, выходя перед спектаклями разговаривать со зрителями и оставаясь после спектаклей для того, чтобы говорить с ними много-много часов.

Не должно быть в обществе, хорошо прокатанном с помощью всех этих катков, о которых я говорил, такого коли-

чества так тянущихся к сложному людей. В основном, между прочим, молодых.

На днях состоялся очень трогательный диалог между Сванидзе и Каспаровым. Каспаров заявил, что, если бы на съемочной площадке программы «Исторический процесс» с Кургиняном дебатировал не Сванидзе, а кто-то другой – Навальный, например, – цифры голосования могли бы резко поменяться... На что Сванидзе ответил примерно следующее: «Ну, так возьми и выйди сам на площадку, начни драться – о-го-го что будет!.. А я посмотрю».

Тут есть одна недоговоренность. Одна маленькая неправда, которая фактически и обнаруживает суть ситуации. Неправда, что Навальный или кто-нибудь еще победили в русском интернете. Русский интернет не принадлежит Навальному. Не знаю, может быть, огромная часть этого интернета заполонена любителями порнографии или западных клипов. Я не знаю. Но тогда это и не Навальный, да? Это что-то совсем другое.

А вот тот русский политический интернет, который становится сейчас ключевым во всем происходящем, Навальному не принадлежит. Он принадлежит чему-то совсем другому, потому что Навальный – это очень хорошо сделанный экземпляр. Там все правильно. Там все по закону. Там все по Шарпу. Там все детали пригнаны друг к другу. И не надо недооценивать возможности подобного рода «изделий».

Но это не русское изделие. Потому что в нем нет ни широты, ни готовности к чему-то не прагматическому, не приземленному, не пошлomu, не элементарному. Всего этого нет. Все это такой политический бихевиоризм: стимул – реакция, стимул – реакция. Точка здесь – точка там. Алгоритм такой, алгоритм другой...

Это должно было стать мейнстримом русского интернета: мальчиков, сидящих за компьютерами, офисных менеджеров... Но не стало. Не стало, и всё!

Даже эти зализанные, зашлифованные мальчики, которых каждый день штампует индустрия офисов, выходя за рамки своего рабочего дня, лезут и ищут что-то сложное, необычное, нетривиальное.

И их много. Их чертовски много. Их потрясающе много. Их ненормально много!

Я много раз говорил, что нет никаких проблем выехать со спектаклем «Изнь» на фестиваль в Эдинбург, или в Авиньон, или куда-нибудь еще. Но я знаю, что там будет происходить. Даже если не будет языкового барьера – ну, посмотрят, похлопают, останется 15 критиков, зададут вежливо десять вопросов (а уж если двадцать, так просто надо быть счастливым), через 30 минут разойдутся. И все кончится. Выйдут какие-то статьи про спектакль, лучше или хуже написанные.

Но чтобы стояли до утра и спрашивали про апокатастасис или нисхождение Святого Духа, а также о втором законе термодинамики или о превращении материи... Вот так ни в каком Мюнхене, ни в каком Эдинбурге, ни в каком Авиньоне не будет.

Не знаю, может, в Латинской Америке что-то такое и кипит... Но не в Европе. Ни в Норвегии, ни в Испании, ни в Италии, ни во Франции, ни в Германии, ни в Польше этого уже нет. А здесь есть.

И возникает основной и самый тяжелый вопрос: это может превратиться в спасение? На это можно опереться? На это может быть сделана окончательная и последняя ставка? Вот на это клубящееся, ищущее, мечущееся, возможно, недостаточно хорошо в чем-то разбирающееся, огромное, уже достаточно накаленное облако, – на него можно каким-то способом опереться с тем, чтобы действительно, оттолкнувшись, изменить направление и двигаться уже не вниз, а наверх? Можно или нельзя?

Либо оно так и будет клубиться, метаться, страдать, искать, влюбляться, разочаровываться. Либо оно перейдет в абсолютно другой режим жизни и действия. Потому что в нынешнем режиме, и все мы это понимаем, оно есть лишь предпосылка чего-то нового, лишь некая социальная, а может быть, и метафизическая весть, но оно не есть готовый и решающий фактор.

Все повторится. Опять мальчики Достоевского. Опять Алеша Карамазов, говорящий про брата Ивана, что он такой

человек, что для него жить или умереть не важно, а важно мысль разрешить. Опять поиск повестки дня. Казалось, этого уже не будет никогда. А это началось. И началось совсем недавно...

Во что это теперь превратится? Сможет ли это замкнуться на себя огромные и гораздо более тривиальные, но жгучие и праведные энергии или же оно останется вещью в себе? Сумеет оно каким-то способом трансформировать свою собственную структуру или же оно так и останется в этом аморфно-бесструктурном состоянии? Возникнет оно как вещь «в себе и для себя», как социальная макрогруппа, которая существует только для себя самой или же оно услышит зов, волю и повеление Истории?

Вот единственный сегодняшний русский политический вопрос. Других вопросов не существует.

Обсуждаем ли мы метафизику, онтологию, антропологию, экономику или что-либо еще, взмываем ли мы мыслью в высь поднебесную или анализируем злобу дня – что бы мы ни делали, мы все время думаем об этом. И мы все время фиксируем как надежду, так и проблему.

Эта субстанция содержит в себе надежду, но не как факт, а как потенцию. Как раскрыть потенцию этой субстанции? Как побудить ее к самотрансценденции, к выходу из нынешнего клубящегося, мятущегося состояния, в котором она находится, к состоянию лазерного луча, способного прожигать броню любой толщины? Можно ли это сделать?

Да, это почти невозможно сделать. Но ничего другого сделать уже нельзя. Нет ни одного фактора в российской жизни, который сулит надежду, кроме этого. Ни одного другого. Все идет колом вниз. Уже идет. Поскольку мировые процессы резко обостряются, то на фоне ускорения самих мировых процессов происходит как бы мультипликация этих мировых процессов и наших негативных тенденций, они друг друга подхлестывают... Времени немного. При несколько другом ходе политического процесса могло бы оказаться, что его вообще нет. Но вроде бы процесс постепенно (я подчеркиваю – вроде бы) поворачивается в направлении, когда, может быть, нам отведено сколько-нибудь времени... Ну и что?

Как я говорил много раз, это отведенное время либо будет использовано, либо оно-то и станет фактором добывания страны. Потому что если его не использовать по-настоящему, то оно распространит гной до каждой микрочастицы нынешней социальной ткани, до каждого атома духа. Все сгниет в этом тянущемся, тягостном, медленно ползущем вниз безвременье.

Итак, весь вопрос в том, что этой субстанции отведено какое-то время и неизвестно, как она им воспользуется. Все, что я могу и должен делать, это помочь воспользоваться тем небольшим временем, которое отведено. Всё. Это единственная задача. И только ради решения этой задачи можно говорить о темной энергии, о темной материи, о «Black Spring» – Черной Весне... Есть Красная Весна и есть Черная, есть восходящий принцип развития в мире, который по-итальянски называют «Rossa Primavera» – Красная Весна, и есть нисходящее слагаемое, которое называется «Black Spring» – Черная Весна.

Обо всем об этом и о многом другом можно говорить только потому, что есть эта клубящаяся субстанция и ей что-то нужно. И ей должно быть предоставлено все, что ей нужно, но именно для того, чтобы она каким-то особым усилием сумела преобразовать себя из нынешнего состояния, скажем так, из состояния X, в некое совершенно другое состояние Y.

Как это делается? Существуют ли примеры такого преобразования? И о чем в принципе идет речь?

Речь, конечно же, идет о том, чтобы в каждой отдельной частице этой субстанции, в каждой мятущейся, не потерявшей душу, понимающей, что она вот-вот может оказаться потерянной, живой человеческой личности произошла трансформация, суть которой в следующем...

Должна возникнуть другая организация ума, чувства и воли. Последнее, возможно, важнее всего. Ум, организованный так, как он организован сейчас, чувство, организованное так, как оно организовано сейчас, и воля, организованная так, как она организована сейчас, не могут обеспечить спасение. А речь идет именно о спасении. И об этом я хотел бы говорить чуть позже.

Но если это небезнадежное состояние ума, чувства и воли будет преобразовано таким способом, что возникнет даже не новая энергетика, а новая степень организованности, вот тогда (если эта организованность окажется когерентной, созвучной той организованности, которая происходит в соседнем индивидууме) все это вместе действительно гарантирует, что эта субстанция получит новое качество. И что призрачная надежда может стать реальным фактором, и мы действительно сумеем выйти из руслу нисходящих процессов, из этого пике, в котором неизбежно падение и разбивание на мельчайшие осколки, которые потом уже никогда не соберешь. И можно будет, если эта субстанция действительно приобретет новое качество, опереться на нее так, чтобы выйти из пике. Чтобы машина нашего общества, государства, народа из него вышла. И дальше, потянув сильно штурвал на себя, из последних сил, мы можем обеспечить некоторый взлет и тем самым спасти и самих себя, и, возможно, человечество, историю, гуманизм – очень и очень многое.

С чем это можно сравнить?

Есть так называемые «ячейки Бенара». Есть некий слой, который должен пропустить через себя определенное количество тепловой энергии. Пока это количество энергии носит нормальный характер, внутри слоя ничего не происходит – он просто больше или меньше закипает, быстрее движутся отдельные частицы. Он продолжает действовать как некая термодинамическая система.

Но если системе, каковой является этот слой, начиненный подобного рода движущимися частицами, дать не обычное задание, а запредельное задание и дать его правильным образом, то внутри слоя возникнут определенные ячейки – такие шестигранники или цилиндрики. Место хаотической передачи энергии займут другие способы, которые возникнут потому, что образуются эти самые «ячейки Бенара». В принципе, эти ячейки всегда изучали в синергетике, в теории нелинейных систем, потому что видели в них некий символ того, что запредельное задание, даваемое системе, которую побуждают к выполнению этого задания правильным образом, приводит к

тому, что внутри системы начинается структурообразование. Система перестраивает себя под выполнение задания. Даже неживая система. И, тем более, живая.

Можно постоянно требовать от чувства, ума и воли, чтобы нечто было выполнено. И ум будет сходить с ума, чувство пережигаться, а воля ломаться, потому что окажется, что ты требуешь невозможного.

Можно отказаться от подобных требований и согласиться на то, что ум, воля и чувство таковы, каковы они есть, и нужно по одежке протягивать ножки. И тогда все закиснет, затянется ряской и постепенно превратится в ничто. Расползется.

Но можно правильно и очень аккуратно давать самому себе запредельные задания. Если их давать неправильно и неаккуратно, то произойдет слом. Но если это делать правильно, аккуратно, последовательно и тем способом, который уже понятен на основе огромного количества экспериментов, осуществленных в данной сфере, если это делать правильно, культурно, осторожно и настойчиво, то внутри ума, чувства и воли возникнут эти самые условные (беру в кавычки) «ячейки Бенара».

Это будет уже другой ум, другая воля, другое чувство. И дальше возникнет вопрос об этой самой когерентности: куда это будет направлено, в какую сторону, какие именно свершения это, став новым, сможет осуществить?

Ставка может быть сделана только на это. Это не политическая ставка в строгом смысле слова. Но в том-то и фишка, в том-то и заковыка, что все политические ставки приводят к проигрышу политической игры, а неполитические ставки, сделанные правильно, дают единственный шанс на возможность политическую игру выиграть.

Исходя из этого, я считаю, что сегодня Сверхмодерн имеет шанс быть реализованным. Сверхмодерном я называю общество, превратившее новую, целостную, разумную, страстную и волевою науку в культуруобразующий фактор, то есть в определенную – не отрицающую религию – метарелигию, парарелигию (наверное, «пара-» тут наиболее точное слово). Если вместо религии возникает подобная новая наука и если

она проявляет культуротворческий, мощный потенциал, то формируется абсолютно новое общество – Сверхмодерн. Наука, ставшая парарелигией, преобразовавшая самое себя, вышедшая за так называемую гносеологическую рамку и при этом не переставшая быть наукой, отрицающая миф и вместе с тем внимательно всматривающаяся в него, как в свое великое прошлое, – вот такая наука может стать культуротворческой. А став ею, она может создать новое общество вокруг себя. Она может стать ядром этого общества.

Мне кажется, что определенные основания для такого преобразования науки сегодня существуют.

Наука подошла к очень опасному барьеру. Либо она берет этот барьер и переходит в другое качество, либо она одна может стать фактором уничтожения человечества.

Она непрерывно дифференцируется.

Совершенно непонятно, где она будет интегрироваться.

Невозможно иметь десять миллионов дисциплин, которые не стягиваются ни в какой единый системообразующий фокус.

Она напоминает сейчас такую оторвавшуюся, сорвавшуюся с цепи пушку на корабле в бурю. Я помню, меня с детства привлекал этот образ в произведении Гюго «1793 год». Вот такая наука мечется, как эта пушка по кораблю, сметая все. Она сама стала не спасением, а гибелью. Никто не может остановить ее неконтролируемый экстенсивный рост.

Она перестала отвечать на суперфундаментальные вопросы и бесконечно отвечает на вопросы частные. Причем сама уже научилась порождать все новые и новые вопросы или запросы, посильные для себя, те, на которые она может ответить. Но количество ответов не переходит в качество.

Наука стремительно дегуманизируется. И в этом смысле она вполне может стать и смертью человечества.

Но если она возьмет барьер и перейдет в новое качество, то она действительно может сформировать новый мегаисторический проект. И я убежден, что если где-то что-то подобное произойдет, то местом, где это произойдет, будет современная Россия. А средой, в которой это произойдет, будет вот эта

мятущаяся, нагретая, растерянная и одновременно ищущая субстанция. Вот на эту почву должны упасть зерна с тем, чтобы здесь взросло нечто реально новое.

Сверхмодерн, конечно же, будет ориентироваться на новую картину мира. И одновременно с этим, он будет ориентироваться на новый источник культурогенеза. Потому что любой великий проект велик не в силу того, что он тем или иным образом отвечает на некоторые прагматические вопросы человечества. Да, он должен дать на них новые ответы. Он обязательно должен их дать.

Но проект велик в силу того, что он создает новую фазу культурогенеза. Он порождает новую великую культуру.

В самом слове «культура» есть часть «культ», и до сих пор именно классические культы порождали великие культуры. Культура, в которой мы живем, безусловно, христианская. Западная культура христианская. У нее есть языческие корни, она апеллирует к античности и так далее и тому подобное. Она шире классического христианства, но она культ-ура, она не культ.

Человек, живущий в христианской культуре, вполне может быть при этом абсолютно светским. Просто он все равно использует определенный банк образов, символов. Его речь построена определенным образом. Соответствующим образом построено его мышление и его эмоционально-волевая сфера.

Этот проект остывает. Модерн решил, что он может отодвинуть на глубокую периферию культовое ядро, оставив культуру, которая-де, мол, не остынет, даже если ее освободить от культа. Ибо слишком много светских людей, а эти люди уже в культ не верят, и сделать культ осью уже невозможно. Ну, отодвинем это в сторону, отделим церковь от государства, скажем, что это частное дело каждого гражданина, а культура будет жить, и мы в ней будем жить...

Фигушки!

XIX век она кое-как прожила, уже терзаемая всеми муками романтизма, отрицающим такую жизнь по известному принципу: «Слушай, дорогой, кому такая жизнь нужна?! Возьми, пожалуйста...»

Потом она ответила на собственное остывание судорогой декаданса, гримасами фашизма. И только в коммунизме она получила какой-то ответ.

Меня все время спрашивают о том, какие есть основания для того, чтобы всю эту, пока что еще очень зыбкую концепцию темной материи и темной энергии положить в основу новой картины мира.

Во-первых, я хочу сказать, что это делаю не я. И вообще в этом смысле очень не хотелось бы делать мне самому что-то с нуля и любоваться своими собственными построениями. Это не мои построения – это уже происходит.

Во-вторых, во всем этом происходящем есть один опять-таки феномен, который в своей целостности показывает больше, чем любые абстракции и любые математические уравнения.

Ведь на чем, по сути, рухнула оптимистическая либеральная теология, согласно которой зло есть необходимость, созданная благим началом ради того, чтобы позволить человеку уклоняться от добра, а значит, и проявлять свободу воли как высшее благо? На чем это все вдруг начало скукоживаться?

Не на новых явлениях в психологии, социологии и культурологии, не на новых данных физики, биологии и всего прочего. А на Второй мировой войне.

Вдруг оказалось, что это начало, построенное на отрицании подобного теологического принципа, апеллирующее к гностическому принципу, к Танатосу, к тому, что называется волей к смерти, как-то унижительно, поразительно легко сметает все либеральное, все, проникнутое этой самой теологической идеей.

Апофеозом стало наступление гитлеровцев на Францию. Французы не сражались. Что бы потом они ни говорили про себя, они просто не сражались. Я обсуждал это в серии телевизионных передач, в том числе в передаче, посвященной началу Великой Отечественной войны, где говорили, что вначале мы очень плохо воевали. А я все спрашивал: «А кто хорошо воевал?»

Война – это такая странная штука, которая не подчиняется букварю или инструкциям. Там, как мы знаем из романов

Льва Толстого и очень многих исторических сочинений, все зачастую настолько хаотично, настолько построено на бардаке, на каких-то неожиданно принимаемых решениях, что нет формально-логических критериев: вот это хорошо, а вот это плохо. Там все следует поверять опытом. Если мы воевали с немцами плохо, значит, нужно указать, кто с ними воевал хорошо.

Наши войска уже с первых дней войны начали переходить к контратакам. Французы, если мне не изменяет память, системно не переходили в контратаки. Немцы входили во французскую оборону как нож в масло.

Здесь же концепция блицкрига была сорвана уже в первые три-четыре месяца. Уже к ноябрю стало ясно, что, конечно, взятие Москвы – это ужасная вещь, но оно не решит ничего, ибо уже вся немецкая машина захлебнулась. Нет сил. Нет экономики. Нет ресурса для того, чтобы дальше крутить машину, потому что все силы были рассчитаны на короткую дистанцию. Если не удалось добежать до финиша за такое-то время, то потом дышалка сорвана, и уже ничего дальше сделать нельзя.

Гностики, они же фашисты, сражались великолепно. Сражались после этого еще четыре года, но сломали их довольно быстро. При том, что они воевали блестяще, виртуозно. Но их сломали.

Они наткнулись здесь на что-то другое...

А во всем остальном мире они, повторяю, входили как нож в масло. Были малые народы, которые вели себя героически: югославы, отчасти греки... (За это, по-моему, их сейчас и наказывают задним числом. В этом смысл происходящего в XXI столетии... И это очень много говорит о субъекте, который ведет игру...). Но, как бы там ни было, они лишь нечто демонстрировали фактом своего героизма, но и не более.

Здесь же машина была остановлена. И остановлена она была проклинаяемым нашими либералами коммунизмом. Одна метафизическая и организационная машина наткнулась на другую, может быть, не выявившую себя до конца, но достаточно уже вобравшую в себя как метафизической, так и

организационной (тектологической, как сказал бы Богданов) энергии, чтобы вот так вот кость в кость столкнуться. И этот исторический факт говорит о кризисе либеральной теологии гораздо больше, чем любые наши физические, биологические, психологические, социологические реминисценции. Они очень важны – теория превращенных форм, Танатос у Фрейда или темная энергия в физике. Но вот этот исторический факт безумно важен, потому что в нем есть своя физика, своя социальная теория, своя психология, своя антропология. В нем есть все. Этот факт тотален, как тотален всякий настоящий феномен, объединяющий в себе единичное, особенное и всеобщее.

Факт великой войны объединил в себе все. И не надо его препарировать, не надо искать в нем идеальное и скверное. Он, во всей своей абсолютности и тотальности, вдруг показал нечто.

Те – белые, либеральные – не могут. А эти – красные, проклинаемые – могут. И никто, кроме них, не может. И тому есть какие-то совсем особые, очень важные основания.

Итак, в основе Сверхмодерна, безусловно, должна лежать новая наука с ее мощной способностью к культурогенезу. Если культурогенез будет недостаточно мощным, мы ничего не создадим.

Красная метафизика как альтернатива черной метафизике.

Картина мира, в которой эта красная и черная метафизика легитимированы новым физическим, психологическим, социальным и другим опытом.

Вот это – все вместе – и есть Сверхмодерн.

Вот это – все вместе – и должно быть адресовано клубящемуся, раскаленному, мятущемуся облаку русской молодой энергии, возникшей вопреки всему, что делалось в течение 20 лет, этому облаку, которое так легко сейчас еще уничтожить... И которое надо быстро преобразовывать во что-то другое, это облако, являющееся социальным, а возможно, и не только социальным чудом и некоей вестью для человечества. Да, плохо оформленной... Да, зыбкой... Да, недостаточной...

Но, извините, «других писателей у меня для вас нэт». Других «облаков» у меня для вас «нэт»... Есть то, что есть.

Как же позиционировать это «облако» в современной жизни?

Вот есть оно, это «облако», и есть жизнь, которую я в спектакле своем называю «Изнь»... Как их соотносить? Как должно «облако» относиться к «изни»? При том, что отношение «изни» к «облаку» понятно: она его а) отрицает и б) хочет пожрать. Что из этого должно извлечь «облако»?

Оно должно понять, что «изнь», в которую оно, «облако», до сих пор еще погружено или от которой в не достаточной степени отделено... А как можно отделиться от «изни», которая сегодня есть наше всё?... Так же и было сделано, потому-то и считалось, что никакие «облака» не возникнут – потому что «изнь» такова!.. Это мир, в котором нельзя быть добрым, запрещено быть добрым, доброта наказуема... Я могу привести этому тысячи примеров... Но даже сама теория этого мира – «зло должно двигать нас к благу, зло есть источник развития» – уже говорит о том, что нельзя быть добрым... «Правильное поведение – это поведение алчное, агрессивное... Да, оно осуждается всякой, понимаете ли, этикой, но оно эффективно». И есть какие-то источники легитимации всего этого.

«Вы богоизбранные, поэтому можете себе это позволить!» Это называется протестантская этика. Это мир, в котором нельзя сострадать. Более того, сострадать вредно. Можно осуществлять некую благотворительность. Но и это, с точки зрения классической теории, просто вредно.

Создатели Модерна очень много спорили... Романтическая часть этих создателей говорила: «А нам жалко, и мы хотим, чтобы наше сердце утонуло в этой жалости». А другие говорили: «Ваше сердце должно пойти вон, потому что, с точки зрения разума, ТАК и должно быть».

Приехав впервые в Англию (еще совсем другую, чем нынешняя, которая не вызывает ничего, кроме ужаса, а та еще что-то несла в себе из великого английского прошлого), я увидел нищих, которые лежали на Трафальгар-сквер, на

Пикадилли рядом с какими-нибудь несчастными собаками или просто закутавшись в одеяла... Я понимал, что это вовсе не 10% безработных, которые сейчас умрут с голоду, что это специфические люди. Меня интересовало, почему эти люди вот так лежат... Вроде бы благополучное общество не находит способов их как-то пристроить. Ведь, в конце концов, это же общество когда-то имело ночлежные дома...

Наконец, я понял, что это общество хочет, чтобы они вот так лежали на мостовых.

Я не хочу данный факт раздувать в феномен. Это, возможно, связано с какими-то очень мелкими культурными прибабахами, а вовсе не с чудовищной жестокостью английского общества.

Но, если посмотреть на это под определенным углом зрения, чем, помимо всего остального, это вполне можно объяснить? Есть такая особенность: «Вот ты лежишь, тебе плохо, ты грязный. А я иду мимо тебя, я чистый... И мне хорошо, что я тебя вижу... Ты мне не только не портишь настроение – ты мне его улучшаешь. Ты мне доказываешь справедливость и праведность мира тем, что ты так лежишь».

И вот от этой маленькой штучки, которую, повторяю, можно объяснять самыми разными способами, от маленькой, но приковавшей тогда мое внимание к себе штучки всего шаг до темы апокатастасиса.⁹ Почему вдруг сегодня господин Кураев так громит апокатастасис¹⁰, то есть идею того, что отверженных не должно быть?.. Несмотря на то, что ее разделяли такие великие авторитеты церкви, как Григорий Нисский... Потому это надо громить, чтобы не осталось ничего социалистического, ничего коммунистического внутри религии. Ад – это хорошо, это правильно. И после конца света он останется.

⁹ Греч. ἀποκατάστασις (восстановление, возвращение, завершение) – в христианстве наименование учения о всеобщем спасении (букв. – восстановление) грешников (людей и даже демонов), не принятого Церковью. Это наименование появилось в результате смешения понятий ἀποκατάστασις («восстановление») и ἀποκατάστασις τῶν πάντων («восстановление всего»), с последним и соотносится учение о всеобщем спасении. // Православная энциклопедия. <http://www.pravenc.ru/text/75604.html>

¹⁰ <http://www.youtube.com/watch?v=6yqwp1liCgM>

И тогда еще и еще раз по-другому вслушиваешься в дантовские строчки:

*Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.*

*Был правдою мой зодчий вдохновлен:
Я высшей силой, полнотой всезнанья
И первою любовью сотворен.*

*Древней меня лишь вечные созданья,
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упования.*

Это очень специальная картина ада.

Люди должны понять, что их... не знаю, как папы и мамы, но дедушки и бабушки или прадедушки и прабабушки хотели построить рай на земле, и ничего плохого в этом нет. А в наказание за это дерзновенное желание здесь строят ад. И строят его на определенных основаниях, взятых из классической доктрины Модерна и освобожденных от всего, что в Модерне было идеального. Прежде всего, от развития, от восхождения.

Итак, это мир, в котором нельзя быть добрым.

Это мир, в котором нельзя сострадать.

Это мир, в котором нельзя быть вместе с другими.

У меня есть очень интересный знакомый с либеральными убеждениями, который внимательно следит за дискуссией по поводу советского. И настаивает, что советское надо обязательно реабилитировать, очень нужно, чтобы оно было реабилитировано. Я спрашиваю: «А почему?»

«Понимаете, – отвечает он, – должна быть какая-то историческая территория, смысловая территория, на которой не стыдно, не позорно говорить всерьез об общественном благе. Потому что на той территории, где мы сейчас живем, – смысловой, идеологической, культурной – стыдно и даже позорно

всерьез говорить об общественном благе».

Итак, это мир, в котором стыдно и даже позорно говорить всерьез об общественном благе.

Это мир разделенный, в котором нельзя быть вместе с другими. И так он построен был еще с Модерна, восхищенного возможностью дробить, дробить и дробить традиционное общество, в котором есть связи с другими.

Это мир, в котором, по большому счету, уже не остается места дружбе и солидарности.

Это мир, в котором любовь крайне проблематична именно как любовь, то есть как что-то, имеющее корни на небе. «Не возлюбил бы так тебя, не возлюби я честь превыше».

Корни в том, что превыше. Любовь низведена к привязанности, к влечению, но она уже не есть в этом смысле любовь.

Это мир без восхождения. Потому что в Модерне-то восхождение есть. Оно остается. Модерн тянется к прогрессу и гуманизму... Здесь же это все убрано. Наша территория – это территория, на которой глумление по поводу гуманизма стало нормой. А что касается прогресса, то мы видим, что с ним происходит. Даже эта линейная и ущербная форма восхождения и то отменена. Значит, это мир без восхождения, который резко превращается естественным путем в мир нисхождения.

И это мир, где, в конечном счете, прославляется порок.

Все это мир, в котором данной субстанции придется жить. Но по отношению к такой жизни вполне справедливо воспользоваться, как управляющей метафорой, религиозным словом «спасение».

Тут не сосуществовать нужно. Тут можно только спастись. Я снова подчеркиваю, что я использую это слово не в классическом религиозном смысле. А именно в том смысле, в каком оно может быть адресовано и светским, и религиозным людям с одинаковой силой.

Речь действительно идет о спасении. Что это такое и какова вытекающая из этого самая сермяжная, самая сиюминутная социальная практика – об этом мы поговорим в следующем выпуске.

18 октября 2011 года

Выпуск №37

В музыке, в драматургии – везде финал это нечто особенное. То есть все, что в пределах произведения осуществляется, разворачивается во времени, наконец, должно собраться в какую-то одну точку с тем, чтобы было понятно, для чего обсуждалось то, что обсуждалось.

Повторяю, это касается чего угодно. Это общая теория композиции. И цикл телевизионных передач имеет те же закономерности, которые имеет любая другая форма: музыкальная, художественная, литературная и так далее.

Итак, нам вполне уже пора обсудить, а, собственно говоря, зачем нужны все эти рассуждения, что они собой знаменуют, к чему на практике обязывают, какой имеют смысл за рамками того, что можно назвать изложением совокупности некоторых мыслей человека, обладающего своими представлениями о происходящем.

Давайте в связи с этим посмотрим, с чего все началось. И, может быть, тогда станет яснее, чем все должно завершиться к финалу цикла передач «Суть времени».

На протяжении долгого времени я достаточно последовательно излагал некую совокупность идей. При этом все излагаемые мною идеи всегда, и это легко проследить, содержали в себе и высокоабстрактные уровни, и уровни совсем практические (что именно означает то или иное событие,

взорвавшее нашу общественную жизнь). Были также уровни промежуточные. И вот так вот эта сложность нарастала.

И всегда наличие некоторых высших уровней сложности вызывало раздражение у нормальной патриотической публики.

«Вот здесь есть и так для нас достаточно сложные, но все-таки относительно простые вещи, и вот Сергей Кургинян что-то нам по этому поводу рассказывает, делится какими-то своими дельными соображениями... Ну, и слава богу. Ура! Ругает тех, кто нам не нравится, хвалит тех, кто нам нравится, все нормально. И этого вполне достаточно.

А зачем дальше громоздить всю эту вертикаль смыслов, нам неясно. Начиная с какого-то уровня, мы перестаем это понимать, а далее возникает следующий уровень, на котором нам начинает казаться, что это все более чем сомнительно... Ну, а если он на какие-нибудь совсем высокие уровни поднимается, то, в лучшем случае, нужно сквозь зубы сказать, что это какое-то масонство, а в худшем – чего-нибудь почище. А лучше бы всего этого вообще не было...

Сергей Ервандович, зачем Вы в практической политике занимаетесь всем этим усложнением? Не надо, отбросьте все это. И, наоборот, развейте это вниз, до каких-нибудь лозунгов, программ, вещей, понятных широким народным массам. Вот есть же люди, которые говорят на более простом языке: вот этот товарищ, и этот товарищ, и этот. Как же они все просто, ясно говорят! А Вы все усложняете» (рис. 4).

Я к этому относился совершенно спокойно, потому что все эти годы (я имею в виду последнее двадцатилетие, а даже, может, и четверть века) мне было совершенно неважно, какое место я занимаю в процессе. Мне важно было сыграть в нем какую-нибудь полезную роль, большую или маленькую, чтобы в целом этот процесс к чему-нибудь привел и хотя бы самое губительное было преодолено, страна могла бы существовать, а я занял бы в ней какое-то место. Например, место усложненного театрального режиссера. Ведь, в конце концов, я защитился по математике, у меня была возможность очень быстро защищать докторскую и так далее, а я отказался от

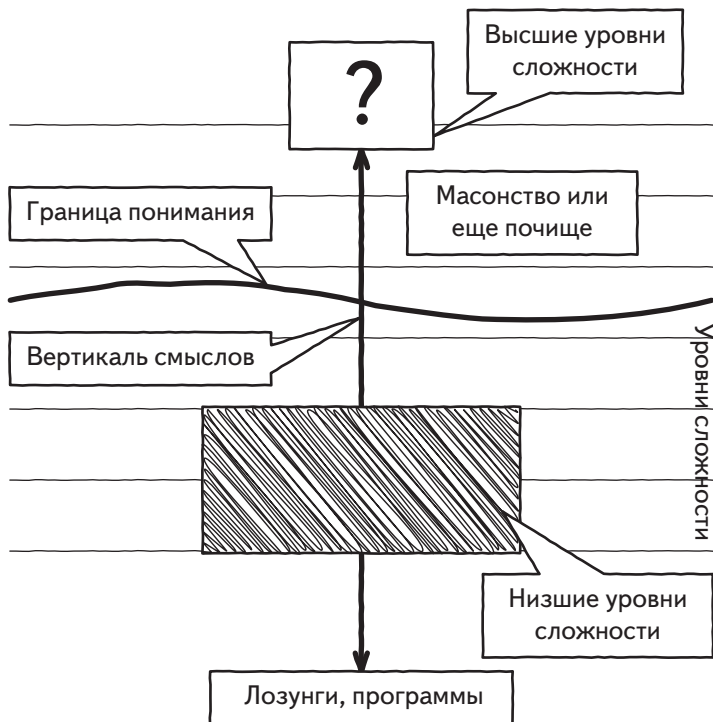

Рис. 4

научной карьеры для того, чтобы стать театральным режиссером. И я им стал, и счастлив этим. Даже если я буду только спектакли ставить – ну, и слава богу.

А все остальные за счет своей простоты, за счет большей ясности и убедительности сделают общее дело, и процессы войдут в нормальное русло, и будет у меня то, что мне единственно нужно от политики, – страна. Страна, в которой можно ставить спектакли, в которой есть публика, взыскующая сложного, и так далее. А я займу место в некоей клеточке здоровой системы, в которой можно будет жить, наслаждаться творчеством и передавать эстафету следующим поколениям. Все.

Что произошло дальше? Ну, скажите мне все, кто взыскует сейчас простоты, что произошло дальше? Где они, эти простые? Как говорила леди Макбет, «у тана Файфского была жена; где она теперь?» Где они с их простотой, с их политичностью, с их пониманием того, что не надо возноситься в высь поднебесную?.. С их знанием практических законов политики... С их пониманием того, как надо вести политические дела... Где они? Их нет. То есть не в смысле, что они занимают не то место, которое им хотелось бы занимать. Их вообще нет! Но и не это главное.

А главное то, что пока на процесс, который шел, оказывались все эти простые, понятные, политичные воздействия, процессу это было как мертвому припарки. Он шел в своем направлении. Его, прошу прощения, облаивали по-простому, по-политичному, так убедительно, и внятно, и доходчиво для народных масс, а он шел! По принципу «Слон и Моська».

Ведь это так, правда? Если бы это было не так, то и не было бы ничего: ни наших разговоров, ни ситуации, в которой приходится эти разговоры вести. А была бы у нас тишь, да гладь, да божья благодать. Или не очень благополучное, но все же приемлемое, совместимое с жизнью страны развитие. И все бы занимались своим делом. Разве не так?

Значит, что-то же произошло, в результате чего люди, которые действовали по правилам, были грамотными, хорошими политиками, писали правильные, разумные документы, разговаривали на популярном, доходчивом языке, оказались черти где (а если они были более или менее порядочными, то и вообще нигде), а мы с вами беседуем... Но ведь это так! Вот и вдумайтесь, что это означает.

Люди, которые сейчас говорят: «Ну, зачем нужно и такое усложнение, и другое? Какое это все имеет отношение к политике?», вдумайтесь! Ведь среди вас есть те, кто эту политику уже осуществлял простыми методами, а потом ужаснулся, что эта политика ведет не туда... Решили действовать простыми методами и помогать таким же простым, понятным, политичным парням, а кончилось это ничем. Вообще ничем, правда же? Ну, мы же должны, если мы вменяемые, нормальные люди,

признать этот факт? Пусть с долей юмора... Все нормальные, правильные, политичные, прикладные, сообразующиеся с практикой, разумные, доходчивые политики оказались на помойке, а разговоры ведет какой-то сдвинувшийся на темной материи театральный режиссер. Вот и все.

Но ведь это почему-то так происходит... Разумные, практичные, рациональные, левополушарные и так далее граждане, занятые политикой! Вы думаете, почему это так происходит? Ведь разум же существует для того, чтобы осмысливать факты. Ну, вот перед вами факт. Или феномен. Вы его разумно, практично осмыслить хотите? Соотнести с реальностью хотите? Эту реальность понять и задать себе вопрос, почему она отторгает все, что практично, разумно, имеет прикладной смысл, построено по правильным прописям и так далее? Почему место знаменитой фразы Гегеля «все действительное разумно» занимает парадоксальная фраза «все действительное неразумно»? В чем дело? Что происходит? Что за тайна такая? Что за загадка? Пройти-то мимо нее нельзя. Тем более что мы движемся к финалу передачи, создавшей одноименный клуб.

Итак, все это мирно, мирно и относительно правильно развивалось вплоть до того, как вихри разного рода турбулентностей и случайные стечения обстоятельств не создали «Суд времени» – программу на Пятом канале федерального телевидения. Создали они эту программу, и оказалось, что на этой программе что-то произошло. А что, собственно говоря, на ней произошло? Еще один раз обществу показали, что человек, отстаивающий советские ценности, советскую правду, может побеждать тех, кто охаивает эти ценности.

А почему он может побеждать? Это что, случайные свойства личности? Это специфика текущего момента? Что произошло, кроме результатов голосования, которые, конечно, имели большое значение?

На самом деле каждый, кто внимательно смотрел «Суд времени», понимает, что в пределах этих передач личность, наделенная определенными качествами, лишь компонент произошедшего. На самом деле речь идет не только о качествах

личности, но и о том, какой метод был применен. И почему применение этого метода в определенных условиях создало такие сокрушительные результаты.

Информационный бой давала армия нового типа. Именно армия, а не отдельный человек. Я никогда бы ничего не сделал, если бы на меня не работала организация, которую я создавал на протяжении 20-ти лет. Я бы никогда ничего не сделал, если бы меня не поддержали люди, которые обладали определенным банком знаний и так далее. И я никогда бы ничего не сделал, если бы в ходе этой работы не был применен определенный метод.

Но именно этого не хотят видеть! Не хотят видеть, что определенный метод был применен и в передаче «Суд времени», и в передаче «Исторический процесс». И в этом новизна ситуации. Мы дали другой бой, чем тот, который давала классическая оппозиция, тоже ведь отстаивавшая советские ценности далеко не безуспешно (она была проста, убедительна, классична).

По существу, в передаче уже схлестнулись постмодернистские тенденции наших противников и союз Модерна и Сверхмодерна в том, что делали мы.

Передачи эти были определенной разновидностью сильно модифицированных средневековых дискуссий – в Парижском университете, в Оксфорде. В ту эпоху дискуссия не была строго рациональна и не разбивалась на аргументы, факты и прочее, а носила достаточно целостный характер. Но я не хочу проводить прямых параллелей между такими дискуссиями и тем, что происходило и продолжает происходить в телевизионных передачах. Прямых параллелей нет. Любители диалектики могут вспомнить о спирали и сказать, что на другом уровне спирали некие точки оказываются похожи друг на друга, но они совершенно разные.

Так вот, средневековые дискуссии в университетах, строившиеся по определенным правилам, для меня суть метафора, объясняющая, что происходящее не было академической дискуссией. Что ни противник не хотел стоять на академической позиции, ни мы не могли стоять на академической позиции,

по крайней мере, двумя ногами, потому что тогда противник разгромил бы нас в пух и прах.

Я помню телевизионные дискуссии, на которые выходили люди, готовые к академическому спору, и говорили: «Давайте сначала подробно рассмотрим предысторию вопроса». Им отвечали: «Спасибо, спасибо, уже хватит».

Постмодерн не может не победить классику, потому что он создан для того, чтобы уничтожить классику, или Модерн. Он построен так, чтобы ее уничтожать, он видит все ее слабые места. Поэтому именно тогда, когда был предложен другой метод, рожденный в этой нише под названием ЭТЦ и непонятный нашим противникам, когда они увидели, что применяется этот другой метод, они ошалели. Потому что они не поняли, с чем имеют дело. Они пытаются бормотать, что имеют дело со слишком ярким харизматиком, и все им верят...

Конечно, если бы я блеял и был полностью лишен интеллектуальной и прочей убедительности, то никакой метод бы не помог. Но это, как говорят математики, «необходимо, но не достаточно». Убедительностью надо обладать в отрыве от любого метода, но методом-то тоже надо обладать.

Наука не может так спорить. У нее другой стиль спора. Нельзя стоять двумя ногами на научной территории и спорить со Сванидзе. Или даже с Млечиным. Или с Пивоваровым. Это невозможно.

Конечно, нужно опираться на факты, доказательства, логику, то есть питаться из Модерна, из его классического дискурса. Но к нему нужно добавлять что-то другое...

И вот это другое, которое и называется Сверхмодерном, придает происходящему в телевизионной студии окончательную убедительность, а научную лекцию превращает в парапроповедь. Потому что новая наука может обладать способностью действовать в режиме, напоминающем в чем-то проповедь, то есть мощный, целостный тип обсуждения духовного содержания.

Что такое проповедь, если оторвать ее от классического религиозного начала и рассмотреть именно как метафору, как метод? Это целостное, духовное обсуждение нетривиального, сложного содержания.

И вот когда они с этим столкнулись (а, помимо этого, мы были вооружены также фактами и всем прочим, что применяет Модерн), оказалось, что они ничего не могут. Не потому, что они слабые пропагандисты – это лучшие либеральные пропагандисты, лучшие. И не потому, что другой ветер дует в паруса. Конечно, дует... Но напугало по-настоящему не это. И когда они начали болтать о крике, харизме, о театральной режиссуре, о чем-то еще, они прятали концы в воду.

Они боялись признать, что против них применяется новый тип информационного оружия. Мы применили этот тип оружия, конечно же, ориентируясь на определенный уровень простоты, потому что это телевидение, потому что это историческая тематика и так далее. Но, когда в пределах одного высказывания существует график, модель и стихотворение, это не наука в ее классическом понимании. Это и есть новая, целостная интеллектуальная культура, бросающая вызов Постмодерну. Не с позиций классики, а с позиций сверхклассики. С позиций возврата к некоей целостности, которой классическая наука не обладает в силу ее собственной гносеологической природы. А вот предыдущие интеллектуальные донанучные дискуссии, те самые, которые велись в Оксфорде, Кембридже, в Парижском университете и так далее в средние века, этой целостностью и силой обладали!

Именно из этой целостности родился потом юридический метод в том виде, в котором он применяется на Западе. Где действительно важно убедить, важно сочетать особую убедительность с логическими доказательствами, важно, как это все построено, важно, как это все воздействует. Это культура, шлифованная столетиями.

Итак, уже в первой телевизионной программе «Суд времени» возник вопрос о новом методе, о новых видах интеллектуального информационного оружия, применяемого в информационных войнах. Возник вопрос о том, что против людей, вооруженных мушкетами, пушками и так далее, будут воевать не люди, вооруженные томагавками и луком со стрелами, а люди, вооруженные новейшим оружием. И поэтому хотя их и мало, и сил у них недостаточно, но они могут победить.

В воздухе впервые запахло победой. Но ею запахло потому, что была некая сложность, которую можно было спроецировать на эту относительную простоту.

Не было бы этой сложности – не было бы победы. Ничего бы не было вообще. И не будет. Чем больше будут апеллировать к «двум притопам, трем прихлопам», чем больше будут все редуцировать (по-русски – низводить) до примитивных форм собственно политической деятельности, тем в более глубокой заднице окажется эта политическая деятельность. Вся целиком, со всеми, кто к этому апеллирует. И так произойдет не потому, что вообще нельзя никогда применять ничего простого, не потому, что простое никогда не бывает эффективно. А потому, что ситуация слишком сложная. Потому, что страна слишком глубоко залетела. И потому, что надо глаза-то протереть и увидеть, куда она залетела и что на самом деле произошло.

Потрудиться чуть-чуть надо – глаза протереть. И перестать общаться с манекенами, сооруженными твоим же сознанием, а увидеть реальность, понять, что в ней происходит на самом деле.

Когда передача «Суд времени» кончилась, я заявил: «Хватит! Я не буду непрерывно редуцировать, низводить сложность до некоторого простого политического объемчика, в котором можно победить только потому, что есть эта сложность, которая капает по капле, добавляя что-то в этот объемчик. Я буду саму эту сложность сейчас обсуждать в жанре антишоу».

В первой же передаче «Суть времени» я применил религиозную метафору: продажа первородства за чечевичную похлебку. Я применил религиозную метафору, адресуясь именно к той метафоричности, которая что-то берет у религии для того, чтобы создавать новую науку, восстанавливать научную целостность. Невозможно дальше существовать в ситуации такой дифференциации научных дисциплин. Невозможно. Наука сама начинает распадаться. Нужны трансдисциплинарные, мультидисциплинарные исследования. Эти дисциплины где-то как-то надо собирать. А как ты их будешь собирать?

Обычно для этого применялась философия. Потом заговорили, что это будет делать методология... По какому принципу будет осуществляться сборка? Она создаст интеллектуальный универсум, то есть у этой конструкции будет верхняя точка свода? Или все будет каким-то способом происходить по горизонтали, за счет какой-то трансметадисциплинарной мозаики? Но это же как-то должно происходить... И что будет находиться в точке свода, в этой замковой конструкции XXI века? Какой тип новой науки? За счет чего будет обеспечена целостность? За счет чего обеспечивалась целостность в мифе, понятно. А за счет чего она будет обеспечиваться на совершенно другом этапе развития человечества?

Философский фокус будет? Какой? Существует хоть одна философия без метафизики? Какая? Совсем абстрактные логические конструкции?.. Витгенштейн?.. И у того есть метафизика! У всех есть. А главное, где она, работающая философия, которая в состоянии создать вот эту замковую конструкцию? Где она вообще в мире? Ее нет.

Значит, ее надо создавать.

Значит, надо разбираться в основаниях, в сути времени.

Итак, в первой же передаче «Суть времени» я стал говорить о сложном, и только о сложном – о том, что капало из облака смыслов в передачу «Суд времени». И там же я сказал, что буду в рамках программы «Суть времени» говорить о том, о чем не могу говорить с Млечиным и Сванидзе. Я со своими должен выяснить достаточно сложные вопросы. Не для того, чтобы запереться в башню из слоновой кости, а для того, чтобы действительно добиться победы. И действительно понять, в чем причины поражения, что произошло?

Многие из тех, кто вошел в клуб «Суть времени», говорили мне один за другим: «Когда Вы сказали о первородстве и чечевичной похлебке, когда зашел разговор о сложном, когда возник вот этот метафизический дискурс, тогда-то мы и пришли. Потому что мы, наконец, кожей почувствовали, что что-то может возникнуть такое, что не до конца обречено на поражение. Оно, может быть, и сложное, и витиеватое, и куда-то там заверченное, но в нем есть что-то, что может обе-

спечить минимальные шансы на победу. А рядом все красиво, все правильно, все зализано, все гламурно, все по прописям, а шансов нет вообще. Может, все у Вас ничем кончится, а может, чем-то. А вот из другого – этого простого, понятного, правильно построенного рая – уже точно ничего не выйдет. На 100%».

Итак, мы стали двигаться именно в этом направлении и двигались в нем достаточно долго. Двигаясь в этом направлении, мы задавались разными вопросами. Но самым большим и ключевым для нас вопросом был один: почему распался Советский Союз? Почему рухнул тот проект, который отвечает нашим ценностям, нашему представлению о великом благе, нашему представлению о должном? Почему он потерпел поражение? В чем дело?

Наши противники в последнее время любят говорить, что это произошло в силу органических обстоятельств. То есть в силу того, что были нарушены незыблемые закономерности рынка, человеческой природы и так далее. Все это начало загнивать и сгнило, не обеспечивая население необходимым, не обеспечивая скрепы в обществе, и так далее и тому подобное. Это их ответ.

Давайте задумаемся, что произошло на самом деле? Еще и еще раз задумаемся. Постараемся дать себе на это внятные ответы – не простые, но предельно внятные.

У вас есть схема управления. Чем угодно: клубом «Суть времени», театром, страной, миром, заводом, симфоническим оркестром – неважно... Эта схема предполагает какую-то степень централизации, какие-то связи, какие-то посылаемые сигналы, которые должны пройти от одного звена системы в другое, должны быть приняты и переданы...

Если вы сумели перерезать провода, сумели воспрепятствовать нормальному прохождению сигнала в то место, в которое он должен пройти, что будет? «Дело в том, что эта схема управления была неэффективна», – говорят нам... Если вы разрушили схему управления, то в результате вы получите дезорганизацию и такой негативный результат, что любая примитивная схема управления покажется раем по отношению к достаточно сложной разрушенной схеме (рис. 5).

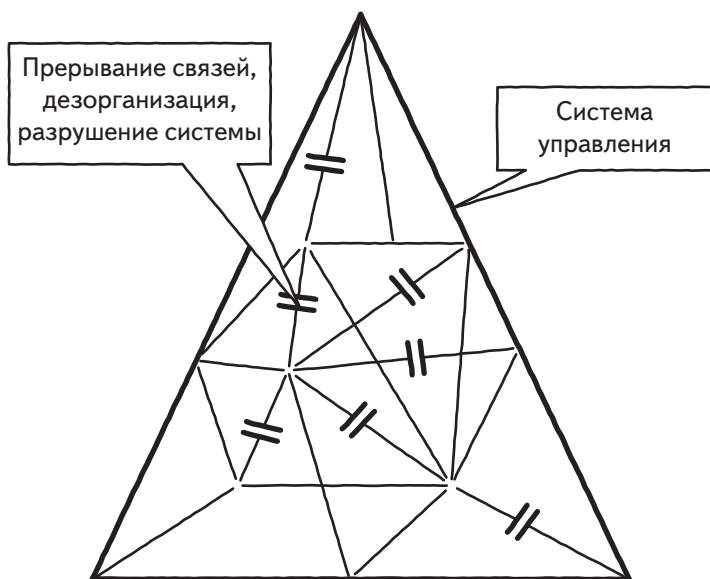

Рис. 5

Зачем обсуждать, насколько была эффективна схема, если она разрушена?

Если по отношению к схеме управления, существовавшей в советском обществе, было применено организационное оружие под названием «реформы»...

Если были разломаны все звенья...

Если элементарный финансовый сигнал из Госбанка СССР не доходил до отделений банка, потому что Банк России прерывал сигнал...

Если парад суверенитетов приводил уже к разрыву связей...

Если нарушались пропорции и отношения между какими-то старыми и новыми формами...

Если в систему, не приспособленную для этого, встраивались кооперативы и тому подобное...

В результате вся советская система управления – организационная система – оказалась полностью разрушена. А когда она, будучи разрушенной, перестала функционировать, было сказано: «Смотрите, насколько плохо работает советская система! Да она же не функционирует!»

Не функционирует система, которую разрушил Горбачев. И которую начали разрушать еще раньше...

Сталинская система прекрасно обеспечивала определенные параметры жизни. Возможно, она обеспечивала их не так хорошо, как американская система, а возможно, лучше, чем американская система. Возможно, она была заточена когда-то на нужные цели, а когда-то на ненужные цели. Возможно, у нее были издержки и так далее. Но она работала. И по отношению к работающей, правильно отлаженной системе можно задать вопрос: «Это что такое? Это телега? Это „Запорожец“? Это „Волга“? Это „Мерседес“?» И сказать: «„Мерседес“ едет быстрее и лучше, чем телега».

Но если у «Мерседеса» перебиты трубки, по которым подается горючее, разорваны электрические цепи, а телега едет, то телега лучше «Мерседеса», потому что телега хоть куда-то едет, а «Мерседес» просто стоит.

Я не хочу сказать, что сталинская советская система была «Мерседесом». Она просто была системой, которая определенным образом работала. Ее можно было улучшать, что-то можно было к ней добавлять и так далее, но она работала определенным образом на определенные цели. И тут важнее всего, на какие цели. Но, кроме всего прочего, она работала как часы.

Но, когда система работает как часы, можно сказать: «По таким-то и таким-то параметрам она работает не так... А вот это уже функциональные недостатки системы... Эта телега,

конечно, хорошая, у нее хорошо смазаны колеса, у нее правильные оси, но это все-таки телега, а не „Запорожец“».

Или: «Это „Запорожец“, но не „Волга“».

Или: «Это „Волга“, но не „Мерседес“».

И так далее.

Но раньше, чем кто-либо стал обсуждать, как эту телегу превратить в «Запорожец» или во что-то другое, начали разламывать ее оси. Но тогда вопрос уже не в том, почему так плохо едет телега, а в том, почему так плохо едет телега с разломанными осями. И стало уже трудно понять, в телеге ли вообще вопрос или в поломках.

Я-то лично считаю, что сталинская система совершенно не была телегой, по отношению к которой американская или какая-то другая система была автомобилем. Я просто ввожу эту метафору для того, чтобы объяснить, что первая причина распада СССР заключается в том, что была разрушена система управления, что под реформами и всем прочим имелась в виду дезорганизация. А дезорганизация обеспечивает то, что обеспечивает... И что в принципе эта дезорганизация осуществлялась достаточно постоянно. Вопрос, почему не защитили систему от подобной дезорганизации? Но то, что система была дезорганизована, это факт.

Итак, в любом подобного рода разрушении первый компонент – это разрушение системы управления. Если мы создаем клуб, то мы не можем позволить себе разрушать созданную систему управления, потому что в этом случае не будет никакого клуба, а будет сообщество растерянных индивидов.

То же самое в государстве, в бизнесе, в любом виде деятельности.

Организация и дезорганизация.

Значит, была осуществлена элементарная дезорганизация. А когда система оказалась дезорганизована, она действительно перестала работать. Сначала была небольшая степень дезорганизации, и она начала давать сбои. Потом больше, и, наконец, при Горбачеве дезорганизация достигла максимума. И все оказалось в состоянии тотальной дисфункции.

Но не потому, что система была плохая. Плохая была система или нет, это отдельный вопрос. Произошедшее в то время не имеет никакого отношения к системе. Хуже система снабжала людей продуктами или нет, она снабжала их по тем нормам, которые сама для себя выработала. И она как-то с этим справлялась. Сравните, между прочим, эти нормы с теми нормами, которые существовали в сытом американском обществе. Там что, было в то время два холодильника на семью и принесение обедов из ресторанов, как сейчас? Нет ведь, правда? Как мы видим по фильмам, там была весьма скромная жизнь в провинциальных городах. Я уж не буду говорить об Италии и Франции того времени.

Итак, первый элемент гибели Советского Союза – это дезорганизация, разрушение, подрыв действовавшей системы управления.

Но есть и второй компонент, гораздо более важный: смыслы.

В любой политической организации важны три человека: политический лидер, идеолог и орговик.

Если организационное начало – это один из краеугольных элементов системы, то смыслы или идеи – это другой краеугольный элемент системы.

Была осуществлена неслыханная операция по подрыву смыслов. Все, что было сделано по подрыву организационного потенциала советского общества, советской страны, ничто по сравнению с тем, что было сделано для подрыва смыслового потенциала.

Вот тут-то постмодернистский враг отработал по полной программе! И ужасно боится, что мы назовем правильное имя и скажем, что это сделал именно постмодернистский враг.

Была осуществлена атака на Идеальное вообще, были применены все изысканные методы карнавализации, которые разработали Бахтин, постструктуралисты, были применены все виды новейшего информационного оружия.

Это все было обрушено на советские смыслы. Произошла их тотальная диссоциация. Информационные и интеллектуальные вирусы были нацелены в каждую клеточку тела.

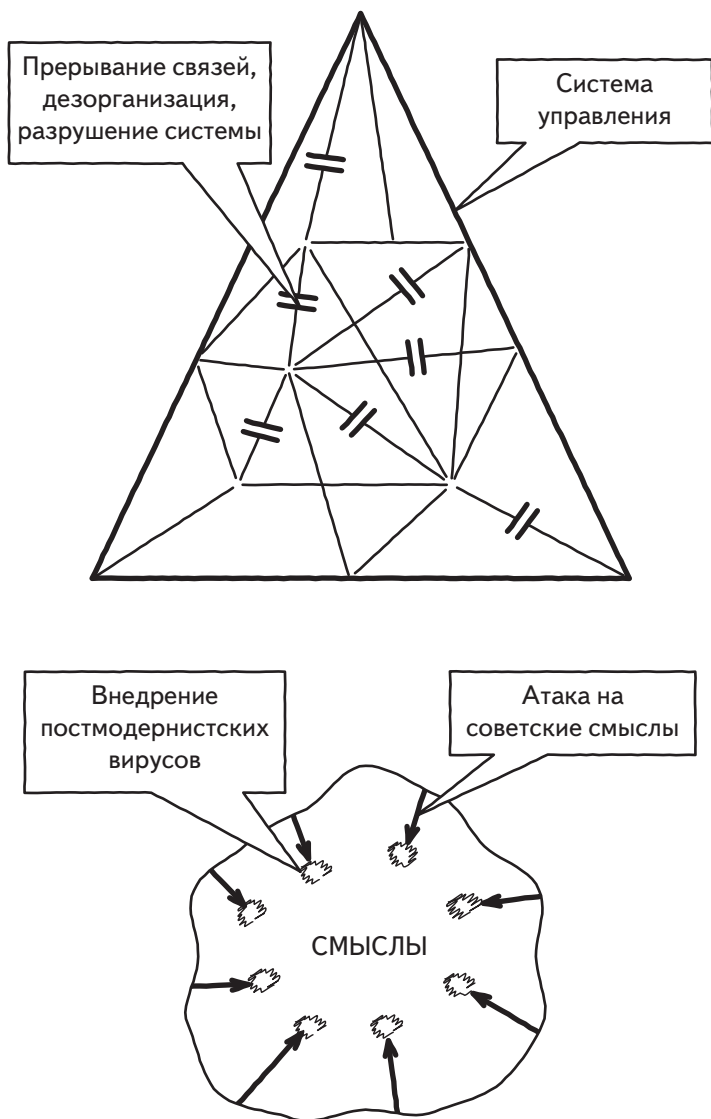

Рис. 6

И прежде всего, естественно, в историческое самосознание, ибо речь шла о советской идентичности (рис. 6).

О любви к советской стране шла речь! Если эта страна совершала какие-то неслыханные, чудовищные, ни на что не похожие злодеяния, как ее можно любить? А если ее нельзя любить – какие смыслы? Все отвратительно!

Когда смыслы рухнули, то рухнул язык коммуникаций. Очень важно понять (и очень жаль, что кто-то этого не понимает), что есть триединство: метафизика, смысл, язык.

А дальше вопрос в том, что язык есть средство коммуникаций. Если у вас нет языка, как вы построите коммуникации?

Все скажут, что есть русский язык или есть язык ненависти к либералам. Но этого же мало.

Была некая смысловая система. Она накренилась и рухнула, и разбилась на массу осколков. Вам это ничего не напоминает? Это типичный вариант Вавилонской башни, когда все вдруг лишились единого языка и заговорили на невероятном количестве языков.

И говорят на невероятном количестве языков.

И единственный честный ответ на вопрос о том, почему большинство ничего не может сделать на протяжении стольких лет, заключается в том, что возникло дикое количество языков.

Антилиберальный процесс начался уже в декабре 1992 года, когда Съезд народных депутатов не дал Гайдару стать премьером. Политический успех либерализма кончился.

Когда в ответ в октябре 1993-го был расстрелян Дом Советов, то вслед за этим на парламентских выборах победили Жириновский и Зюганов. И Карякин сказал: «Россия, ты одурела!»

С этого момента говорить о какой-то политической манкости, привлекательности либеральных идей, которые до сих пор защищают их творцы, невозможно. Но почему же тогда эти самые творцы до сих пор не только не потеряли, но даже укрепили свои позиции? Почему? Как это может быть не связано со свойствами того большинства, которое позволяет им такое?

Если бы это большинство было сильным, то оно бы такого не допустило. Значит, оно слабее, чем его противник.

Почему противник так силен? В чем его сила?

Его сила в фантастической разобщенности большинства, в его растерянности, в его поврежденности. С чем столкнулась наша страна, когда был нанесен удар по советской идеологии, по смыслам в режиме социокультурного шока, в режиме войны с Идеальным? Впервые на миллиарды долларов США была осуществлена трансформация умствований постмодернистов в классическую политическую технологию, невероятно эффективную, избавившую Соединенные Штаты от сверхдержавы-конкурента.

Вот с этого момента в мозгах наших соотечественников торчат либеральные или другие «тараканы». Их много, они там ползают. Вместо советской смысловой системы возникла мозаика.

Великая заслуга Проханова заключается в том, что он решил эту мозаику собирать. Но он собирал ее эклектически, по горизонтали, сначала создавая в своих первых работах некий атлас идеологий, затем превратив газету «День» (а позже газету «Завтра») в классический постмодернистский коллаж, где на одной странице в статье Бушина говорилось о том, что Горбачев и Ельцин дети власовцев, а на соседней странице Бондаренко называл генерала Власова великим русским патриотом, которым мы все должны восхищаться.

Это и назывался коллаж. Я не обвиняю Проханова. Я говорю, что он оказался в реальной ситуации крушения советской смысловой системы. И он эти осколки решил собирать по принципу горизонтали (рис. 7).

«Раскололась великая советская ваза?» – сказал Проханов. (Как вы понимаете, я использую и вазу, и Вавилонскую башню, как метафоры.) «О`кей. Она раскололась – мы ее склеим. Мы возьмем клей и начнем по кусочкам ее склеивать, объединять все эти осколки против либералов, против сил, которые мы ненавидим, по принципу общего врага и так далее».

Он эту работу сделал. Не сделал бы он ее, ситуация была бы еще на порядок хуже.

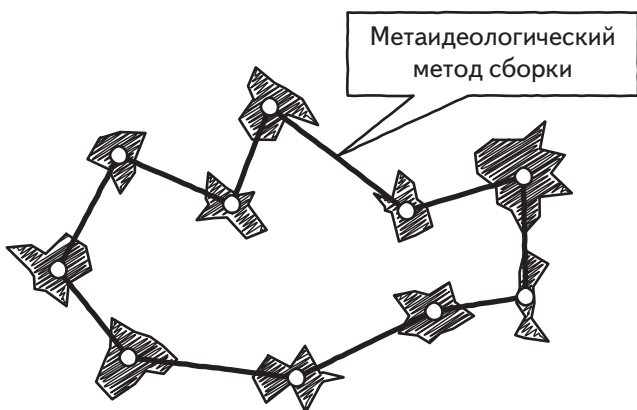

Рис. 7

Подобный принцип деятельности в науке называется метаидеологическим. Что такое «мета»? Это когда у вас есть различные языки и вы создаете суперязык, в котором каждый язык является буквой.

Что такое метатеория? Это когда различные теории являются буквами вашего метатеоретического языка. Это сборка по принципу «оставляем каждого при своем», не меняем содержание каждой из этих клеточек, но налаживаем какие-то связи.

Но это рыхлая ситуация. Рыхлая.

Против либералов были и Гитлер, и Сталин, и нормальные западные консерваторы, и мало ли еще кто. Но это не значит, что они могли бы договориться об общих ценностях. У них не было общих ценностей. Был общий враг.

Нам еще долго придется сохранять принцип объединения против общего врага, потому что враг силен и упорен. Он очень талантливо пользуется завоеванными позициями. Ему наплевать на развитие собственной страны, а значит, он готов использовать и регресс как средство удержания власти. Он находится в союзе со всеми международными силами, которые хотят добить нашу страну. И воевать против него широким фронтом необходимо.

Но передача «Суть времени» нужна была для того, чтобы начать выработку нового языка. Нового политического языка. Это страшная задача. Это задача, почти обреченная на провал. Но все остальное уж точно обречено на провал. Мне в высшей степени не хотелось и сейчас не хочется заниматься разработкой нового языка. А что прикажете делать?

Страна больна. Для того чтобы излечить болезнь, использовались все возможные лекарства, и они ничего не дали. Осталось вот это, которое я сам считаю проблематичным, эксцентричным и каким угодно еще. Но я же не от эксцентрики начинаю этим заниматься, не от тяги к эксцентрике. Мне есть чем заниматься в жизни! Я занимаюсь этим потому, что не вижу никаких альтернатив. Все разумные средства спасения страны обречены. Остались безумные средства. Вот это одно из таких безумных средств.

Мне говорят: «А почему не использовать другие языки для коммуникаций?»

Я счастлив буду их использовать. Назовите мне, какие это языки? Какие?

Классический религиозный язык? Какой? Православный? Ну, он и объединит православных. Но он даже их объединит не очень хорошо по причинам, которые можно обсудить отдельно. Ну, допустим, он их объединит. Но он же не может их объединить с гражданами, которые так же любят Советский Союз или так же любят великую Россию, но исповедуют другую религию. Например, ислам. Или со светскими гражданами.

А раз не может – значит, у него заведомо есть некий радиус. В нем есть его ограниченность. Не надо травмировать тех, для кого важен именно религиозный язык. У людей есть свое представление о том, как должна быть устроена жизнь, каковы ценности. Но что-то же надо осуществить с тем, чтобы возник и другой язык. Ведь говорили же на советском политическом языке в многонациональном и многоконфессиональном обществе. В полиэтническом и поликонфессиональном обществе. Было же это!

Тогда скажут: «Почему не вернуться к классическому советскому языку?»

Какому?

Как можно к нему вернуться? Он же почему-то рухнул... Он рухнул, безусловно, потому, что на него оказали мощное воздействие. Но также еще и потому, что потерял ту прочность, которая могла бы выдержать это воздействие. И потому, что он не смог защитить себя. И так далее... Ведь есть какие-то глубочайшие причины!

Как мы вернем классический советский язык? И когда в мире удавалось полностью реставрировать язык? Да, мы, конечно, возьмем все лучшее, возьмем максимум из этого языка. Если бы можно было просто сделать так, чтобы все население страны взяло и заговорило на классическом советском языке 1960 или 1950 года, я был бы счастлив и никаким созданием нового языка не занимался бы. Но это же невозможно. Есть хоть один вменяемый человек, который не понимает, что это невозможно?

О каком еще языке идет речь? О марксистском? Но все мы понимаем, что, когда речь заходит о марксистском языке, мы сталкиваемся с пятнадцатью разночтениями. Позже я попробую показать, что о марксизме думает, например, Фромм. А рядом существуют другие представления о марксизме. Марксизм уже разошелся по массе ниш и лакун. И что? Западное левое движение не разгромлено в мире? Оно не держалось только на нас? Оно не потеряло всяческую дееспособность после того, как мы рухнули? Есть оно, это левое марксистское великое поле? Почему левые во всем мире не говорят на марксистском и неомарксистском языке, если он обладает такой высокой коммуникативной способностью, такой высокой убедительностью? Значит, почему-то он ею не обладает?

Ровно настолько, насколько я люблю советский язык, я люблю и язык марксистский. Я восхищаюсь Марксом! Но это же невозможно один к одному сейчас применить по той же самой причине – потому что это рухнуло. К советскому обществу, к советской стране, к советской истории есть одна критическая претензия – что это рухнуло. Но это очень серьезная претензия. Оно же почему-то рухнуло.

И когда мне бесконечно повторяют, что оно рухнуло, потому что вкралась несколько предателей, которые это все сделали: Горбачев, Яковлев... Все так... Вкралась.

Но, во-первых, их пропустили на эти посты.

Во-вторых, в партии были системы самозащиты? Была партийная разведка. Были пленумы. Были съезды. На XXVIII съезде КПСС в 1990 году все уже было ясно про Горбачева. Он уже растоптал все. Он остался Генеральным секретарем КПСС? И что, я должен сказать, что все члены съезда были агентами ЦРУ? Но это же смешно.

Съезд народных депутатов СССР, Верховный Совет СССР не переизбрали другого президента Советского Союза. Они имели все права. Почему этого не было сделано?

КГБ СССР не отсек врагов советской власти и советского общества. Почему он их не отсек, а, наоборот, проводил по всем возможным каналам?

Что произошло с системой? Это же было системное заболевание, высшим проявлением которого была деятельность Горбачева. Но Горбачев – это только высшее проявление некоего системного заболевания. Что это было за заболевание? Что произошло с советским обществом, с советскими смыслами?

Если мы говорим о восстановлении советских смыслов, что имеется в виду? Мы начнем восстанавливать советские смыслы в том виде, в каком они были когда? В двадцатые годы? При Сталине? При Хрущеве? При Брежневе? В каком именно их модусе? У них же было много различных модификаций. И если они не сработали и позволили разрушить страну, то кто сказал, что восстановление их, и даже создание страны на их основе, не обернутся таким же, а может, еще более быстрым фиаско?

Может быть, кто-нибудь этого и хочет? Может быть, кто-нибудь из наших врагов на Западе как раз и думает, что надо бы еще разок собрать это все на такой вожделенной для них «совковой», как они это называют, основе, и дать этому «совку» окончательно рухнуть под фанфары.

Нам все время приходится заниматься системой управления клубом «Суть времени» – системой управления небольшой

организацией... Но вы вдумайтесь в бред, появляющийся иногда на форуме нашего сайта, согласно которому, с одной стороны, идеалом во всем является Сталин – сталинская страна, сталинская система управления и так далее. А с другой стороны (видимо, по причине того, что идеалом является Сталин), начальство надо посылать на три буквы.

Вы понимаете, что это шизофрения? Что это абсолютный аналог того, что когда-то говорил Владимир Соловьев о революционных демократах: мол, они твердо убеждены, что человек произошел от обезьяны, следовательно, все люди братья.

Я понимаю, почему начальство положено посылать на фиг классическому либералу – человеку, который считает, что он сам себе царь... Как в «Воскресении» у Толстого. Человека спрашивают:

– А царя-то ты признаешь?

– Отчего не признавать? Он себе царь, а я себе.

Но соединение сталинизма с сетевыми вольностями – это постмодерн. Это и есть пузыри регресса.

Ну, так что же мы сделаем в масштабах тяготеющего к «советскому» общества, все равно неоднородного, привыкшего к определенным вещам, существующего в сегодняшней ситуации, в условиях интернета и пр.? Под какую такую «сталинскую гребенку» мы его подстрижем?

Сталин – очень крупный идеолог и политик. Неужели кто-нибудь думает, что он в 2011 году стал бы стричь все так, как можно было стричь в 1930-м? Другая реальность. Другое мышление. А главное, процесс-то разрушения «Вавилонской башни» уже произошел. Ну, остался советский осколок. Ну, попытался его Зюганов так или иначе модифицировать. Ну, создана на этой основе одна из ниш. А рядом есть другие ниши, есть эклектика этих ниш. А над этой эклектикой сидят либероиды, смотрят на это, называют все это «опарышами», презирают и говорят: «Управлять будем вечно. Вечно...»

В условиях, когда неслиянны эти языки, когда невозможно создать единый язык, а значит, и мощную коммуникацию в

пределах большинства... Все, надеюсь, понимают, что язык – это средство коммуникации? И мир не придумал других средств. Я, разумеется, имею в виду политический язык. Если этого языка нет и все говорят на двенадцати языках, мы так и будем терпеть фиаско...

«И будем мы этим управлять, как хотим и сколько хотим», – говорят либералы.

Это не политическая проблема? Это не является главной политической проблемой, ради которой мы собрались? Есть другие проблемы? Какие?

Как только здесь возникнет политико-лингвистическое единство, как только все это спаяется по-настоящему, – все, не будет никаких либероидов и ничего другого, страна повернется, будет осуществлено очередное русское чудо, и она пойдет в нужном направлении.

Как только – так сразу...

Но вы понимаете, о каком «как только» идет речь? Каков уровень амбиции? Я бы с удовольствием его занизил до предела, но нет возможности. Болезнь такова, что либо нужно применять вот эти самые фантастические и амбициозные средства, либо согласиться с тем, что больной скоро умрет. А при этом лгать самому себе, извлекая из процессов какие-то малые лакомости: депутатские мандаты или что-нибудь еще. Я не хочу этим заниматься.

А теперь подумаем о языке. В сущности, язык для меня, как для политика, конечно же, является, прежде всего, средством коммуникации. Я же вижу, вижу на практике, что огромное количество позитивных, духовных, недовольных сегодняшней ситуацией людей начинает конфликтовать друг с другом потому, что у них нет прочного, эффективного, единого политического языка. И если не будет этой коммуникации, какая политическая организация? Какие политические победы? Какой политический субъект?

Значит, коммуникации нужного качества нет.

Нужен язык.

Язык опирается на смыслы, символы, образы и все остальное. Отдельно надо обсуждать эту проблему в следующих

программах – не в следующих сериях этой передачи, а в следующих новых программах.

А смыслы все связаны с метафизикой. Нет языка без метафизики. Ну, нет его.

Произошло самое страшное. Схему управления можно восстановить за 10 дней. Единство языка и смысла так быстро восстановить нельзя.

Не будет метафизики – не будет смысла – не будет языка – не будет коммуникаций.

Соответственно, возникает эта проклятая метафизическая задача в качестве основной и ничем не заменяемой. Нельзя обойти эту точку.

Это вовсе не ситуация, в которой Сергей Ервандович Кургинян, по его особой любви, театральной или какой-то еще, к подобного рода заморочкам, хочет всех затащить в какую-то метафизическую пещеру. То ли платоновскую, то ли похуже. Это абсолютно трезвый взгляд политика на то, что либо надо лечить заболевание предлагаемым средством, либо признать заболевание вообще неизлечимым никакими средствами. Других средств нет.

Те, кто признает это, идут за нами. Те, кто этого не признает, идут другими путями. Мы можем быть с ними глубочайшими союзниками, глубочайшими попутчиками, друзьями, братьями, гражданами одной страны, имеющими общей целью величие нашей Родины... У нас может быть глубокая дружба...

Но у нас другой путь.

Наш путь – метафизика ради смыслов, языка и коммуникаций, а не метафизика вообще ради того, чтобы подразвлекаться разного рода сложностями.

Нам метафизика нужна так, как слесарю отвертка, чтобы вывернуть винт. Я понимаю, что так метафизику не делают и что эта метафора рискованная. Но я хочу прояснить свою мысль и сказать, что ничего в подобном завышении планки от эстетства или того, что ты хочешь отдать должное своим каким-то заморочкам, нет.

Я так вижу политическую злобу дня. И, поскольку я ее так вижу, я что-то могу. Я могу выигрывать информационные

сражения. Я могу строить и развивать организации. Я могу создавать какие-то интеллектуальные продукты.

С первой же передачи «Суть времени» мы говорили только об этом. И сейчас мы подходим к ключевой точке, каковой является метафизика Сверхмодерна, а также ответ на вопрос, так ли нужен этот чертов Сверхмодерн, если у него столь сложная метафизика?

Об этом давайте поговорим в следующем выпуске программы.

25 октября 2011 года

Выпуск №38

Итак, метафизика нужна нам не сама по себе, не в качестве изысканного развлечения в башне из слоновой кости. Она нужна нам для восстановления разрушенной смысловой целостности, языка и коммуникаций. Никакой другой логики быть не может.

Не будет метафизики – не будет накаленных смыслов – не будет языка – не будет коммуникаций. Вот не будет, и все.

Может быть, если мы окажемся недостаточно успешны (или удачливы) в том, что касается метафизики, то создание метафизики не обернется возникновением нового политического крупного языка, и тогда мы провалились.

Но, если мы решим эту задачу, мы изменим страну.

А без метафизики мы эту задачу точно не решим.

Меня спросят: «Почему? Разве не может быть чисто светских смыслов, в которых как бы нет метафизики?» и так далее.

Ну, во-первых, всегда есть философия.

Вы хотите сказать, что марксистская философия не содержала в себе метафизики, что она была освобождена от нее и что она прекрасно работала. Что это была светская философия, лишенная всякой метафизичности...

Это не так. Я отнюдь не разделяю все взгляды Эриха Фромма на марксизм. Более того, многое во взглядах Эриха

Фромм мне чуждо. Но Фромм – великий исследователь, великий ученый, очень глубокий мыслитель. И к чему-то из того, что он говорит (подчеркиваю – к чему-то), надо прислушаться.

Я не разделяю критику Фроммом советского общества. Я считаю, что Фромм во многом «перебирает» и в вопросе о роли индивидуума в марксизме. Я знаю, что есть другие позиции других исследователей, готов привести эти позиции – опять-таки, уже в других, новых программах. Хотим обсуждать марксизм – давайте обсуждать.

Но сейчас мне хотелось бы зачитать отрывки из работы Эриха Фромма «Концепция человека у Карла Маркса».

«Самым распространенным заблуждением является идея о так называемом „материализме“ Маркса, согласно которой Маркс якобы считал главным мотивом человеческой деятельности стремление к материальной выгоде, к удобствам, к максимальному благосостоянию, „обеспеченности“ своей жизни и жизни своей семьи. Эта идея дополняется утверждением, будто Маркс не проявлял никакого интереса к индивиду и не понимал духовных потребностей человека: будто его идеалом был сытый и хорошо одетый „бездушный“ человек»¹¹.

Итак, Фромм говорит: «Это глубочайшее заблуждение по поводу Маркса». Между прочим, это заблуждение объединяет как критиков марксизма, так и апологетов марксизма.

«Одновременно, – пишет Фромм, – Марксова критика религии отождествляется с отрицанием всех духовных ценностей (ибо духовность трактуется этими интерпретаторами исключительно как вера в Бога).

Исходя из вышеприведенных представлений, социалистический рай Маркса преподносится нам как общество, в котором миллионы людей подчинены всесильной государственной бюрократии; как общество людей, которые отдали свою свободу в обмен на равенство; это люди, которые удовлетворены в материальном смысле, но утратили свою индивидуальность и превратились в миллионы роботоподоб-

---

¹¹ Фромм Э. Марксова концепция человека. // В книге: Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 375.

ных автоматов, управляемых маленькой, материально более обеспеченной элитой.

Следует отметить сразу, что это расхожее представление о Марковом „материализме“ совершенно ошибочно. Цель Маркса состояла в духовной эмансипации человека, в освобождении его от уз экономической зависимости, в восстановлении его личностной целостности... Философия Маркса на нерелигиозном языке обозначала новый радикальный шаг вперед по пути пророческого мессианства, нацеленного на полное осуществление <...> той цели, которой руководствовались все западное общественное мышление со времен Возрождения и Реформации и до середины XIX в.

Это заявление, вероятно, шокирует многих читателей. Но прежде чем перейти к доказательствам, я хочу еще раз подчеркнуть, в чем состоит ирония истории: она состоит в том, что обычное описание Марковских целей и его представлений о социализме как две капли воды совпадает с описанием современного западного капиталистического общества, где поведение большинства людей мотивировано материальной выгодой, комфортом и установкой на потребление. Рост потребительских appetitов этого общества безграничен, он сдерживается только чувством безопасности и стремлением избежать риска. Люди достигли здесь той степени конформизма, которая в значительной мере нивелирует индивидуальность. Они превратились, как сказал бы Маркс, в беспомощный „человеческий товар“ на службе у сильных и самостоятельных машин. Фактическая картина капитализма середины XX в. совпадает с той карикатурой на Марксов социализм, каким его изображают его противники»¹².

Итак, целью Маркса было восхождение, препятствием на пути которого был способ производства, осуществляющий что? – Отчуждение.

Дальше Фромм много и интересно пишет об этом. Повторяю, я совершенно не согласен с его критикой сталинского общества, советского общества, и мне есть что по этому пово-

---

12 Там же.

ду сказать. Но я привожу здесь его высказывания по поводу того, что марксизм не был лишен метафизики, и онтологии, и много еще чего. Что именно потому, что он всем этим обладал и имел глубочайшие пророческо-мессианские хилиастические корни, он смог зажечь Россию.

Значит, в основе и этого языка тоже находится метафизика, способная возжечь огонь – источник великого, накаленного смысла, преобразующий человечество, побуждающий его восходить дальше. Нет этого источника – нет ничего. Нет истории.

Нельзя свести Маркса к экономике, убрать из того, что Маркс сделал, исторический и диалектический материализм, нельзя превратить исторический материализм в машинерию интересов. Как говорил Бенъямин, один из исследователей марксизма, нельзя изъять теологию и телеологию из Маркса, ибо кукла диалектического и исторического материализма делает безупречные ходы только потому, что ее дергают за ниточки эти высшие смыслы, эта метафизика. И он был абсолютно в этом прав.

Итак, даже с Марксом вопрос о метафизике стоит определенным образом.

С советским коммунизмом, который, конечно, являлся не до конца марксистским, вопрос еще более существен. Этот советский коммунизм абсолютно не был лишен метафизических вибраций. Вопрос заключается в том, что сделали с этими вибрациями? Почему их погасили? И что породило погашение этих метафизических вибраций?

Есть один великий проект, который заявил о том, что он будет продолжать восхождение человечества без метафизики или, точнее, с сугубо светской метафизикой прогресса и гуманизма, лишенной всяких окончательных целей, которые есть в теологии, – это Модерн.

Модерн действительно осуществлял подобное восхождение определенным образом на протяжении одного столетия – девятнадцатого. К концу столетия Модерн выдохся, потому что варварски эксплуатировал созданную до этого культуру, которая, конечно, была христианской. Он оперся на эту культуру,

отделив ее от метафизики и религии. Культура, естественно, стала остывать и остыла к концу XIX века окончательно.

Тут-то возгорелся красный огонь, который каким-то образом подогрел Модерн и дал ему существовать еще лет восемьдесят, пока существовали коммунисты.

Но, как только коммунисты скопировали у Модерна атеистичность или, точнее, неметафизичность, с ними стало происходить в точности то же, что и с Модерном. Можно сколько угодно говорить о том, что советская номенклатура выродилась и потому не могла прекратить преступления Горбачева. Можно сколько угодно говорить о том, что выродилась вся элита номенклатуры, КГБ и так далее. Совершенно понятно, что это не так, что процессы намного глубже.

Но все это частности, потому что если бы советский человек был накаленно коммунистичен, если бы горел внутри каждой советской души жаркий пламень советскости, то никакая номенклатура и никакая элита в целом ничего бы не сделали с советским обществом.

Значит, этот огонь стал угасать. А почему он стал угасать? Что произошло с советским человеком? Не с выродившимся советским номенклатурщиком, не с выродившимся советским гэбистом (хотя и это все, согласитесь, весьма загадочная метаморфоза), а с советским человеком как таковым... С простым советским человеком, который сначала умирал за эти советские ценности и с восторгом читал стихи:

*...Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.*

Или:

*И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и бою,
пою
мое Отечество,
республику мою!*

«Весну человечества»!

А потом вдруг все это проклял.

Этот вопрос, заданный уже в первой передаче «Суть времени», требует окончательного, прямого, твердого ответа. Мы без этого ответа дальше не двинемся.

И мой ответ таков.

Именно отсутствие метафизики в Красном проекте, а точнее, удушение этой метафизики привели к тому, что советский проект, который после этого удушения смог еще совершить чудеса в лоне советской культуры, далее начал угасать вместе с самой культурой. Потому что сердцевина этой культуры оказалась умерщвлена. Не было возможности поддерживать огонь. Огонь поддерживается в метафизическом храме. Нигде больше огонь поддержать нельзя.

Нельзя искусственно поджиглять идеологию, если она лишена метафизики.

Нельзя, чтобы язык грел сердца и создавал коммуникации, братство народов, советскую общность людей, если метафизика остывает. Всё – в ней.

Почему же так быстро все умирает без метафизики?

Потому что человек – единственное существо на планете и в известном нам мире, которое знает о своей смертности. Оно наделено великим даром разума и тем, что этот разум порождает в качестве платы за этот дар. Человек в отличие от животного понимает, что он умрет, что все, что ему дано, будет отнято. Он видит это вокруг себя. Он ужален этим в сердце с древнейших времен, со времен Гильгамеша. С первого шумерского эпоса и до наших дней он этим ужален в сердце.

Он стал человеком, как утверждают антропологи, в тот момент, как начал совершать обряды захоронения. Именно эти обряды легли в основу ритуала и языка. Язык не существует без ритуалов и мифов. Человек символически преодолел смертность. Он не мог не ответить на вызов смертности. И он ответил на это обрядами – утешением, каковым является наличие загробной жизни. Это и есть религия. С древнейших магических времен и во все времена религия имеет одну вели-

кую функцию – утешение. Ваша утрата будет восстановлена на небесах, в раю – тем или иным образом...

Я не буду разбирать модификации этого утешения в разных типах религий. Конечно, в религиях Средиземноморья и в буддизме это утешение носит совершенно разный характер. Но я подчеркиваю, что у религии есть величайшая социальная функция – утешение.

Модерн впервые заявил, что может быть создан эффективный в социальном, чуть ли не духовном и уж, конечно, экономическом, техническом и прочем смысле безутешительный мир. И он его создал. Он не отменил религию. Он сделал религию частным делом людей, он построил весь свой проект на фундаментальной светской безутешительности.

«Да, у нас есть другие цели, у нас есть другие ценности, они вполне совместимы с безутешительностью, и мы будем двигаться к процветанию, к прогрессу, к знанию, к чему-то еще – мы будем двигаться этой великой дорогой, человек будет восходить, и он будет это делать в безутешительном мире».

Понадобилось лет 50–70 для того, чтобы понять, что даже западный, достаточно секуляризованный и механизированный человек в безутешительном мире жить не хочет. И чем в большей степени он становится индивидуалистичен и благополучен, тем в большей степени он не хочет жить в таком мире.

Коллективистский человек, существующий при минимуме потребления, еще может каким-то способом выдерживать эту безутешительность за счет возжигания мобилизационного огня: «Мы строим общество нового типа. В этом обществе все будет построено на благих основах. У нас есть враги, мы боремся. Мы подвижники, мы делаем общее дело».

Вот этот сталинский накал – это классический накал, свойственный линейной мобилизационной модели. Линейная мобилизационная модель долго существовать не может. Либо вы создаете нелинейную мобилизационную модель, либо вы должны отменить мобилизацию. Но, как только вы ее отменяете, все смысловое здание рушится. Нечем подогреть идеологию.

«Тогда, – как говорил Модерн, – не нужно никакой моноидеологии. Нужно, чтобы было так: сколько микрообщностей, столько и идеологем. А лучше, чтобы их вообще не было. Чтобы люди были индивидуализированны, чтобы каждый из них преследовал свои интересы, чтобы каждый из них имел свою культурную специфику, чтобы они сталкивались, как атомы, и от этих столкновений поезд человечества двигался бы вперед».

Но не хочет поезд человечества так двигаться вперед!

Как только люди достигают благополучия, индивидуализма и всего прочего в безутешительном мире, в их сердцах поселяется то, что Кьеркегор называл смертной болезнью (дословно – «болезнью к смерти»). Экзистенциалисты разобрали это с безумной подробностью. Они описали анатомию этой «смертной болезни», ее физиологию и каждый ее вирус.

И было совершенно ясно, что советское общество, как только оно достигнет определенного уровня благополучия и как только оно индивидуализируется, как только, грубо говоря, люди разъедутся по отдельным малогабаритным квартирам (да хоть бы и не малогабаритным), как только исчезнет вот этот двор, который так любил Юрий Бондарев, в котором собираются все, потому что есть один патефон, его выставляют в окно, и все танцуют... или играют в футбол... Как только исчезнет этот двор, исчезнет коммунальная квартира или барак, в котором все живут вместе, как только исчезнет вообще индустриальная общность и люди разбредутся по квартиркам и включают там свои телевизоры, – с этого момента удар экзистенциального заболевания будет усилен в сто крат, потому что будет потерян иммунитет по отношению к данному заболеванию.

И так легко и, в каком-то смысле, так горько и одновременно интересно проследить развитие этого заболевания на теле советской культуры. Одно дело – умствовать по этому поводу, рассуждать об этом абстрактно. А другое дело – проследить это не вообще, а конкретно на материале советской культуры.

Я прочитаю один рассказ Василия Шукшина, который для меня является русским и советским Сартром, а вовсе

не одним из писателей-почвенников. Как мне кажется, нет ничего более наивного и превратного, чем представление о Шукшине как о классическом почвеннике. Конечно, Шукшину дорога деревня, дорог русский общинный мир. Но Шукшин с огромной тревогой смотрит на процессы, происходящие в советском обществе. И лейтмотивом всего его творчества является крик: «Что же с нами происходит?»

И Шукшин это «что же с нами происходит» не низводит к количеству товаров на прилавках и прочему. Он смотрит глубоко, в самые потаенные пласты человеческой души и культуры. И он видит там то, что, в конечном итоге, и погубило советское общество и что не могло его не погубить, коль скоро советское отказывалось от метафизичности, от утешения, как от единственного, что преодолевает смертную болезнь.

Рассказ, который я выборочно прочитаю, называется «Думы».

Директор колхоза вдруг восклицает:

– Все, завтра же исключу из колхоза!

Автор пишет:

«И вот так каждую ночь!

Как только маленько уgomонится село, уснут люди – он начинает... Заводится, паразит, с конца села и идет. Идет и играет.

А гармонь у него какая-то особенная – орет. Не голосит – орет.

...Дом Матвея Рязанцева, здешнего председателя колхоза, стоял как раз на том месте, где [гармонист] выходил из переулка и заворачивал в улицу. Получалось, что гармонь еще в переулке начинала орать, потом огибала дом, и еще долго ее было слышно.

Как только она начинала звенеть в переулке, Матвей садился в кровати, опускал ноги на прохладный пол и говорил:

– Все: завтра исключу из колхоза. Придерусь к чему-нибудь и исключу.

...Каждую ночь Матвей, сидя на кровати, обещал:

– Завтра исключу.

И потом долго сидел после этого, думал... Гармонь уже и не слышно было, а он все сидел...

– Хватит смолить-то! – ворчала сонная Алена, хозяйка.

– Спи, – кратко говорил Матвей.

О чем думалось? Да так как-то... ни о чем. Вспоминалась жизнь. Но ничего определенного, смутные обрывки. Впрочем, в одну такую ночь, когда было светло от луны, звенела гармонь и в открытое окно вливался с прохладой вместе горький запах полыни из огорода, отчетливо вспомнилась другая ночь. Она была черная, та ночь. Они с отцом и с младшим братом Кузьмой были на покосе километрах в пятнадцати от деревни... И вот ночью Кузьма захрипел: днем в самую жару потный напился воды из ключа, а ночью у него „завалило“ горло. Отец разбудил Матвея, велел поймать Игреньку (самого шустрого меринка) и гнать в деревню за молоком.

– Я тут пока огонь разведу... Привезешь, скипятим – надо отпаивать парня, а то как бы не решился он у нас, – говорил отец.

Матвей слухом угадал, где пасутся кони, взнуздal Игреньку и, нахлестывая его по бокам волосяной пудой, погнал в деревню. И вот... Теперь уж Матвею скоро шестьдесят, а тогда лет двенадцать–тринадцать было – все помнится та ночь. Слились воедино конь и человек и летели в черную ночь. И ночь летела навстречу им, густо била в лицо тяжким запахом трав, отсыревших под росой. Какой-то дикий восторг... кровь ударила в голову и гудела. ...Как будто оторвался он от земли и полетел. И ничего вокруг не видно: ни земли, ни неба, даже головы конской – только шум в ушах, только ночной огромный мир стронулся и понесся навстречу. О том, что там братишке плохо, совсем не думал тогда. И ни о чем не думал. Ликовала душа...

...Потом было горе. Потом он привез молоко, а отец, прижав младшенького к груди, бегал вокруг костра и вроде баякал его:

– Ну, сынок... ты чо же это? Обожди маленько. Обожди маленько. Счас молочка скипятим, счас отдохнешь, сынок, миленький... Вон Мотька молочка привез!..

А маленький Кузьма задыхался уж, посинел.

Когда вслед за Матвеем приехала мать, Кузьма был мертв.

Отец сидел, обхватив руками голову, и покачивался и глухо и протяжно стонал. Матвей с удивлением и с каким-то странным любопытством смотрел на брата. Вчера еще возились с ним в сене, а теперь лежал незнакомый иссиня-белый чужой мальчик.

...Только странно: почему же проклятая гармонь оживила в памяти именно эти события? Эту ночь? Ведь потом была целая жизнь: женитьба, коллективизация, война. И мало ли еще каких ночей было-перебыло! Но все как-то стерлось, поблекло. Всю жизнь Матвей делал то, что надо было делать: сказали, надо идти в колхоз – пошел, пришла пора жениться – женился, рожали с Аленой детей, они вырастали... Пришла война – пошел воевать. По ранению вернулся домой раньше других мужиков. Сказали: „Становись, Матвей, председателем. Большие некому“. Стал. И как-то втянулся в это дело, и к нему тоже привыкли, так до сих пор и тянет эту лямку. И всю жизнь была только на уме работа, работа, работа. И на войне тоже – работа. И все заботы, и радости, и горести связаны были с работой. Когда, например, слышал вокруг себя – „любовь“, он немножко не понимал этого. Он понимал, что есть на свете любовь, он сам, наверно, любил когда-то Алену (она была красивая в девках), но чтоб сказать, что он что-нибудь знает про это больше, – нет. Он и других подозревал, что притворяются: песни поют про любовь, страдают, слышал даже – стреляются... Не притворяются, а привычка, что ли, такая у людей: надо говорить про любовь – ну давай про любовь...

Один раз Матвей, когда раздумался так вот, сидя на кровати, не вытерпел, толкнул жену:

– Слышь-ка!.. Проснись, я у тебя спросить хочу...

– Чего ты? – удивилась Алена.

– У тебя когда-нибудь любовь была? Ко мне или к кому-нибудь. Не важно.

Алена долго лежала, изумленная.

– Ты никак выпил?

– Да нет!.. Ты любила меня или так... по привычке вышла?
Я серьезно спрашиваю.

Алена поняла, что муж не „хлебнувши“, но опять долго молчала – она тоже не знала, забыла.

– Чего это тебе такие мысли в голову полезли?

– Да охота одну штуку понять, язви ее. Что-то на душе у меня... как-то... заворшилось. Вроде хвори чего-то.

– Любила, конечно! – убежденно сказала Алена. – Не любила, так не пошла бы. За мной Минька-то Королев вон как ударял. Не пошла же. А чего ты про любовь вспомнил середь ночи? Заговариваться, что ли, начал?

– Пошла ты! – обиделся Матвей. – Спи.

– Коровенку выгони завтра в стадо, я совсем забыла сказать. Мы уговорились с бабами до свету за ягодами идти.

– Куда? – насторожился Матвей.

– Да не на покосы на твои, не пужайся.

– Поймаю – штраф по десять рублей.

– Мы знаем одно местечко, где не косят, а ягоды красным-красно. Выгони коровенку-то.

– Ладно.

Так что же все-таки было в ту ночь, когда он ехал за молоком брату, что она возьми и вспомнись теперь?

„Дурею, наверно, – грустно думал Матвей. – К старости все дуреют“.

А хворь в душе не унималась. Он заметил, что стал даже поджидать Кольку с его певучей „гармозой“. Как его долго нет, он начинал беспокоиться... сидел и поджидал...

– Слышь-ка!.. Проснись. Ты смерти страшися?

– Рехнулся мужик! – ворчала Алена. – Кто ее не страшится, косую?

– А я не страшусь.

Ведь и не жалко ничего вроде: и на солнышко насмотрелся вдоволь, и погулял в празднички – ничего, весело бывало и... Нет, не жалко. Повидал много.

Но как вспомнится опять та черная оглушительная ночь, когда он летел на коне, так сердце и сожмет – тревожно и сладко...

А в одну ночь он не дождался Колькиной гармошки. Сидел, курил... А ее все нет и нет. Так и не дождался. Измаялся.

Прошла неделя.

Все так же лился ночами лунный свет в окна, резко пахло из огорода полынью и молодой картофельной ботвой... И было тихо.

Матвей плохо спал. Просыпался, курил... Ходил в сени пить квас. Выходил на крыльцо, садился на приступку и курил. Светло было в деревне. И ужасающе тихо.

...Женился тот гармонист. Бросил якорь».

Если кто-то скажет, что это не Сартр, то мне это странно. Но это и глубже, чем Сартр или Камю, потому что вот этот образ: «слились воедино конь и человек и летели в черную ночь, и ночь летела им навстречу... полет... ничего не видно: ни земли, ни неба, ни головы, только ночной огромный мир стронулся... Ни о братишке не думалось, ни о чем не думалось...»

Это всё – «о чем ты воешь, ветер ночной?» Тут Шукшин наследует Тютчеву, наследует огромному пласту русской классической литературы... Вспомним, в частности, «Живой труп» Толстого. Вот это ощущение непосильности, противопоставления свободы и воли, этой самой полноты, которая, конечно, адресует к Абсолюту, к Великой Тьме. Или к тем водам, которые должны объять сущее, если верить стихам Тютчева.

Именно ощущение того, что сейчас брат умирает... этот шок вообще самой возможности смерти... дальше этот полет на коне... И он вдруг понимает, что есть то, что выводит его за рамки обусловленности – обусловленности телом, обусловленности формой, обусловленности конечным...

А что находится за рамками этой обусловленности? Он кричит и хочет туда.

Я знаю героических военных, которые любили прыгать в пропасть с парашютом и очень долго его не раскрывать. И вот они прыгали в эту пропасть, кричали и только через какое-то время дергали кольцо. И момент, когда они летят в черноту

и кричат, – это момент, когда хочется одного – освободиться от любой обусловленности.

То же самое, например, описывает Лорка в своей известной статье «Теория и игра беса». Одна великая актриса приехала из города, где она пела в большом оперном театре, в свое село и решила спеть для односельчан. Она поет, односельчане слушают. И вообще никто не хлопает и ничего не выражает, все смотрят на нее с соболезованием. Она поняла, что провалилась перед главной аудиторией – перед своими односельчанами. Тогда она потребовала очень крепкой испанской водки, обожгла себе горло этой водкой и снова запела. И когда она кончила петь, село взорвалось неслыханными аплодисментами. Она поняла, что она победила.

Лорка говорит, что здесь она кинулась в эту пустоту. Она кинулась в черную ночь. И он говорит, что вот это есть игра беса, а все остальное есть теория.

Мы помним строки Пастернака: «И тут кончается искусство, И дышат почва и судьба». Это уже то, что находится за некими последними пределами.

Итак, в тот момент, когда в рассказе Шукшина Матвей Рязанцев, будучи маленьким мальчиком, понимает, что его брат сейчас умрет, когда он впервые сталкивается с феноменом смерти, когда в его душу это закрадывается, он инстинктивно, чтобы изгнать все это, кидается в растворение, в потерю формы, в то, что находится за гранью любой и всяческой обусловленности, в то, что предлагает Великая Тьма, «ночной огромный мир».

Это даже не Сартр, не Камю. Это круче.

А когда он возвращается, уже имея этот опыт, он видит смерть. Он видит «иссиня-белого чужого мальчика» – своего же брата – и воющего отца. И он понимает, как устроен мир. И он прячется в раковину работы, алгоритма, деятельности, заорганизованности. Он помещает себя в этот корсет. И расшатывает этот корсет музыка.

Недаром один из героев «Волшебной горы» Томаса Манна говорил главному герою Гансу Касторпу: «Бойтесь музыки, инженер, ибо музыка есть стихия бесконечного». Она, будучи предельно формализованна и абстрактна, одновременно несет

в себе дух бесконечно не обусловленного. Если кого-то это интересует, то стоит внимательно прочесть работу Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки».

Дух музыки... «Бойтесь музыки, инженер».

Гармонь у Шукшина выступает как вот эта музыка – та самая дионисийская стихия, которая для Ницше противопоставлена аполлоническому миру форм. Тому аполлоническому миру, в который погрузил себя Матвей Рязанцев в момент, когда он испытал экзистенциальный, дионисийский опыт и бежал от него. Ему все время вспоминается только этот опыт.

Я мог бы прочитать десятки рассказов Шукшина, в которых непрерывно прослеживается та же самая экзистенциальная тема.

Все помнят и «Калину красную», в которой всё было проникнуто тем же самым. Уже перед тем, как столкнуться с криминальным злом и погибнуть, герой сидит вместе с братом жены у озерца и они рассуждают там об этом:

– А зачем мы пришли в мир?

– Ну, нас же никто не спрашивал...

Егор – герой «Калины красной» – так же ужален этим экзистенциальным жалом в сердце, как и Матвей Рязанцев. Его, Егора, «сообразим аккуратненький такой бордельеро, разбег в ширину...», «праздника жаждет душа» – это как теория праздника Бахтина. Шукшин был совсем не прост... Шукшин был поразительным образом пропитан и русской почвенной культурой, и западной. И он жадно тянулся туда... И он удивительным образом умел это в себе синтезировать.

Вот это все не оставляет шансов Егору ни на что.

– Никем не могу быть в этом мире. Только вором, – говорит он.

Его прыжок в криминальное есть прыжок одновременно в омут, в ту черную ночь, от которой так отодвинулся Матвей в момент, когда получил опыт контакта с Великой Тьмой.

Шукшин внимательнейшим образом, просто как ученый, как микробиолог наблюдал, как бактерии экзистенциального заболевания проникают в каждую клеточку советского культурного тела.

Но ведь не он один это наблюдал. Это так интересно проследить в советской культуре – так горестно и так интересно...

Экзистенциальной скуке посвящены фильмы «Июльский дождь», «Мне двадцать лет», «Тишина» Юрия Бондарева.

О чем бондаревская «Тишина», особенно вторая часть ее? Скрипящий дом, в котором люди абсолютно одиноки, – это проникновение чего-то сквозь стены дома...

Чего так боится гибнущий в «Береге» Бондарева лейтенант Княжко?

Это опять попытка что-то противопоставить уже проникающему в душу экзистенциальному заболеванию.

«Надышался я этой самой смерти, – говорит молодому интеллигентному лейтенанту Меженин, такой поживший, бывалый сержант, который противопоставлен лейтенанту как циник романтику, – нахлебался я ее по самые-самые».

И опять-таки – чего нахлебался? Вот этой же смертной воды.

Любая культура, лишенная метафизики, абсолютно уязвима по отношению к экзистенциальному заболеванию. Только метафизика является стеною, иммунным барьером на пути отношений человека и человеческих смыслов и смерти, которая обесмысливает жизнь.

Как только эти стены рушатся, возникает «В ожидании Годо» Беккета, возникает мир абсурда. Человек так или иначе где-то должен найти компенсацию этому абсурду.

Никто так быстро не заболевает смертной болезнью в условиях отсутствия метафизического иммунитета, как русские. Потому что именно они более всего жаждут метафизических смыслов, и именно они без них становятся абсолютно беспомощными.

Если разрушить метафизическую стену Красного проекта и оставить Красный проект в безметафизическом состоянии, то уничтожение, подавление русского обеспечено. Потому что тогда смертная болезнь проходит в каждую клеточку, и там возникает попытка чем-то перекрыть очевидное смертельное заболевание, очевидную уязвленность

души самим фактом смерти, фактом абсурда, который с собой несет смерть. А смерть несет с собой, не имея метафизической компенсации, очень и очень много. Перекрыть это путем надрывного, великого действия, великого дела наша эпоха возможности не дает. Когда-то Высоцкий пел: «А в подвалах и полуподвалах ребятишкам хотелось под танки». Этого сейчас нет.

Сталинская классическая эпоха еще могла ставить на надгробьях символы великого дела. Сравните христианскую могилу с могилой сталинской эпохи классического периода. Если на христианской могиле все время возникает тема оплакивания умершего: там держат покровы, там изображены разбитые сосуды или символы потусторонней жизни, – то что этому противопоставляет классическая сталинская система, еще достаточно накаленная? Дело! Сходите на Новодевичье кладбище, посмотрите: на могиле танк, рука со скальпелем – дело. Мы живем в наших делах. Мы существуем постольку, поскольку существует наше дело.

«Хорошо, – говорит Абсурд, – а дальше что? Вы передадите это дело следующим поколениям, и что будет? Они передадут следующим. А потом остынет Солнце, исчезнет этот мир, схлопнется Вселенная... И что будет тогда с вами и с тем, в чем вы хотите обрести вечность?»

Космический абсурд, абсурд мортализма, финализма и всего прочего воздействует на душу тем сильнее, чем более требовательна эта душа. Русская душа в этом смысле самая требовательная. И на нее это воздействует прежде всего.

Какие ответы на эти вопросы давала метафизика Красного проекта, как она строилась, как она сочеталась с предыдущей традицией?

Когда возник массовый светский человек в России, этот светский человек сразу же отказался от безутешительности. Возникали всевозможные попытки создать светский вариант утешения. И именно русские на этом пути продвигались наиболее далеко.

Это все варианты русского космизма (космизм Вернадского тут не является единственным).

Это, конечно, «Общее дело» Федорова. Федоров, библиотекарь Румянцевской библиотеки, оказал колоссальное воздействие на гениев своего времени. Достаточно сказать, что к нему прислушивались такие гении, как Достоевский и Толстой. Великий Циолковский находился под влиянием идей Федорова.

Федоров рассматривал «общее дело человечества» как воскресение всех умерших. Человечество, развиваясь, должно было воскресить всех отцов. Тогда «общее дело» человечества заключается в том, чтобы поправить смерть и начать эпоху человеческого бессмертия. В этом была мечта Федорова. В какой степени была разработана его концепция, сколь она уязвима или не уязвима, сейчас не важно. Важно, что это была смелая попытка ответить на вызов того, что человек смертен.

За пределами классической религии люди в России искали ответа на вопрос о том, как сформировать новое утешение – нерелигиозное. И они находили каждый свои ответы. Это были люди масштаба Вернадского, Федорова и других.

Внутри коммунистического проекта этим больше всего занимался Богданов. Богданов известен как создатель тектологии, то есть теории систем, в которой он видел эту новую науку... Науку, которая, с одной стороны, становится комплексной, системной – она преодолевает дифференциацию дисциплин, а с другой стороны, получает высшую цель. Богданов и видел в этой новой науке возможность стать культуuroобразующим ядром, то есть метафизическим фокусом, центром нового утешения.

Богданову же, наряду с Луначарским и Базаровым, принадлежит идея богостроительства, поддержанная Горьким и другими. Суть идеи заключается в том, что человек в его коллективном порыве – это восходящий, становящийся бог. Если люди, не находившие удовлетворения в официальном православии своего времени, занимались богоискательством, то здесь речь шла о богостроительстве.

Левые коммунисты, метафизические коммунисты своего времени: Богданов, Горький, Луначарский, Базаров – сказали, что они построят новую метафизику. И что суть этой мета-

физики в том, что человек свершит дело божье. Человек есть становящийся бог. Он еще не бог. Он мал, он сейчас ничего не может. Но, когда он «вырастет» – и нужно убрать все препоны на пути этого его роста, – он станет богом.

Морозов, один из сидевших в Шлиссельбургской крепости поэтов, написал:

*...и светлых райских сеней
Достигнет человек, и богом станет сам...*

И, став этим богом, человек решит все задачи божьи: он изменит материю так, что она из тленной станет претворенной и нетленной, он создаст бессмертие человеческое, он завоеует космос до конца, он решит все предельные задачи.

Эта традиция еще была жива в момент, когда братья Стругацкие писали «За миллиард лет до конца света», и там говорилось о том, что человек дорастет аж до того, что, когда Вселенная начнет схлопываться через миллиард лет, он оставит это схлопывание.

Он может все. Нет предела возможностям восходящего человека. Нет предела его могуществу. Нет тех задач, самых фантастических, которые этот человек не сможет решить. На основе этой веры в восходящего человека писал Андрей Платонов, герои которого говорят: Ленин не зря в Мавзолее лежит, он воскреснуть хочет.

На основе этих идей жила целая эпоха. Это называлось Пролеткульт. Создателем Пролеткульта был все тот же Богданов, который, кстати, был совершенно лишен политических претензий, в отличие от Троцкого. И который имел именно метафизические претензии. Кто, как и почему убедил в дальнейшем отказаться от метафизической модификации коммунистической идеологии – это отдельный вопрос.

Тут даже нельзя говорить только о Сталине. В конце концов, Ленин считал, что все эти богостроители – это слишком близко к поповщине и что всякое движение в сторону метафизики является именно искусом. Ленин не растаптывал ни Богданова, ни Луначарского, ни Красина, который там тоже был, ни

Горького, естественно. Но он достаточно негативно выразался по поводу этих инноваций, хотя и предоставил Богданову все возможности для развития данного направления.

В дальнейшем все было свернуто потому, что было свернуто все... И возник один вариант секулярной идеологии, который и нужен был Сталину для обеспечения линейной мобилизационной модели. Линейная мобилизационная модель более эффективна, чем нелинейная, на коротких промежутках времени. Сталину удалось добиться сумасшедшей эффективности своей модели. И только благодаря этому выиграли войну.

Но уже после войны модель стала уставать. По мере того как люди становились все более благополучными, то есть решались, собственно говоря, задачи социалистического строя, модель стала уставать еще больше.

При Хрущеве и «разоблачение» сталинизма, и первый удар по смыслам эпохи, и переселение в малогабаритные квартиры сыграло почти одну и ту же роль. Я не могу назвать эту роль однозначно негативной. Я не могу сказать, что все люди должны были жить в коммуналках и в бараках. Я прекрасно понимаю, что при Хрущеве именно и открылось индивидуальное измерение человека.

Но, когда это измерение открылось в отсутствие метафизики, советские смыслы оказались обреченными.

Медленно-медленно в них, как во все модернистские смыслы, начала проникать эта смертная болезнь.

Медленно-медленно они стали уставать, утомляться.

Возникла усталость смысла. И эта усталость смысла в конечном итоге и породила особое отсутствие иммунитета у общества к тому, что было с ним сделано Горбачевым и всеми прочими.

Внизу, в широком обществе, в широких народных массах, эта усталость, чувство безвременья, потеря драйва, погруженность жизни в бытовые детали – вот это все перемололо советские смыслы. А когда внизу они оказались перемолоты, не без помощи верха, то верх в той его части, которая хотела от этих смыслов освободиться, получил нужную для него ситуацию.

В эту усталую субстанцию уже можно было запустить все диссидентские вирусы, все отторжения своего исторического прошлого. В нее можно было запустить все что угодно.

Вот такая усталая субстанция – это благодатнейший субстрат для взращивания всех видов мутаций, всех видов социальных заболеваний.

Человек, который имеет смысл, и человек, у которого смысла нет, – это разные люди. Я имею в виду великий Смысл.

Есть люди с довольно сильной корневой системой, то есть люди, укорененные нутром в жизни, с закваской, с «большим количеством закваски», как говорил герой «Морского волка», произведения Джека Лондона. Такие люди могут эффективно жить даже в отсутствие смыслов.

А есть люди со слабой корневой системой. Эти люди могут творить чудеса в момент, когда луч смысла ударяет в них, в нужную точку и они пробуждены. Но, если этого луча нет, они лежат, они обездвижены.

Исчезновение великих смыслов в позднесоветском обществе, исчезновение мощных смысловых вибраций означало, что люди с мощной корневой системой получают некое преимущество перед людьми с мощной смысловой системой. И постепенное восхождение людей с мощной корневой системой (была такая пьеса «Смотрите, кто пришел») означало одновременное нисхождение людей со смысловой системой.

Силы в советском обществе перераспределялись. Они перераспределялись всюду: они перераспределялись в элите, они перераспределялись в среднем классе, они перераспределялись в интеллигенции и в народе.

А что означало существо с мощной корневой системой в советском обществе, построенном под модель человека с мощной смысловой системой?

Это означало, что люди с мощной корневой системой находились в антисистеме и, получая всё большие и большие возможности, они, естественно, оставались людьми этой антисистемы. То есть они не только разрушали систему, они формировали на ее основе тот мутагенез, который мы сейчас наблюдаем.

И что же мы теперь хотим восстанавливать?

Либо мы восстанавливаем метафизику, а восстановить ее можно только в пределах новой всемирно-исторической миропроектности... И тогда, восстановив эту метафизику, мы восстанавливаем накаленность смысла. А восстанавливая накаленность смысла, мы восстанавливаем мощный язык как средство коммуникаций и создаем огромное сплочение людей.

Либо у нас метафизики нет. И тогда нет ни этого языка, ни этого сплочения.

Но в этом случае человек, который жаждет смыслов и который при наличии накаленных смыслов может стать более эффективным, чем человек с мощной корневой системой, обречен. Как говорится в анекдоте про дистрофиков: «Ветра не будет – по бабам пойдём». Он дистрофичен.

Регресс дополнительно «одистрофичивает» именно такого человека. Именно этот человек оказывается уничтоженным в условиях регресса. Разве мы не понимаем, что если это так, то альтернативы метафизике просто нет?

Либо метафизика – мощный смысл, настоящий огонь, который зажжет сердца людей, которые сейчас лежат, отбросив копыта, как в произведении тех же Стругацких «Обитаемый остров». Если мы их включим, дадим им другую энергетику, они потянут за собою страну.

Либо их растопчат люди с мощной корневой системой, которые за счет специфики советского общества всегда были антисистемными, криминальными и остались таковыми после своего выхода наружу. Мы не можем построить никакой новой системы, потому что эти активные люди антисистемны по своему генезису. И они этот генезис воспроизводят в следующих поколениях. Они бандиты. Жизнь сделала их еще большими бандитами, и воспроизводят они бандитизм как среду своего обитания. В этом смысле они являются той самой прорвой, которая пожирает и будет пожирать страну до конца. Но эта прорва начала зарождаться еще в советском обществе.

Я уже вспоминал пьесу Розова «В поисках радости». Речь идет о семье, в которой отец погиб на войне. Есть мать, дочь, младший сын (его в фильме прекрасно играет молодой Табаков) и есть старший сын Федор, у которого жена мещанка. А сам старший сын должен был защищать диссертацию, заниматься наукой и вообще смыслами, но вместо этого жена заставляет его все время подрабатывать, чтобы покупать вещи. Она безумно хлопочет по поводу шкафов, шифоньеров и всего прочего, что, с точки зрения того, о чем я говорю, является естественной защитой человека от смертной болезни. Известно, что человек защищается от смертной болезни либо оргиями, разгулом и попытками набирания очков, либо безумным приобретением вещей. Он фактически баррикадируется в своих дворцах и домах от наступающей на него смерти гобеленами, каминами, картинами, шкафами, телевизорами, видеоманитофонами и всем остальным. Он набирает эти очки. Он понимает, что его личность скукоживается, ему надо в виде периферии набрать вот это «иметь». И «иметь» возникает как истерика тогда, когда «быть» перестает защищать от смертной болезни.

И вот типичный представитель этого потребительского раннего невроза, жена старшего брата, извиняясь перед матерью в связи с тем, что Федор совсем забросил диссертацию, говорит:

– Федя действительно сейчас имеет много дополнительной работы, но нам надо купить и то, и другое, и третье... Мне самой его жаль, но это временно – когда мы заведем всё...

И тогда в разговор вступает сестра этого Феди:

– Ты никогда не заведешь всё.

– Почему это?

– Потому что ты – прорва!

И вот эта очень корневая, очень жизнеспособная прорва, этот сорняк начал бурно расти еще тогда, потому что смыслы стали ослабевать.

А когда смыслы ослабевают, то слабеет человек с сильной смысловой мотивацией. Вот этот другой человек, для которого и была построена советская система, стал слабеть. Он стал

слабеть «внизу»: в рабочем классе, крестьянстве, в бюрократии, в номенклатуре, в армии – везде он стал слабеть.

И одновременно стал резко усиливаться сорняк, то есть человек с мощными корнями, который хочет иметь, а не быть. И который есть эта прорва.

Предательство Горбачева и Ельцина лишь вскрыло для прорвы фантастические возможности, и она ломанулась вперед.

Интеллигенция, которая должна была это сдерживать, на какой-то момент предательски перешла на сторону прорвы – на сторону криминала (я никогда не забуду, как Сергей Адамович Ковалев от лица правозащитников хлопотал за Япончика как за «противника советского режима»), на сторону наиболее корыстной и бездуховной части номенклатуры и на сторону всего этого табуна.

Они слились вместе и сформировали новый класс.

Интеллигенция разрушила смыслы, разрушила Идеальное. И тогда табун ломанул вперед... Он создал это сегодняшнее псевдообщество, этот регрессиум. Он возглавил его. Он стал его политическим классом.

Малую часть интеллигенции он кооптировал в себя в виде услуги, а другую часть он опустил так низко, как ни в одном обществе никто никогда не опускал никакую интеллигенцию. Она и получила от него то, что и должна была получить. И это – возмездие.

Теперь встает вопрос о том, как выходить из этого ужасного состояния?

Только на пути создания полноценной метафизики, восстановления метафизических вибраций, мощного смыслового поля, языка и коммуникаций. Только на основе придания совершенно нового качества тому целеполаганию, которое когда-то создало советское общество. Только на этом пути мы можем чего-то достичь.

Ключевой вопрос таков: в чем всемирно-историческая, общечеловеческая исключительность России? Есть она или нет? Да или нет?

Россия в ее сегодняшнем ничтожном, гибнущем состоянии, тем не менее до сих пор обладает не особенностями (особен-

ностями обладает любая страна), а всемирно-историческим значением и общечеловеческой исключительностью? Да или нет?

Никто, кроме нас, пока что не сказал о том, в чем это всемирно-историческая исключительность. А подменять разговор об этом – единственный ключевой, страстный, великий разговор – рассуждениями об особом пути... Особый путь – это когда весь взвод идет не в ногу, а господин прапорщик идет в ногу.

Вопрос о всемирно-историческом значении России, ее всемирно-исторической уникальности даже в момент, когда она находится на дне своего падения, – в ее исключительности!

В чем она?

В том, что лишь Россия во всем мире способна развиваться не так, как это предписано Модерном.

И у нее есть не просто абстрактная способность так развиваться.

У нее есть исторический опыт этого другого развития! Вековой исторический опыт!

Соответственно, надо говорить не об инаковости как таковой, не об особом, повторяю, пути, а о том, что Россия может развиваться, и именно развиваться, не по правилам Модерна. А все остальные страны могут либо развиваться по правилам Модерна, либо не развиваться вообще.

Соответственно, возникает вопрос: а почему бы и нам не развиваться по правилам Модерна? Это и есть вдруг забрезживший этак года четыре назад вопрос о модернизации.

Ну, во-первых, потому, что наша демократическая модернизация нарушает все правила Модерна. А во-вторых, потому, что, как мы говорили уже, Модерн сам по себе остывает и уходит с всемирно-исторической сцены.

И вот тогда оказывается, что желание России развиваться не по правилам Модерна – это не прихоть, это не русская дурь. А это всемирно-историческое спасение! Потому что мир без развития чудовищен – это мир Контрмодерна и Постмодерна. А развиваться по законам Модерна становится все более и более невозможным.

Значит, Россия является источником знания – конкретного знания – о том, как развиваться не по правилам Модерна. И не только знания! У нее есть опыт, что намного важнее знания. Опыт, доказывающий, что это можно делать. Это бесценный опыт.

Именно сейчас, на дне своего падения, Россия является спасителем человечества, потому что именно сейчас возникла всемирно-историческая задача развития за рамками Модерна.

Или развитие за рамками Модерна – или неразвитие, то есть фашизм и смерть. Вопрос стоит так остро, как никогда.

И именно потому Россию и хотят убрать с исторической сцены, что она остается возможностью развития в XXI веке – живым хранителем знания о том, как это надо делать. Она отделена сейчас от этого знания больше, чем когда бы то ни было.

Но что же внутри этого знания? И как это знание связано с утешительностью за рамками религии и со всем остальным, что и слагает Сверхмодерн?

Об этом мы поговорим в следующем выпуске.

1 ноября 2011 года

Выпуск №39

Меня упрекают иногда, и совершенно справедливо, в том, что я погрузился в общетеоретические рассуждения (хорошо бы еще только в общетеоретические, а то еще и в метафизические!) и не обращаю внимания на злобу дня.

Конечно, так вести себя нельзя. Я много раз говорил, что нельзя находиться все время в башне из слоновой кости. Просто я убежден, что эти метафизические рассуждения являются не абсолютно непонятным и ненужным аппендиксом, который вполне можно было бы отсечь, а именно стратегической осью в той борьбе, которую нам придется вести в ближайшие годы или во все следующее десятилетие. Поэтому я никоим образом не намерен это комкать. И вместе с тем я сознаю, что на животрепещущие проблемы отвечать надо.

Одной из таких проблем является то, что произошло с Каддафи. Что бы ни произошло!

У нас нет еще окончательного ответа на вопрос о том, что произошло. Кто-то говорит, что убит двойник, кто-то – что сам Каддафи...

Но представим себе худшее – что убит Каддафи. Вы омерзительные пленки, на которых показано, как его убивали, видели? Повторяю: я не утверждаю, что убит сам Каддафи. Но пленки – видели?

Вот всё это, вся эта мерзость придет сюда. Она обязательно придет. И чем быстрее она решит свои проблемы в дальних регионах, как когда-то она решала их в Испании или в Эфиопии (в Испании – Франко, а в Эфиопии – Муссолини), тем быстрее она придет к нам.

Тут есть совершенно очевидная прямая корреляция самого разного рода: нефтяная и не только.

Итак, она придет. И она придет в каждый дом. И к этому надо готовиться.

Во-первых, надо попытаться воспрепятствовать тому, чтобы она пришла, а это можно сделать, только правильно играя на дальних рубежах. А во-вторых, уж если она придет, надо давать отпор.

Отсюда – заповедь: не жаловаться. Не хныкать. Не писать бесконечные жалобы к тем, кто «в доле» по совершившемуся.

– Ах, давайте разгоним НАТО!

– Ах, давайте напишем письмо протеста...

Кому напишем письмо протеста? Кому? Кто НАТО будет разгонять?

Бандит, гангстер уже осадил весь дом, а вы кому пишете протест-то? Жильцам дома? Домоуправу? Кому?

В доме управляет гангстер. Гангстеру можно либо дать отпор, либо оказаться его жертвой – третьего не дано.

Поэтому вопрос сейчас не в том, чтобы писать письма протеста против того, что совершилось с Каддафи. Вопрос сейчас не в том, чтобы негодовать по этому поводу. Вопрос сейчас не в том, чтобы предаваться безумным, бессмысленным мечтам о роспуске НАТО.

Вопрос в том, чтобы здесь ковать победу. Ковать оружие борьбы и будущей победы. Здесь. Спокойно и быстренько. Потому что времени мало. Но не торопясь: поспешность нужна при ловле блох.

И чем бы я ни занимался в этой серии передач, какую бы тему ни обсуждал, я, по крайней мере, лично для себя кую это оружие. Потому что, если бы я не ощущал, что «пришла беда – открывай ворота», я бы вообще этих передач не вел. Не вижу в этом никакого другого смысла.

Но эта беда близка, и она стучится, напоминает о себе, в том числе и событиями в Ливии.

Итак, события в Ливии – это злоба дня, на которую надо отреагировать.

Но есть и другая злоба дня – выступления ряда глав государств по поводу сближения наших стран: Белоруссии, Казахстана, России; возможное сближение наше с Украиной, проблематичное, но возможное. Все это тоже очень важная злоба дня.

Нельзя не реагировать на нее, нельзя не анализировать, что там происходит, нельзя не содействовать тому, чтобы происходило то, что нужно. И я рассматриваю, например, передачу «Исторический процесс», где мы обсуждали Тимошенко, как содействие определенному развитию событий. Потому что, как все мы, наверное, видим, события могли развиваться так, что Россию с Украиной ввязали бы в конфликт. Причем ввязали бы в конфликт с политиками, представляющими Восточную Украину, Восток – нашу опорную территорию. Территорию, где нам симпатизируют больше, чем на Западе Украины. Нельзя с этими политиками вступать в конфликт. А высокопрофессиональные и очень высоко-статусные провокаторы на Украине пытались нас втянуть в подобный конфликт. И мы этого избежали. Частью работы по избеганию этого была и передача «Исторический процесс», посвященная Тимошенко.

Но была и другая работа. И работа эта кончилась и встречей между Азаровым и Путиным в Санкт-Петербурге, и встречей в Донецке между Медведевым и Януковичем. Процесс повернулся в нужную нам сторону. А он мог повернуться в опаснейшую для нас сторону. И это тоже практические дела. И таких дел много.

Нельзя не реагировать на происходящее, на всю эту актуальную политику. Мы должны на нее реагировать, и я не могу на сегодняшний момент изобрести отдельно передачу для подобных реакций – не считаю это нужным. Поэтому часть сегодняшней передачи я посвящаю подобным актуальным реакциям, после чего вернусь к основной теме.

Итак, мне говорят: «Есть ли реакция „Сути времени“ на то, что произошло в Ливии, на возможное убийство Каддафи или на то, что было представлено как это убийство?»

В газете «Известия» опубликована моя статья¹³ (начинается на 1-й полосе и дальше уходит на 10-ю), в которой события в Ливии и сближение наших государств, которые входили в бывший СССР, рассмотрены как некая совокупность взаимосвязанных событий, а не как нечто раздельное, существующее по принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Я убежден, что и события в Ливии, и многое другое подталкивают руководителей наших государств к тому, чтобы протрезветь и понять, что на какие-то вызовы можно давать ответы только сообща.

Никогда об этом главы государств сами напрямую не скажут. И правильно сделают. Но это не значит, что об этом не надо говорить. Потому что в противном случае возникает глубокое непонимание по поводу того, что мы делаем в плане ответа на ливийские безобразия, делаем ли мы хоть что-то и что мы можем делать по максимуму. Потому что все, что мы сейчас делаем, мы делаем, конечно, по минимуму.

Итак, я просто зачту вначале свою статью, которая посвящена одновременно сближению наших государств, произошедшему в последнее время, или тенденции к сближению. Даже если это имитация сближения, это не имеет никакого значения, потому что в таких случаях все начинается с имитации, а потом может приобрести другой характер, и это уже будет не вполне имитация.

Итак, эта статья посвящена сближению наших государств, произошедшему в последнее время, и одновременно событиям в Ливии.

«Я понимаю, насколько объективно несвободны главы государств, обсуждающие вопросы интеграции. Они несвободны, потому что „положение обязывает“. Потому что их слышит весь мир. Потому что каждое их слово может быть

---

13 Кургинян С. Не говорите мне, что можно только проклинать вазу, оплакивать ее или склеивать суррогат // Известия. 26.10.2011. <http://www.izvestia.ru/news/505015#ixzz1pl5Qlu5i>

задействовано против них оппозицией. Потому что они политические тяжеловесы и в принципе не могут позволить себе чрезмерно острых высказываний, не соответствующих их высочайшему статусу. И так далее.

Все это я прекрасно понимаю. И у меня действительно нет никаких претензий ни к статье Путина¹⁴, посвященной интеграции, ни к статьям Лукашенко¹⁵ и Назарбаева¹⁶, посвященным этому же вопросу. Не потому у меня их нет, что я хочу сказать что-нибудь приятное данным политикам. Были бы у меня такие претензии, я бы их обязательно высказал – корректно и жестко. Как и всегда. Но у меня в данном случае претензий действительно нет.

Кроме того, я понимаю, насколько в нынешней ситуации необходимо быть осторожными, коль скоро хочешь реального сближения частей распавшегося государства...»

Это, между прочим, понимаешь, как только приезжаешь куда угодно: на Украину, в Казахстан... Ты понимаешь, что одно только резкое слово на тему «все, ребята, возвращаемся в прошлое...» – и там реакция очень острая, гораздо острее, чем в России. И, в общем-то, понятно почему. Почему именно, я сейчас прочитаю.

«Суверенитет – вещь соблазнительная для очень и очень многих. Как для элиты, между прочим, так и для народа. Поэтому считается, что распад империи в принципе необратим. Распавшиеся части, вкусив от суверенитета (и, в особенности, если это малые части, считавшие себя зависимыми. – С.К.), влюбляются в него (в этот самый суверенитет) и ни за что не согласны на то, чтобы с ним расстаться. Одно неосторожное слово – и сближение превратится в свою противоположность. Это касается любого, кто говорит на эту тему. А уж глав государств – тем более.

Все так. Но я не глава государства, не высокопоставленный чиновник, не лицо, облеченное какими-либо полномочиями.

---

14 Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 03.10.2011.

15 Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. 17.10.2011.

16 Назарбаев Н. Евразийский Союз: от идеи – к истории будущего // Известия. 25.10.2011.

И потому, в отличие от прочих, имею право говорить о том, о чем эти прочие права говорить не имеют.

Когда разбилась ваза... или ее разбили... словом, когда вы видите на полу осколки чего-то, что было вам дорого, – что вы будете делать?

Первый вариант – выкидывать осколки в помойку.

Второй вариант – использовать осколки, притворяясь, что они лучше, чем ваза. Вазой, например, ничего нельзя нацарапать на стене, а осколком можно.

Третий вариант – склеивать осколки.

Спросят: „Каким клеим?“ Это, в общем-то, хорошо известно. Клеим интересов – экономических, социальных и иных. Нам выгоднее иметь общее экономическое пространство? Да, выгоднее. Ну, так давайте его сделаем! Нам выгодно отсутствие визовых ограничений? Нам выгодно еще и вот это... это... это... Так осторожно накладывается клей выгод и интересов на осколки бывшей империи Карла Великого, она же будущая Объединенная Европа. И вот уже и валюта одна... и парламент обций есть... и пространство безвизовое... да мало ли еще что.

Но только все помнят – жила-была ваза. Называлась – великий Рим. Потом ваза разбилась. И вместо нее – со страстной оглядкой на нее – создавались другие „вазы“. Создатели – Карл Великий, Карл Пятый et cetera – все время оглядывались на оригинал, создавая копии. И вместе с тем вместо античного стекла (из которого была выдута ваза под названием «Древний Рим». – С.К.) использовали новое стекло – христианское.

В распоряжении де Голля или Аденауэра не было уже этого «стекла». (Мир был уже светским, распавшимся на национальные государства. – С.К.) Но было точное понимание необходимости создания вазы из осколков под названием Франция, ФРГ и так далее. Осколки начали склеивать. И склеили, причем далеко не худшим способом.

Но ведь всем понятно, что ваза, склеенная из осколков, – это суррогатная ваза. И прочность не та, и швы видно, и воды в вазу не нальешь – протекает. А даже если не протекает,

то... Словом, всем понятно, чем вещь, склеенная из осколков, отличается от неразбившейся вещи. Понятно, правда?

Спросят: „И что же вы предлагаете? Не склеивать? Оставить осколки валяться на полу XXI века?“

Нет и еще раз нет. Я буду поддерживать любую попытку что-то склеить. Я понимаю, как эти попытки важны для народов нашей страны. (Ну, если будет создан хотя бы Таможенный союз, то действительно экономические выгоды большие. Это не только экономические выгоды, это и другое, очень многое, что действительно нам нужно. – С.К.) Я понимаю также, в чем альтернатива этим попыткам. (НАТО у Смоленска – альтернатива такова! – С.К.) И наконец, я понимаю, что живые системы сильно отличаются от неживых. И потому моя метафора вазы условна. Как, впрочем, и любая метафора. (Достаточно хоть немного сблизить живые части, если там есть еще какая-то память об общей жизни, – они могут вот так вот схватиться... – С.К.)

Но только не говорите мне, что других вариантов просто нет. Что есть лишь три варианта: (1) выбросить осколки в помойное ведро, (2) восхвалять „драгоценную“ осколочность (вот эти суверенитеты. – С.К.), противопоставляя ее „омерзительной“ целостности (СССР. – С.К.), и (3) склеивать осколки между собой (экономическим клеем. – С.К.).

Есть четвертый вариант. Разжечь огонь. Позвать стеклодува. Кинуть в огонь осколки. Расплавить стекло. И выдуть из расплавленного стекла новую вазу. Спросят: „Что еще за огонь? Небось, опять вы о какой-нибудь мистике?“ (Метафизике. – С.К.)

Ни Боже мой! Речь идет о предельно конкретных вещах. Таких конкретных, что дальше некуда. И все главы государств прекрасно понимают, о чем именно идет речь. Только говорить они об этом не имеют права в силу обременяющей их статусности. А меня, повторяю, статусность не обременяет никоим образом. И говорить я имею право – что с меня взять-то, с театрального режиссера? А поскольку я убежден, что говорить об этом надо и что ничто в России не сотворится без огня, то я и скажу.

Убит Каддафи или нет – я не знаю. Но только я знаю точно несколько вещей, имеющих прямое отношение к исторической судьбе народов прежде единого государства, к судьбе наших элит и наших абсолютно незлитных сограждан. И я их хотя бы перечислю.

1. Бомбардировки Ливии – это мерзость и глупость.

2. Каддафи – это герой. Мир еще не забыл, надеюсь, что такое герои. И чем они отличаются от мрази. Герой может пасть от рук мрази. Но мразь – это мразь, а герой – это герой. Не хочу говорить, что Каддафи – последний герой, потому что верю, что есть и другие. Но то, что он герой, это точно. Кстати, он никогда для меня героем не был и стал им только после того, как я увидел, как ведут себя другие, оказавшись под пятой мрази, могущественной пока еще при всей ее глупости и подлости. (Когда я увидел, как себя в Тунисе повели, в том же Египте, я понял: Каддафи – это действительно герой. Это человек другой породы. Это другой металл. Другой нрав. Другая диаграмма ценностей. Другое представление о должном. Это нечто совсем другое, заслуживающее всяческого восхищения. Какие бы разногласия ты ни имел по поводу Джамахирии или чего-нибудь еще. В любом случае – это герой. – С.К.) И как отличается поведение Каддафи от поведения других. (И тогда же публично сказал, что это герой. И что бы с ним ни случилось, он все равно герой. – С.К.)

3. Я не знаю, убили ли Каддафи. Скорее всего, убили. Ну, что ж! Герой пал от рук мрази. Борьба с мразью продолжается и носит неотменяемый характер. (Только не надо жаловаться на мразь. Бороться можно, а жаловаться не надо. – С.К.)

4. Выставить тело Каддафи в каком-то холодильнике в супермаркете – это уже не выходка мрази. Это поступок нелюди. Надо приличным людям объяснять, чем мразь отличается от нелюди? Тем же, чем смрад помойки отличается от смрада ада. Так вот, веет натуральным и стопроцентным адом.

5. На место Каддафи приводят „Аль-Каиду“, понятно? Случайно такие трюки не исполняются. Я знаю регион и говорю стопроцентную правду. Французские легионеры, британские спецназовцы, блестящие офицеры ВВС НАТО – все

они вместе тащат за собою гостей из ада. Они их тащат в Ливию и не только. Понятно, чем это чревато?

6. Гости из ада процветания в Ливии обеспечить не могут и не хотят. Вместе с западной нелюдьёю они разграбят Ливию. Народ будет жить раз в 10–15 хуже, чем он жил при Каддафи. То же самое повторится в других странах. Гости из ада процветание в Египте не обеспечат. Все будет гораздо хуже, чем при Мубараке. Мир упорно тянут в третью мировую войну. Гости из ада, идущие рука об руку с западной нелюдьёю, – это стопроцентные гитлеры XXI века. Только более изощренные и подлые. Вот и все. (Но не надо жаловаться на Гитлеров. С ними надо воевать всеми средствами, какими можно: информационными, идеологическими, интеллектуальными и иными. И готовиться к другой войне. Это всё надо делать. А жаловаться на них бессмысленно. – С.К.)

7. Свободный мир показал, что он такое. Свободные средства массовой информации, способные донести правду до западной и мировой общественности? Как же, как же... (Все видим, как лгут. Все видим, как брешут. – С.К.) Все видим. Павлины, говоришь? Ха! За ненадобностью отброшены даже лживые приличия. Всё заголилось. И все увидели, как оно заголилось. Все, кто прозрел. И наша задача, чтобы прозрели еще очень и очень многие...»

Люди должны прозреть до конца раньше, чем начнется заваруха, намного раньше. И ради этого все передачи: «Исторический процесс», «Суть времени» или «Суд времени». Ради этого создание организации, ради этого любые виды работ: социологические исследования, концептуальные исследования, школы, нами проводимые, другие наши инициативы – все это только ради того, чтобы предуготовить. И чтобы прозрели не единицы, не сотни тысяч, не миллионы, а вся страна. И, когда она прозреет вся, ситуация будет совсем другая. Распространение идей – это не мелочь, это не забава. Это и есть борьба, главная борьба XXI века. Только нужно понимать, какие идеи ты распространяешь и почему эти идеи могут и должны победить, а другие идеи и не могут, и не должны победить. А главное – не могут.

Итак, нужно, чтобы прозрели еще очень и очень многие.

«8. Мерзость нынешней ситуации заключается в том, что нельзя провести четкой грани между самой грязной геополитикой и элементарной международной мафиозностью. Был один проворовавшийся в Техасе банкир. (В нефтяном банке он проворовался. – С.К.) Его миллиардные долги покрыл один восточный властитель. Потом банкир дорвался до власти и „замочил“ властителя. Это геополитика? Или элементарный бандитизм? А если до власти дорвался французский коллега этого банкира? Или итальянский? И они „мочат“ своих кредиторов из Северной Африки? Это геополитика? Или...»

9. Международный гангстер, международная элитная мразь, сплотившаяся вокруг него, вошедшие в альянс с этой мразью нелюди не успокоятся. Они придут к нам в дом. Очень скоро придут. Главы государств, которых я, повторяю, вовсе не осуждаю за сдержанность, сколько угодно могут говорить о просвещенности интеграционных инициатив. Но если они не впали в сладкую кому, то перспектива оказаться трупами, лежащими на обозрении в супермаркетах, должна быть им ясна. Но не менее ясна и перспектива народов. Хорош был или нет Мубарак, но то, что будет без него, окажется многократно хуже. Хорош был или нет Каддафи, но то, что будет без него... это нечто!

А ведь, кроме НАТО на Западе, у нас на Востоке есть еще неумолимо растущий Китай, а на Юге – разогреваемый западной мразью радикальный исламизм (прошу не путать с исламом). И все по нашу душу, не так ли?

Словом, объединяемся мы (пока еще слишком робко), дабы не оказаться сброшенными в ад. А это и есть хотя бы самый грубый вариант огня, позволяющего переплавить стекло и создать новую вазу. Есть еще много тонких огней. И тончайших...»

Их-то мы здесь и обсуждаем, а не абстрактные вопросы какой-то там мистики и метафизики. То, что мы обсуждаем, это и есть огонь. Огонь нужен не ради самого огня, не для того, чтобы греться, не для того, чтобы свечи зажигать, не для того, чтобы шептать какие-то заклинания. Это огонь,

которым надо расплавить стекло и успеть выдуть новую вазу – настоящую, прочную, еще более прекрасную, чем предыдущие. Вот для этого нужен огонь. Нужны и грубые огни, которые я перечислил в своей статье, и те тонкие огни, которые я здесь обсуждаю. Потому что без этого не будет ничего. И все, кто считает, что проблему можно решить быстро и на скорую руку, подменяют дело выплавки новой настоящей вазы суетой вокруг осколков. Но даже склеить их по-настоящему не смогут.

Итак, кроме трех возможностей – оплакивая осколки, выбрасывать их в помойку; ковыряться каждым из них в стенках; склеивать их, – есть еще одна возможность, связанная с огнем и переплавкой.

«Так что не говорите мне, что четвертого варианта нет. И что можно только проклинать вазу, оплакивать ее или склеивать суррогат. Есть и другая возможность. Она маячит за осторожными действиями тех, кто сейчас аккуратно движется навстречу друг другу. И это правильно, что действия осторожны. Это правильно, что они аккуратны. Это правильно, наконец, что те, кто двигается, не договаривают до конца. Что они обсуждают третий вариант и как бы отрицают четвертый.

Но есть он, повторяю, этот четвертый вариант. И именно он стучится в двери нашего, ранее общего, дома. Дома, которому придется или вновь стать общим, или сгореть в пожаре, по отношению к которому ливийский ад еще покажется детской шалостью».

Это первое, на чем я должен был остановиться, помимо продолжения обсуждения тонких огней, с помощью которых только и можно расплавить стекло и изготовить новую вазу.

Меня спрашивают: «Что мы будем делать в связи с выборами?»

Честно могу признаться, что для меня выборы никак не являются краеугольным событием нашей политической жизни. Все, что я хочу, в принципе, по минимуму, это невмешательства в борьбу существующих сил и предоставления всем членам

клуба «Суть времени» абсолютного права поддержать те силы, которые им симпатичны. Пусть они поддерживают те силы, которые им симпатичнее, ибо любая другая моя позиция позволяет сказать, что я набираю некие силы и некое доверие и накачиваю мышцы ради того, чтобы потом ударить по врагам власти. А я ни по кому ударять не собираюсь.

Недавно Караулов показал в своей программе отрывок из передачи, в которой я когда-то что-то говорил о Зюганове. Я ни от одного слова не отказываюсь, только хочу, чтобы все понимали, что это было сказано четыре с лишним года назад. Четыре с лишним! У меня там даже габариты другие, в этой передаче.

Я молчу. Я всё скажу. После марта я всё скажу. Не только повторю все, что говорил ранее – 4 года назад, а также 17 лет назад (в 1994 году). Я с тех пор говорю одно и то же. Я, может быть, еще разовью эту тему, но потом.

А сейчас я считаю, что минимальный принцип – это принцип невмешательства, непредопределения. Каждый голосует так, как хочет.

Мы собрались здесь для разработки мировоззрения. Мы собрались для отпора определенным, очевидно деструктивным тенденциям. В основном, все действуют так, как хотят. Наша структура пока еще сетевая. Мы еще не сформировали никаких достаточно жестких структур. Мы только приступаем к этому. Мы обязательно их сформируем. К лету уж обязательно. А сейчас – очередной этап работы, и на этом этапе работы пусть люди голосуют так, как они хотят.

Но это программа-минимум.

А есть и программа-максимум. Она изложена в документах, предложенных для рассмотрения членам нашего клуба. Пока это только предмет дискуссии.

«Друзья!

Все мы хотели бы, чтобы в ходе нынешних выборов родились новые стратегические идеи. И все мы понимаем, что шансы на подобное крайне невелики. Скорее всего, выборы опять окажутся отданными на откуп так называемым

политтехнологам. Скорее всего, никакой полноценной национальной дискуссии в ходе выборов не произойдет. И, наконец, скорее всего, главная тема нашей политической жизни – тема поиска выхода из стратегического тупика, в котором мы оказались, – не станет консенсусной. А значит, не станет и по-настоящему ключевой. Одни сведут ее к дежурным оппозиционным сетованиям. Другие же попытаются замолчать...»

Лично я убежден, что работа начнется тогда, когда все – от ведущих властных политиков до оппозиции, от элиты до бабушек на скамейках – будут понимать, что сформировался стратегический тупик. И каждый будет говорить об этом на своем языке – сложном или простом. Вот тогда начнется работа. Почему возник тупик? Кто туда завел? И как из него выйти? И это понимание скоро наступит. Мы все на это работаем. Но пока что этого не произошло.

Так вот, когда это произойдет, *«это породит новую волну общественного недовольства. К недовольству, связанному с тем, что голоса будут делить лица, не сходящие с экранов по 10–15 лет, добавится и другое недовольство. Которое окажется сродни предперестроечным настроениям, легко переводимым в русло настроений антигосударственных. Можно ли этого избежать?»*

Шансы на это невелики. Но все имеющиеся шансы связаны с преодолением пропасти между политическим классом и народом...»

Кстати, если вы читали стенограмму интервью Путина руководителям телеканалов, а также статьи тех, кто сейчас конкурирует на площадке под названием «выборы», – вы, наверное, заметили: встает очень серьезный вопрос о том, что такое представительная демократия. И чем она отличается от прямой демократии – более глубокой. Мы все понимаем, что демократия, которая будет сформирована в результате выборов, окажется рамочной, весьма усеченной. И все – по крайней мере, на словах все – хотели бы перекинуть мост между этой демократией и чем-то другим. Но это нельзя делать, создавая общественные палаты, в которых власть назначает

людей, чтобы им быть общественниками. Это не проходит. Так нельзя ли предложить что-то другое? Нельзя ли предложить реальный способ перекинуть подобный мост?

«...Перекинуть мост через эту пропасть очень трудно. Но если всерьез пытаться решить подобную наитруднейшую задачу, то путь тут только один. Формирование широкого альтернативного народного представительства, категорически не ставящего перед собой никаких антиконституционных целей, стремящегося укрепить, а не подорвать Конституцию, не претендующего на роль альтернативной антиконституционной власти.

Но зачем тогда вообще создавать нечто подобное?

Для того чтобы оказывать воздействие на ситуацию. Для того чтобы одни силы не скомпрометировали священные принципы широкого народного представительства, широкого общественного участия в политике созданием карманных бюрократических «палат», а другие силы не превратили эти принципы в инструмент демонтажа страны.

Мы предлагаем на ваше рассмотрение идею широкого конструктивного, конституционного народного представительства. Такого представительства, которое воплотит, а не скомпрометирует идеал подлинной высокой гражданственности.

Идея эта состоит в том, чтобы попытаться сформировать Народный Конгресс (вместо ручной Общественной палаты. – С.К.) Суть формируемой структуры изложена в Обращении, которое предлагается на ваше рассмотрение.

Внесите до 7 ноября 2011 года свои предложения и дополнения к этому Обращению. Давайте свои оценки самой нашей идее. Мы не хотим действовать помимо вас. И начнем действовать только при широчайшей и активнейшей вашей поддержке.

Вот текст предлагаемого для обсуждения Обращения.

ОБРАЩЕНИЕ

Как все мы видим, выборы проходят в условиях апатии. Налицо исчерпанность идей, идеологий, политических моделей и многого другого.

В этой ситуации высока вероятность отпадения народа не только от существующей политической системы, но и от чего-то большего. Именно так это происходило в конце 80-х годов прошлого столетия.

Для того чтобы подобная апатия не превратилась в „перестройку-2“, нужно укрепить связь между широчайшими народными массами и общенациональной политикой. К чему, кстати, все призывают, не предпринимая никаких практических шагов в этом направлении, но все время апеллируя к народности в разных ее модификациях.

Нам представляется важным сформировать Народный конгресс. Он должен восстановить обратную связь между политическим классом и народом. В конгресс должны войти тысяча организаций, собравших в поддержку своих программных заявлений не менее 100 тысяч подписей (каждая)...»

Сколько людей придет на выборы при том, что явка будет минимальной? Сколько? Половина страны? А другая половина страны остается безгласной? Вот пусть хотя бы эта половина, а лучше вся страна, сформирует настоящую общественную палату, то есть Народный Конгресс, а не карманные структуры и не уличные палаточные лагерьки. Вот пусть она это сформирует. Для этого должна найтись тысяча общественных структур, готовая собрать по 100 000 голосов. Вот вам и есть 100 миллионов. Найдется эта тысяча? Если это будем только мы, то программы-максимум не существует.

Тогда я могу сказать одно: каждый должен голосовать по зову своего сердца, а не по директивам Политического центра. Каждый голосует, как хочет. Важно не скомпрометировать себя в ходе этих выборов. А главная политическая борьба начнется после них. Если не по прямому ливийскому сценарию, то по очень похожему. И надо побережь силы для этой борьбы. Вот это минимальная программа, которую я готов

отстаивать, а максимальная уже зависит не только от меня и «Сути времени». Она зависит от того, найдется ли тысяча самых разных организаций, сколь угодно враждебных нам, каждая из которых готова собрать 100 000 подписей за себя. А затем представители каждой из таких организаций соберутся в одном зале на тысячу мест. Не для того, чтобы заняться деструкцией, а для того, чтобы сформировать настоящую национальную повестку дня. Всерьез. Вот найдется тысяча организаций, готовых на это? Не входящих в союз с нами, не строящих с нами каких-либо отношений. Если найдется, мы готовы быть одной из таких организаций. Но если мы станем единственной организацией – ну, мы соберем 100 000 за себя и даже больше – и что?

Если этот призыв – зов вопиющего в пустыне, то все очень плохо. Но если есть люди, которые действительно грезят о прямой демократии, если есть люди, которые действительно ужасаются тому, как сужено электоральное поле, то пусть эти люди не ужасаются и не грезят, а действуют вместе с другими. Мы предлагаем, как надо действовать. И хотим понять, услышали ли нас? Мы, конечно, хотим быть услышанными. Но, если нас не услышат, это тоже что-то. Потому что эти слова я произношу сегодня – в начале ноября. А впереди ноябрь, потом декабрь... Потом будет март. А потом начнется все самое главное. И пусть никто не говорит, что не обращались, не предупреждали и не предлагали, что именно надо делать – подчеркиваю, отвечающее всем конституционным нормам, всем нормам гражданского общества, которыми все умиляются, которые все якобы хотят у нас получить, ни одного практического шага к этому не делая; и всем нормам прямой демократии.

«... Тем самым конгресс, если его удастся собрать, по определению будет репрезентативным. Не подменяя собой конституционные органы власти, он может сделать политическую систему более открытой и динамичной. В этом наша основная идея – не антагонизм, а альтернативность. Не анти, а альтер...»

Все боятся альтерглобализма. А антиглобализма никто

не боится, потому что все понимают, что антиглобализм действует как дополнительная часть глобализма. Глобализму нужен антиглобализм, постмодерну нужен контрмодерн. И все они действуют вместе. А вот альтерглобализм – это нечто другое.

Так же и тут: чем больше будет антиинициатив, тем больше они будут существовать как единое целое вместе с сужающейся властной верхушкой, по принципу «тяги-толкай», и работать на деструкцию. А вот альтернативный принцип может сработать созидательно, если хватит сил. Не наших – у нас их хватит, а у тех других, кто скорбит, вопиет и пальцем о палец ударить не хочет. И занимается ерундой. Вот если эти люди внемлют нашему призыву и не в наших интересах, а в своих собственных займутся делом, может быть, что-то и получится.

...Мы убеждены, что реализация этой инициативы могла бы самым мягким из возможных способов преодолеть угрозу политической апатии. При том, что подобная апатия, как мы знаем из своей истории, достаточно быстро оборачивается самыми катастрофическими последствиями.

Никоим образом, не стремясь доминировать в подобной широкой общественной деятельности (которая бессмысленна, повторяю, если тысяча других гражданских субъектов – 999 – не включатся в нее же. Или хотя бы 555. – С.К.), мы готовы воздействовать на происходящее силой личного примера, собрав 100 тысяч подписей под нижеследующим политическим заявлением.

Мы ждем, чтобы другие сделали то же самое.
С.Е. Кургинян

Дальше – само заявление.

ЗАЯВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОНГРЕССА

Руководителям всех политических партий России, президенту РФ, Федеральному собранию РФ!

20 лет наша страна пытается идти по пути построения капитализма. Это долгий срок. И мы имеем право оценивать степень соответствия этого пути фундаментальным интересам страны. Ведь за срок, гораздо меньший, социалистический проект позволил превратить СССР из аграрной страны в страну индустриальную. И – одержать победу во Второй мировой войне.

Так что же нам дали последние 20 лет? Постараемся оценить это объективно, без идеологической предвзятости. И признать, что обещания роста производства, совершенствования качества этого производства, внедрения новых технологий, перехода на новую постиндустриальную фазу развития оказались невыполненными. Ведь об этом, согласитесь, говорят все! Если нас призывают к модернизации после 20 лет строительства капитализма, значит, модернизации нет. Но что же есть?

По сути, есть прямо обратное – демодернизация. Дегградация индустрии, сельского хозяйства, науки, техники, образования, культуры. В науке подобное называется системным регрессом.

Давайте хотя бы признаем его наличие! И начнем искать средства борьбы с подобным опаснейшим системным заболеванием! Давайте перестанем утешать себя тем, что вот-вот все наладится. Давайте перестанем запрещать самим себе апелляцию к своему историческому опыту по той лишь причине, что этот опыт скомпрометирован ужасами сталинизма. Давайте перестанем слепо копировать другие страны и культуры. Давайте снова поверим в то, что наша страна способна двигаться вперед лишь под водительством великих смыслов. Что лишь тогда сотворится в стране то, что когда-то весь мир оправданно называл «русским чудом».

Давайте признаем также, что из всех возможных путей нами 20 лет назад был выбран самый худший – путь построения криминального капитализма.

Давайте признаем, что 20 лет назад произошло не освобождение России от «чудовищных оков советизма» и возвращение в «лоно мировой цивилизации», то есть в капитализм, а катастрофа. Именно катастрофа, потому что это не было простым изменением политического строя и экономической модели, это было не имеющим аналогов в истории человечества добровольное отречение от созданного гигантскими усилиями и гигантскими жертвами великого государства. Отречением от своего исторического пути.

Давайте признаем: сейчас Москва во многом живет за счет остальных регионов России, процветание США и Западной Европы напрямую связано с нищетой всего остального мира.

Давайте, трезво посмотрев в глаза реальности, признаем хотя бы теперь, что нас, отказавшихся от своего исторического пути, не примут в команду избранных. СССР был альтернативой превращению России в страну периферийного капитализма. И поэтому, отказавшись от советского проекта, мы постепенно становимся страной третьего мира.

Признаем, что теперь мы живем в стране, где все перевернуто с ног на голову: самые отрицательные человеческие качества возводятся в ранг добродетели, а честность, верность и преданность высмеиваются; казнокрады и нечистые на руку дельцы катаются словно сыр в масле, а учителя, врачи, ученые, военные и многие другие честные люди, трудящиеся на благо Родины, балансируют на грани выживания. В то же время мы видим, как те, кто стоит у кормила страны, два десятка лет совершают бессмысленные, чуждые нам политические ритуалы, но не понимают или просто не хотят понять, куда править, забывая простую истину: «Горе тому кораблю, который не знает, куда он плывет, ибо нет ему попутного ветра». Очередная, грядущая предвыборная кампания может превратиться в тризну по стране, если после нее, как это всегда происходило раньше, ничего не изменится.

Дело усугубляется еще и тем, что и сама современная система мироустройства становится крайне неустойчивой: мировая экономика, подсаженная на иглу безудержной эмиссии американских долларов, идет в тупик; США теряют одну позицию за другой, уступая их странам Юго-Восточной Азии и Китаю. Возникло противоречие между ослабляемой экономической мощью США и их военным превосходством. Все чаще они решают свои проблемы силовыми методами. Сначала была Югославия, затем Ирак, теперь Ливия. Следующими могут быть Иран, Белоруссия, а затем и Россия.

Тонкая нить удерживает нас на краю разверзшейся перед нами бездны регресса. Нить эта – советское наследие. Это наука и техника, образование и просвещение, армия и флот, заводы и предприятия Великой страны. И эта нить, удерживающая нас от последнего губительного шага, становится все тоньше и тоньше. Но, пока она не оборвалась, пока тонкая грань между жизнью и смертью еще не пересечена, у нас есть надежда и возможность все исправить.

Мы не хотим быть «Иванами, не помнящими родства», без прошлого и будущего. Мы хотим быть людьми, достойными своих великих предков. Предков, которые построили Великую Империю, победили величайшее зло в истории человечества – фашизм и водрузили красное Знамя Победы над рейхстагом, первыми покорили космос. Предков, которые стремились в будущее с чистыми помыслами. Как и они, мы сами хотим творить свое будущее!

И потому мы убеждены, что для того, чтобы разверзшаяся перед нами бездна регресса не поглотила нас и нашу страну уже завтра, чтобы обратить этот губительный процесс вспять, необходимо срочно предпринять решительные действия. Сделать это надо независимо от того, какие мировоззренческие взгляды и политические идеалы будут у тех, кто окажется у власти в нашей стране.

По нашему мнению, для предотвращения краха страны необходимо в кратчайшие сроки предпринять следующее:

1. Ввести жесткие наказания за вывоз капитала из страны.
2. Ввести меры поощрения тем, кто ввозит капитал в

страну и использует его созидательно на нашей территории.

3. Восстановить справедливость, превратив то, что было создано трудом наших отцов и дедов, в ядро государственной экономики, позволяющее сформировать необходимые средства для обеспечения безопасности и обороны, развития науки, техники, культуры, для социальной защиты граждан...

(Итак, все то, что дает экспортный доход, что было создано трудами наших отцов и дедов, что представляет собой советское наследство и эксплуатируется сейчас в частных интересах, должно быть национализировано. И мы должны найти такую бюрократию для управления этим национализированным ядром, которая не будет воровать. И предпринять такие меры по отношению к этой бюрократии, которые не позволят ей воровать. Мы должны найти способы директивного, планового управления этим ядром, которое и должно собрать львиную часть бюджета, позволяющего развернуть новые программы в науке, технике, образовании, здравоохранении, культуре и так далее.

И это первая часть задачи. – С.К.)

4. Предоставить тем, кто стремится осуществлять созидательную предпринимательскую деятельность, все возможности за пределами ядра национальной экономики. Для этого освободить от части налогового бремени созидательную часть рыночно-предпринимательского сектора. Жесточайшие пресекая при этом все поползновения этого сектора на разрушительный криминальный способ обогащения.

5. Дать возможность крупному капиталу действовать на паях с государством, развивая труднодоступные регионы, решая крупнейшие государственные задачи.

(Пожалуйста, 50 на 50. Вы хотите развивать Восточную Сибирь, Камчатку, Чукотку, Сахалин, другие труднодоступные районы, строить дороги, вкладывать деньги в труднодоступные месторождения? Пожалуйста. Вы получите с этого большую прибыль, гораздо большую, чем в других частях мира, и государство вас поддержит. Но это производится по принципу 50 на 50. Государство контролирует 50% результата и поддерживает вас в этом начинании. – С.К.)

6. Восстановить высокий приоритет культуры, свойственный России на протяжении столетий, остановить вал антикультурной псевдорыночной продукции.

7. Предоставить средства массовой информации все возможности для организации полноценной, свободной национальной дискуссии по ключевым проблемам жизни страны. Вырвать СМИ из лап олигархии и бюрократии. Наполнить благородные слова «информационная свобода» народным, то есть подлинно демократическим, содержанием.

8. Не отрицая рыночные принципы во всем, что касается среды, в которой они должны быть сохранены и даже усилены, восстановить директивное плановое развитие в сфере ключевых национализированных секторов экономики. Применять при этом новейшие достижения современной теории планового хозяйства (экономической кибернетики). Обеспечить сопряжение директивно-плановой и рыночной сферы, ставя во главу угла высшие приоритеты развития страны.

9. Восстановить общемировые справедливые нормы повышенной оплаты труда квалифицированных специалистов. Восстановить высокий социальный и экономический статус ученых, инженеров, высококвалифицированных рабочих.

10. Ликвидировать постыдную беспризорность. (И учиться надо на советском опыте. – С.К.)

11. Предпринять чрезвычайные меры во всем, что касается массовых заболеваний, наркомании и прочих порождений «невидимой руки рынка», обрушившихся на нас в последнее двадцатилетие.

12. Резко повысить минимальный уровень оплаты труда.

13. Наполнить реальным содержанием принцип социального государства, вернув людям бесплатное образование и здравоохранение.

14. Признать, что доходы подавляющего большинства российского населения и значительной части российского хозяйственного потенциала исключают потребление продукции и услуг естественных монополий по так называемым мировым или «равнодоходным» ценам. В связи с этим пересмотреть

государственную политику тарифо- и ценообразования естественных монополий.

15. Признать, что вопиющая бедность большинства российского населения несовместима с жизнью России в XXI столетии. Приоритетно разработать и реализовать государственные программы борьбы с бедностью.

16. Уйти от плоской шкалы налогообложения, заставив богатых социально отвечать перед ущемленными слоями населения.

17. Предпринять тактичные, но гораздо более настойчивые действия, позволяющие форсировать постсоветскую интеграцию.

18. Внести в Уголовный кодекс изменения, предполагающие введение пожизненного заключения за хищения в особо крупных размерах и вымогательство, а также распространить процедуры конфискации имущества на лиц, осужденных за хищения.

19. Вернуть массовую практику строительства муниципального жилья для малоимущих граждан, введя, с целью предотвращения злоупотреблений при его распределении, запрет на приватизацию такого жилья, получаемого бесплатно.

20. Поставить во главу угла государственной социальной политики всемерную поддержку материнства и детства. Преодолеть на этой основе демографическую депрессию.

21. Осуществить развитие пустеющих регионов Дальнего Востока и Сибири. Качественно изменить структуру производительных сил страны.

Вот под этим должно стоять 100 000 подписей, если после дискуссии, которая развернется с завтрашнего дня, мы признаем, что это является приоритетным направлением нашей деятельности на ближайшие месяцы.

Я лично убежден, что подобные заявления необходимы, но у меня есть сомнения в том, что нас поддержат в достаточном объеме в стране, чтобы мы могли сформировать то, что хотим, – Народный Конгресс или Общественную палату подлинного образца.

Без поддержки других это «глас вопиющего в пустыне». Но даже этот глас необходим. Потому что это и наше представление о том, с чем надо идти на выборы. Мало сказать: «Знаете, голосуйте, как хотите». Надо выдвинуть свое представление о должном. Кроме того, мы призвали во всеуслышание других. И мы ждем ответа. Мы хотим понять, кто откликнется. Сколько еще вокруг субъектов. И пусть завтра эти субъекты не говорят, что им не было сделано предложение. И пусть они не говорят о том, что не было никаких конструктивных, крупных идей. Это крупнейшая идея, отвечающая на массу вопросов, включая те, которые сейчас подняты акциями «Оккупируй Уолл-стрит». Потому что о чем идет речь в этих акциях? О прямой демократии! О гораздо более эффективной демократии в сочетании с анализом посткапиталистических перспектив.

Вот и мы говорим о том же самом. И говорим об этом на языке действия. Инициатива есть. И это очень важно, как в случае, если она будет поддержана (чего, конечно, бы хотелось), так – в меньшей степени, но тоже важно – в случае, если это не будет поддержано. Потому что жизнь не кончается ни декабрьскими, ни мартовскими выборами. В любом случае, давайте это обсуждать. Много говорится о том, что мы ничего не обсуждаем или занимаемся какими-то не теми вопросами. Вот это политическая злоба дня.

Теперь я могу перейти к другой теме. Последняя передача «Исторический процесс», на которой выступал Анатолий Чубайс, привлекла особое внимание. Много задается вопросов по поводу того, что произошло с голосованием. Я не любитель болтать по таким вопросам. Если возникнет острая необходимость, я дам твердый и конкретный ответ – какие фальсификации и как осуществлялись в ходе этого голосования. В каком объеме, какими методами, с каких терминалов.

20 лет руководимая мною организация занимается разного рода аналитикой. Если бы мы не научились твердо опознавать, что именно происходит в подобных случаях, мы бы давно уже ушли с политического рынка и из политической жизни страны. Про то, что случилось тогда, в тот день, я знаю все.

И мы понимали, что такие попытки, не просто дискредитирующие наших противников, а как-то очень девальвирующие их, выявляющие в них, мягко говоря, инфантильное начало, будут предприняты.

Сами мы никогда и ни при каких обстоятельствах ни до чего подобного опускаться не будем. Это не просто наше категорическое решение – это краеугольный камень во всем, что касается нашего отношения к информационной войне. За пределами существующих правил действовать нельзя.

В тот прискорбный день, 26 октября 2011 года – в день выхода очередного «Исторического процесса», – наш противник решился на этот способ действий и потерпел фиаско.

Поэтому он опозорился трижды. Потому что решился на эти действия. Потому что осуществлял их, как дите малое, неразумное, под гогот всей страны. И потому что считал, что он добьется хотя бы тактического выигрыша (пусть и ценой стратегической самодискредитации). А он ничего не добился. Ничего. Он получил такой же разгром, несмотря на все, что он вытворял.

Почему произошел этот исторически важный для нас разгром? Потому что к моменту, когда он был осуществлен, мы уже были. Мы были субъектом, способным действовать. То, что противник будет действовать так, нам было понятно. И мы послали месседж всем нашим сторонникам: «Действуйте только законным и достойным образом. Сражайтесь в белых перчатках. Но вы можете, сражаясь в них, по законам этой телевизионной игры, а не за рамками этого закона, как наш противник, побеждать, потому что вы народ. Вы большинство. Так же, как сейчас во всем мире идут шествия под лозунгом „Нас 99%!“, мы можем сказать: „Нас 89,7%“. Мы убедились в этом. Вы – большинство. Вы – народ, стоящий на своей родной земле твердо, двумя ногами. А жалкие противники, которые пытаются чего-то там добиться, выходя за рамки правил, чужие. У них земля горит под ногами. Поэтому вам не надо им уподобляться и не надо рыдать по поводу того, что вы не обладаете их жалкими и смрадными возможностями. Вы свои возможности осуществляйте. Свои».

Один мой знакомый в ходе голосования начинает мне звонить: «Что происходит?! Мировой заговор!»

Я говорю: «Что ты мне орешь в трубку про мировой заговор? Ты мужик или баба? Ты лучше проголосуй по телефону».

Через 20 минут он звонит снова: «Ну, вот видишь... Всё, мы побеждаем!»

Я говорю: «Побеждаем – не побеждаем... Твои друзья и знакомые все голосуют или не все? Давай, чтоб все голосовали! Честно, но чтобы все».

Он мне орет в трубку уже вполне мужским голосом, а не голосом истерика: «Что значит все – не все? У меня все голосуют: и тетка, и братья, и кто-то еще... Только собака не голосует, потому что не может».

Я ему в ответ: «И собаку научи!» Что с моей стороны было неправильно. Но я шучу. Я ему этого не сказал.

Итак, наша задача на сегодня и в будущих боях очень простая: им хочется песен – они их получают.

Мы хотим привлекать других людей к своей борьбе? Вот мы их и должны привлекать – бескорыстно, благородно – так, как мы умеем. Так, как это делается, когда правда у тебя за спиной. Правда! Надо поверить в свою правду до конца.

Они применили все жалкие, шулерские методы, все эти детские кувыркания, а в итоге открыли рот, увидев, как народ реагирует на их фокусы. И они получили всё: и активизацию наших сторонников, и активизацию сторонников Жириновского, и активизацию людей, просто возмущенных их низостью, потому что вся страна всё поняла. Не могла не понять.

Но никогда мы не могли бы организовать даже такое сражение, если бы не было (и здесь я перехожу к главному) уже создано ядро нашей организации. Ядро создано. Создано Школой, создано постоянным диалогом нашего Политического центра и регионов, создано поездками по стране, конференциями и всем прочим. Ядро создано. И оно уже может стать штабом информационной войны.

Когда мне все время говорят: «Где демократия, сетевые структуры, гибкость?» и так далее... Поверьте, я очень люблю

демократию, очень не люблю деспотию, как любой нормальный человек. И прекрасно понимаю, что современные структуры должны быть гибкими. Я теорию разного рода сетевых структур знаю не хуже тех, кто их восхваляет.

Сетевая структура – это «Оккупируй Уолл-стрит». Вот это сейчас сетевая структура. Знакомые мне люди из Канады – неплохая фирма, занимавшаяся антирекламой и прочим, – запустили импульс. Он получил фантастический отклик по миру. Но сделать-то этот мир ничего не может.

Люди выходят, кричат, что их 99%. Они ошарашили весь мир. Они заставили поддержать их и Обаму, и Сороса, и Гора, и бог знает кого. Мир трясет. Но у людей нет единого языка. Нет ядра. Нет мировоззрения. Мир подходит к 2017 году, который очень будет напоминать 1917-й. Но если тогда это ядро было – марксистское, коммунистическое, социалистическое, – и так получилось, что оно оказалось успешным на территории России, и вспыхнул этот красный огонь, и мир действительно стал другим, то в 2017 году может оказаться, что есть только эта диффузия. А диффузная система беспомощна.

Вопрос не в том, что хочется командовать. Вопрос в том, что диффузные системы беспомощны. Они могут что-то раскачивать, но они не могут ничего делать. Сетевые структуры, действовавшие на площади Тахрир и так далее, обернулись «Братьями-мусульманами». Они и действовать могли, потому что были «Братья-мусульмане», а к ним было подключено очень многое.

Нет систем без ядра. Нет эффективных систем борьбы без ядра. Ядро должно быть. А вот если будет только ядро – это будет жестко-директивная система. Это будет секта, Орден. И ничего больше.

Поэтому вокруг ядра должны существовать на разных орбитах разной степени отдаленности другие структуры, связанные с этим ядром (а также друг с другом) разной степенью связей. Вот тогда система на периферии будет обладать необходимой гибкостью, а в ядре будет обладать необходимой жесткостью. В ядре будет очень большая жесткость, на периферии – гибкость. А если вы будете в среднем искать,

какую надо по системе получить гибкость или жесткость, то никогда не найдете правильный параметр, потому что его просто нет. Более того, жесткость, плотность, консолидированность в ядре только и позволяет удерживать всю периферию в гравитационном (или магнитном, это уж как вы хотите) поле этого ядра.

Если ядро не оказывается жестким – конец, нельзя удерживать все это в его поле.

Вот что мы пытаемся строить. Поэтому в ядре будет глубокая мировоззренческая общность и железная дисциплина.

И каждый, кто питает иллюзии по поводу того, что он тут кого-нибудь с кем-нибудь разведет и погреет руки у идеологического огня, перехватывая какие-то политические инициативы и пр., пусть оставит свои иллюзии в известном отхожем месте. Этого не будет. В ядре все будет происходить как в железной когорте единомышленников. А вот на периферии все будет происходить как угодно: на любой степени отдаленности, с любыми степенями несогласия. Кроме того, даже в этом железном ядре единомышленников всегда, пока я жив, будет абсолютно свободная идеологическая дискуссия. Абсолютно свободная.

У православных есть какие-то вопросы к тому, что мы делаем? Мы готовы к широчайшей идеологической дискуссии: к теологической, мировоззренческой. Мы позовем лучших авторитетов церкви. Мы докажем свою правоту. Мы докажем, что в мире действительно существует то, о чем мы говорим, что в нем есть левая хилиастическая церковь и есть правая, черная, гностическая. Что они есть, что они противостоят друг другу, что они противостояли друг другу в истории всегда. Что есть теология освобождения в Латинской Америке, а есть крайне правые. Есть социалистические христиане, а есть интегралы. Что это всегда было и будет. И что за этим стоят метафизические модификации, причем важнейшие.

И единственный язык XXI века, который только и может что-то создать и предотвратить мировой крах, – это язык, в котором красная религиозность, не противоречащая духу религии (причем разных религий: ислама, буддизма, право-

славия, католицизма), окажется в метафизическом синтезе с мировоззрением людей, для которых красная метафизика является светской.

Будет найден этот глубокий общий язык? Сформируется новый общий язык? Родится этот сплав, о котором мечтали величайшие люди мира?

Этот сплав имеет шанс родиться в нашей лаборатории, если мы не оттолкнем людей, а убедим их в своей правоте...

Для этого нужна длинная национальная дискуссия по многим вопросам, когда каждый убедится в том, что мы правы. И неврастеники, которые шарахаются при первом слове, пугаясь собственной тени, считая, что они пугаются чьей-то чужой. И люди, которые просто до конца чего-то не поняли. А может, и мы в чем-то уточним свои позиции в ходе подобной дискуссии.

Мы не пытаемся быть оракулами. У нас есть практическая цель.

Мы должны сформировать новый язык. Должны, потому что иначе ливийский сценарий станет общемировым. И на основе этого мы будем формировать ядро. Не на основе того, что болванчики будут кивать: «Да-да, вы говорите правильно!» А на основе яростной дискуссии. При сознании общей правоты и желании обеспечить глубочайший синтез в ядре. А на периферии будет находиться очень разное.

Вам это претит? И вы вместо этого хотите сформировать марксистский язык? Его уже столетие формируют. Я с глубочайшим уважением отношусь к Марксу. Что вы там хотите сформировать?

Если бы марксистский язык мог сковать ядро глобального противодействия империализму, мы бы жили сейчас при коммунизме. Но этого не произошло. В силу объективных причин. Потому что марксизмом что-то было сказано, и сказано блестяще, а что-то – нет. Если мы хотим реванша, то есть победы, а не невротического самоудовлетворения (сознательно не произношу более жестких слов), то мы должны найти ошибки в своем проекте.

Вы не понимаете, что если мы не нашли ошибки в своем любимом проекте, а этот проект рухнул, то мы дедушки и бабушки, обуруемые ностальгией. «Back to USSR... Бэк ту ю-эс-эс-а. Бэ-э-эк, бэ-э-эк, бэ-э-эк».

Кто-то хочет, чтобы это все происходило? Пусть так происходит на периферии, на самой далекой, но не в ядре.

Боксер, потерпевший поражение, легкоатлет, проигравший Олимпийские игры, гимнастка, упавшая со снаряда, – все они анализируют ошибки. Свои, а не чужие. Почему? Потому что они хотят победить. И потому, что их тренеры днем и ночью сходят с ума для того, чтобы выявить эти ошибки и исправить. Выявить и исправить. Выявить и исправить. Так ведут себя мужчины, которые хотят победить.

Всё остальное – это ностальгия. Это реставрационное «му-му». Оно 20 лет длится и ни к чему не ведет.

Были ошибки. И в марксизме они были. И в том проекте, который был сооружен, они были. И их надо выявить.

Так вот, к концу этого, последнего цикла передач я хотя бы пунктирно обрисую и эти ошибки, и методы их исправления с тем, чтобы в следующих, новых передачах уже заняться подробным разбором данной темы. Но и это еще не самое главное.

С каким врагом мы собираемся воевать?

С либералами? Их нет уже.

С неолибералами, с либероидами? Кто они?

Самый точный термин по отношению к тому, что представляет собой то, с чем я воюю в «Суде времени» и в «Историческом процессе», – это постмодернистский враг.

Ну, и что? Кто-то собирается с постмодернизмом воевать? С помощью чего? Ну скажите честно... С помощью Модерна, да? Рационального модернистского дискурса.

Но проиграл этот дискурс! Постмодернизм специально создан для того, чтобы его разгромить. С помощью чего тогда воевать? Того, что Дугин называет Традиционализмом (с большой буквы)? С помощью Контрмодерна? С помощью возвращения в какую-то такую средневековую упертость?

Но, во-первых, эта средневековая упертость прекрасно

находит общий язык с Постмодерном. И в Ливии она его нашла. Западная сволочь и «Аль-Каида» нашли общий язык. И найдут его по всему миру. И всюду они его находят, потому что их интересует определенное мироустройство.

А во-вторых, это не наш язык. Это язык гетто. Никто же не хочет назад, в гетто. Так где же язык? Если Модерн разгромлен Постмодерном, если Контрмодерн – это гетто и он связан с Постмодерном, то где же язык? Либо есть Сверхмодерн, либо языка нет. И войны быть не может.

Кроме того, ведь не Постмодерн же является окончательным врагом. Постмодерн – это только способ предуготовить зло, расчистить ему дорогу. Зло придет после того, как Постмодерн сломит волю к борьбе, уничтожит различия.

Религиозным людям очень близок язык пришествия Антихриста. Но вы же прекрасно понимаете, что, с точки зрения этого языка, вначале надо уничтожить различие. Вот когда грань между добром и злом, между скверной и благодатью будет стерта, тогда адепты зла скажут: «Добро пожаловать!»

Так вот, те, кто стирает грани, это одна группа. Это слуги зла. А дальше-то придет само зло. Так что же это за зло?

Если мы находимся не на религиозной территории, то с каким злом мы хотим воевать? С империализмом? Транснациональным империалистическим государством? С кем? Но этого же недостаточно... Грядет нечто намного более страшное, сосредоточенное, мощное. У него другие цели. Если слуги этого зла хотят обогатиться, сконцентрировать капитал или сделать что-то еще, то само зло хочет утвердить в мире нечто ужасающее. И оно на наших глазах уже начинает это делать.

Значит, нужна мобилизация против этого зла. Мобилизация на всех уровнях, включая метафизику. Так в чем же метафизика зла? И что мы ей хотим противопоставить? Вот самый фундаментальный вопрос практической теории.

Я создаю идеологическую модель так, как создают любые модели – с паяльником, – а не грежу о каких-то там заоблачных далях. Не создадим эту многоуровневую модель, не спаяем все

правильно – проигрыш обеспечен. Всех ждет судьба Каддафи, всех, кто хочет сопротивляться этому злу.

Но должно-то быть по-другому.

Однажды сумели это победить? Сумели. И надо суметь второй раз. Будет очень нелегко: противник намного сложнее. На порядки.

Так в чем же все-таки это зло? Какова его и светская, и религиозная метафизика? И что можно этой метафизике противопоставить для того, чтобы действительно мобилизоваться против этого зла до предела, потому что иначе не победить?

Все любят рассуждать о том, какие вопросы Чубайсу заданы были, какие – нет. И никто не видит, что Чубайс: 1) уже сидит на скамейке; 2) оправдывается; 3) совершает жалкие комические телодвижения, пытаюсь каким-то образом вывернуться из ситуации, из которой вывернуться нельзя. А значит, он боится.

Кого он боится? Нас.

Почему? Потому что у людей за счет организации, за счет сплочения и мобилизации возникла возможность быть. Мы не можем ничего здесь предоставить людям, никаких благ, которые дает уважаемая политика, никаких должностей и позиций. Даже никаких возможностей к самовыражению. Мы можем предоставить им счастье быть и побеждать. И только тогда, когда люди мобилизуются до конца и сплотятся в эту когорту, они станут непобедимы. Ради этого стоит жить и работать посреди всего нынешнего ужаса.

Так какова же метафизика зла? Я имею в виду не какую-то там высосанную из пальца эзотерику, а конкретную, движущуюся на нас метафизику зла. Что стоит за спиной людей, осуществляющих то, что они осуществили в Ливии, в Югославии, в Ираке?.. Что у них за спиной, кроме гангстеров, которые хотят обогатиться? Что в следующем эшелоне? Что они готовят? И чем на это можно ответить?

Вот об этом мы и поговорим в следующей передаче.

8 ноября 2011 года

Выпуск №40

Несколько вводных замечаний, после которых я перейду к главному – к жесткому разговору на фундаментальные идеологические темы, последнему разговору в цикле передач «Суть времени».

В следующей, 41-й, передаче я обозначу приоритеты деятельности на совершенно новом этапе.

А потом начнутся новые телевизионные проекты.

Эта передача последняя, в которой мы можем поговорить конспективно – так, как мы говорили все эти месяцы (а это именно конспективный разговор) – на главные, самые острые идеологические темы. Для меня это главный разговор, ради которого и затеяны все передачи.

Нет идеологии – нет ничего.

Нет идеологии ни у антиглобалистского движения, ни у всех этих «Оккупируй Уолл-стрит». Бьются люди в конвульсиях, чувствуют, что дело швах... И выходят вместе сторонники первобытного образа жизни и какие-нибудь постмодернисты, «Нью Эйдж», сторонники нового компьютерного мира... Все вместе, все почти не слышат друг друга. Все ненавидят Уолл-стрит... Что ж, Уолл-стрит есть за что ненавидеть. Она вобрала в себя ненависть очень многих людей по всему миру – так же как у нас в стране ненависть очень многих вобрал Чубайс.

И на каком-то уровне нашей существующей системы должны собраться все, для кого враг, которого я называю постмодернистским, либероидным, является абсолютным врагом.

Конечно же, даже эти люди все-таки будут, собираясь, проводить какие-то различия в своих рядах. Вряд ли они позовут в свои ряды сторонников Гитлера или людоедов...

Всегда, собирая людей против какого-то врага, ты вводишь некие ограничения, некие допуски, понимая, что в противном случае знаменитый тезис актрисы в гримерке: «Девочки, против кого мы будем теперь дружить?» – не работает.

Но постмодернистский враг настолько опасен, злобен и цепок, что эта борьба носит неотменяемый характер. Мы должны построить многоуровневую систему, один из уровней которой объединяет всех, для кого это враг.

Это – враг. Вот он – враг. Он обокрал страну. Он продолжает ее обкрадывать. Он лишил ее будущего. Он ее пожирает. Это – враг.

Все равно мало сказать: «Чубайс». Скажите все-таки что-то большее: «монструозный, криминальный капитал», «капитализм первоначального накопления»... Чубайс уедет за границу и все разойдутся, что ли? Так же тоже нельзя.

Боролись все против Ельцина или Ельцина и Бурбулиса, цеплялись за личные качества этого самого Ельцина: больной, пьяный... Потом сменился политический актер. Вся эта борьба оказалась борьбой впустую. Все растерялись.

И прошло еще одиннадцать лет. Одиннадцать!!! Примерно столько, сколько от Великой Октябрьской революции до начала коллективизации. Представляете?

Конечно, надо собраться против общего врага. Конечно, враг страшен. Конечно, он продолжает свое гнусное дело. Но это может быть только один из уровней.

Против этого врага уже 20 лет собираются все патриоты и ничего не могут сделать, потому что кто в лес, кто по дрова, кто одного хочет, а кто – прямо противоположного.

Значит, должны быть и другие уровни создаваемой нами системы, когда собрание идет не только против общего

врага, когда есть уже гораздо большее количество требований: первое, второе, третье... На условиях выполнения этих требований мы можем создать что-то более плотное. Потом мы это плотное должны еще уплотнить. И, наконец, должна сформироваться группа, члены которой достигнут согласия по всем ключевым идеологическим вопросам, по стратегии и тактике действий. И эта группа, будучи очень плотным ступком, должна начать действовать.

Это не значит, что другие не действуют, все действуют. Организация «Суть времени» начала действовать с первого же дня ее создания. Лично я убежден, что проведенные социологические исследования – это уже историческая заслуга данной организации. И мы смогли провести эти исследования только потому, что организация была сетевая, гибкая, что никаких избыточных требований по вхождению в эту организацию мы не предъявляли.

Но, собрав людей для этой борьбы, ведя борьбу все время, детализируя направления, по которым надо вести сражение, мы одновременно разрабатывали идеологию в передачах «Суть времени». И требуется еще более глубокая разработка. Нужны дискуссии по идеологическим вопросам, потому что без этих дискуссий мы не создадим необходимой плотности, и определенный тип сражения станет для нас невозможным. Тогда враг, ворвавшись и захватив эту территорию, уничтожит все, что касается рыхлых структур, собранных по принципу «против кого мы будем дружить».

Постмодернистский враг, знающий, что такое искусство декомпозиции, разваливает рыхлые структуры «на раз». И он продемонстрировал, как это делается. Он демонстрирует это постоянно. Мало ахать и охать по этому поводу, нужно же понимать, почему это происходит и как сделать, чтобы этого не произошло.

Итак, эта передача принципиально важна потому, что в ней мы должны завершить обсуждение всех идеологических констант на том эскизном уровне, который только и можно предложить в первом цикле подобного обсуждения. Как только константы будут введены, по их поводу можно вести дискус-

сию и убеждать людей, что никакой альтернативы именно этим константам нет. И что эти константы вводятся не потому, что кому-то нравится рассуждать на страшно умные темы.

Нет ответа на определенные вопросы – нет идеологии. Нет идеологии – нет ничего. Ничего! Никакой политической борьбы.

Нет Ленина без Маркса. Без Маркса может быть Бакунин, Махно и – полный проигрыш.

Чем больше я езжу по регионам, чем больше встречаюсь с людьми, тем больше вижу, что огромное количество замечательных людей собирается для того, чтобы решать именно эти задачи.

Ну, конечно, люди всегда есть разные. И не для того, чтобы кого-то обидеть, а просто для того, чтобы показать, где слабая точка, где то, что нужно избыть, выжечь из себя, вырвать, я ввожу термин «анархосталинизм». Что я имею в виду? Я имею в виду людей, которые защищают советское, тоскуют по нему, хвалят Сталина, но в тот момент, когда дело переходит к действию, говорят: «а мы каждый по себе»; «а у нас там вот такая заморочка»; «а у нас – вот такая». И так далее. Это и есть постмодернизм. Постмодернизм, вошедший внутрь.

Сказал «А» – говори «Б». Если тебе нравится Сталин или тебе нравится партия большевиков, создавай железную когорту единомышленников. А если ты хочешь создать ватагу, то не говори, что тебе нравится Сталин или партия большевиков. Говори, что тебе нравятся меньшевики, или махновцы, или еще неизвестно кто. Но определись! Но скажи себе: «Вот так пойду, вот этим путем – вот к этой цели». Нет, говорят: «Я и к этой цели пойду, и чуть-чуть к этой...»

Повторяю, это меньшинство. Меньшинство людей в большей или меньшей степени подвержены этому. И я разбираю данный вопрос только для того, чтобы объяснить, что с этого рая никогда ничего не выйдет, что все разговоры о том, что идеология – это десерт, что нужно идти в бой, бессмысленны... Какой бой? Что имеется в виду? С каким противником? С Чубайсом? 20 лет ходят в штыковую атаку на него, а ему хоть бы хны... Почему?

Потому что с ним воюет эклектика, архаика, по сути, уже превратившаяся в постмодерн. Всякой твари по паре. А у него есть ко всему этому холодная сосредоточенная ненависть. И этой архаики, этой эклектики в любом количестве он не боится, он готов с ней воевать на той территории, которая ей недоступна. Да, он абсолютно бесплоден. Да, он лжет. Но он невероятно цепок, живуч и лишен наших нравственных ограничений. И он все слабости этой эклектики, этой архаики очень хорошо видит. Он не раз говорил: «Это воск, из которого мы будем лепить все, что захотим». Хотите быть воском в руках Чубайса? Да или нет?

Если нет, значит, никакая эклектика, никакая архаика, никакой анархосталинизм не могут быть основой того, что мы должны создать. Мы должны создать что-то совершенно другое – и очень известное из прошлого.

Чтобы создать это, необходима идеология, в которой не будет ничего лишнего и в которой будет все, что необходимо. И я берусь доказать, что создается именно такая идеология, а не «взгляд и нечто».

Мы идем на войну? А учить людей воевать надо? Учебка должна быть? Если люди хоть какой-то учебы не проходят, элементарно автомат собрать и разобрать не могут и не понимают, чем военные действия отличаются от пешеходной прогулки, а их кидают в бой, – это хорошо? Это правильно? Это сулит победу? Их так много, этих людей, да?

Значит, им учебка нужна? Нужна! Оружие нужно? Это интеллектуальные бои XXI века. Люди а) должны иметь оружие; б) уметь им пользоваться. Причем не каждый сам по себе, а все вместе. В противном случае, мы вооружаем их палками и кидаем на пулеметы. И это называется воевать? Уже 20 лет так воюют. Хотят так воевать до последнего человека, еще готового за что-то сражаться?

Полноценный командный состав нужен? Дисциплина нужна? Тактика, стратегия, карты нужны? Жертвенный дух воина нужен? Если в душах правит бал эгоцентризм, если каждый сам себе царь, можно ли победить в подобной беспощадной войне? Нет!

Значит, каким-то способом люди должны вырвать это из душ. А как вырвать, если вокруг все проникнуто этим смрадом? Значит, нужны места, где смрада не будет и где можно жить и работать. Причем так жить и работать, чтобы это вполне соответствовало классической религиозной формуле спасения.

Я не к религии призываю, говоря об этой формуле. Я призываю учиться определенному опыту – опыту того, что если вокруг тлен, смрад и все прочее, то не выстоять в одиночку. Нужно создавать площадки, места, дома, где этого тлена и смрада не будет вообще. Духовные скафандры, в которых это можно вынести – вынести и переломить.

В противном случае никакой войны не будет. Люди не доберутся до горла противника. Они падут, вдохнув ядовитых газов или пораженные рентгеновскими невидимыми им лучами. И это уже происходит. Я вижу, как это происходит.

Повторяю еще и еще раз: без выработки идеологии с абсолютно четкими константами, в которой не будет ничего, кроме необходимого, мы никогда не победим и ничего эффективного не создадим.

Мы начали действовать сразу же, как только собрались. Мы действуем, потому что если мы не будем действовать, так ничего и не будет. И идеологии тоже. И самоуважения не будет.

И одновременно – строим идеологию. И программа «Суть времени», эти 40 выпусков, нужны для того, чтобы построить идеологию – работающую, минимальную.

К глубокому сожалению, могу сказать, что, возможно, я даже слишком рационален в этом вопросе, что для меня построение идеологии слишком близко к построению какой-нибудь конструкции: два бревна должны сойтись в определенной точке, должны быть такие-то и такие-то шурупы, такие-то и такие-то гвозди – и так далее и тому подобное.

Никакой лишней сложности в идеологию я не ввожу и никогда не стал бы вводить. И если бы была возможность построить идеологию, более простую и эффективную, я бы всегда выбрал более простую, как можно более простую, как

можно более привычную. А главное, такую, которая могла бы сплотить максимальное количество людей.

Но ничего, кроме того, что предложено в этом курсе, быть не может. По крайней мере, я ничего другого за 20 лет не увидел. Я 20 лет работаю в патриотическом движении. Я вижу все, что происходит на поверхности, что имеет в качестве продуктов разного рода публикации, книги. Я знаю, что происходит на глубине.

И я потому и взялся за эту работу, что я понимаю: никто всерьез дом не строит. Никто. Начиная с первого же вопроса.

Любая идеология предполагает наличие ответа на тупой простой вопрос: «Кто враг?» Мы собираемся воевать (неважно, с учебкой, вооружениями, штабами, командным составом) – с кем?

С Чубайсом? Не смешите меня! Чубайс – страшное зло, но это глубоко периферийное зло.

Тогда с кем? С либералами? А нет уже либералов. Есть неолибералы, которые не имеют к либерализму никакого отношения. Либерализм – это Гюго. А неолибералы – это социал-дарвинизм. Но они маленькая группа...

Кто враг? Вот беру Дугина. Да, фашизм мне отвратителен, но я никогда не считал, что Дугин – человек глупый. Это первое. И второе: он сейчас как-то смотрит в другую сторону, поэтому у меня вовсе нет никакого желания с ним полемизировать. Работает себе человек и работает. Человек, повторяю, крайне неглупый. Что он пишет? Он-то вроде что-то понимает...

Интервьюер из газеты «Завтра» спрашивает его (интервью называется «Евразийство и постмодерн»¹⁷):

«ЗАВТРА: Современная цивилизация компьютеров, коммуникаций, смятой геополитики (ну, согласитесь, что для того, чтобы описать современную цивилизацию, недостаточно вот так вот, через запятую, сказать, но я читаю то, что есть. – С.К.) имеет внешние признаки, но скрытые тренды мира обладают

17 Интервью с Дугиным А. Евразийство и постмодерн // Завтра. № 42. 19.10.2011. <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/11/935/41.html>

большой энергией. («Скрытые тренды мира»... А какие же это тренды? Это оно и есть – назови что «скрытые тренды мира», что «враг». С чем воюем? Что на переднем плане и что на следующем плане? Хотя бы на следующем. – С.К.) И, возможно, только философский инструментарий позволяет что-то зафиксировать. Мы слышим гул, мы чувствуем, что происходит нечто очень серьезное, но что это? Как бы вы могли сформулировать, что происходит?

А.ДУТИН: *Есть очень четкий ответ: изменяется матрица цивилизации – мы переходим от модерна к постмодерну. А переворот, который несет в себе переход от модерна к постмодерну, он не менее значим, чем переворот от традиционного общества к обществу модерна на предыдущей фазе. Это вещь, которая потрясает основы мироздания. Основы общества меняются. Меняются представления обо всех базовых характеристиках: реальность, субъект, объект, движение, покой, мир, общество, человек. Все обретает знак „пост-“: постистория, постчеловек – трансгуманизм, постреальность – виртуальная реальность и.т.д. Мы вступаем в абсолютно иную матрицу, иной алгоритм бытия, где изменяется все. То, что нам казалось надежным: материальный мир, природа, – оказывается, что это иллюзия, конструкт, социологическая гипотеза. Происходит переход от реальности к виртуальности, от человеческого к постчеловеческому, от мира к конструкту, от связанного рационального дискурса к пострациональным фрагментам и всполохам. Переход к высоким скоростям, о чем пишет Поль Вирилио, которые изменяют траекторию, геометрию даже предметного мира – все это происходит на наших глазах, и все это очень серьезно. Кто-то говорит о переходе от геополитики к постгеополитике. На всех уровнях в любых сферах, во всех науках, искусствах, в политике, экономике мы являемся свидетелями этого перехода. Это фазовый важнейший переход. И как любой подобный переход, он с трудом осмысливается. Есть люди, которые понимают, как действует предшествующая матрица и, хотя бы приблизительно, как будет действовать новая. Но никто не знает наверняка. И мы живем в рамках этого перехода, который с трудом осознается.*

Кстати, наблюдая, как безразлично щиплет травку мировое быдло, рассматривая в интернете филильные части девиц или уже мужиков – сейчас и ориентации все сбиты, я подозреваю, что так же и проморгали, пропустили переход от традиционного общества к современному люди, которые жили триста-четырееста лет назад. Тогда „умирал Бог“, и только трагический Ницше или кто-то аналогичный ему отдали этому должное значение. Бог умер. Ну и что, – сказали европейцы, зато у нас теперь прогресс, развитие.

Сегодня точно так же меняется модерн, модель очевидностей, эвиденций, которые существовали последние двести-триста лет: закон всемирного тяготения, объективный мир, однопнаправленное время, субъект-объектная топика Декарта или Ньютона – все это подлежит эрозии, как когда-то рушилась религиозная картина мира.

У меня есть книга „Пост-философия“ и одноименный спецкурс на философском факультете МГУ. Это некое приближение, очень поверхностное и первоначальное знакомство с тем, как осуществляется этот матричный переход. Это меню, самое обобщенное введение в проблематику постмодерна. Поэтому в одном интервью рассказать все непросто...»

На что меняется модерн? На что? Постмодерн – это разрушение модерна. Это жизнь на обломках модерна. А меняется что на что? Что теперь предлагается? Предлагалось вместо традиционного общества общество, в котором, как говорит Дугин, нет Бога, но «зато есть прогресс и развитие». А теперь что есть? Развития нет. А что есть? Есть неразвитие. А человеческое общество жило когда-нибудь в условиях, когда саму идею развития отменяют, отменяют идею того, что человек будет восходить? Когда оно так жило? Оно так никогда не жило: ни в Средние века, ни в античности, ни в египетском обществе, ни в Шумере – никогда.

Значит, оно входит в какую-то новую стадию. Что это? Конец истории? А человечество может существовать без истории? Каков масштаб перемен? И куда это все идет? Кто же все-таки враг?

Значит, мы называем врагом не либералов, не Чубайса, не кого-то. Мы говорим: «Постмодернистский враг».

Когда я сказал это впервые, так завыли... До сих пор воют. Постмодернистский враг... Но может ли Постмодерн быть окончательным врагом?

Для Дугина картина мира проста: была традиция, традиция сменилась на модерн, к его ужасу, а модерн сменился на постмодерн. И все.

Но разве это так? А что такое бен Ладен? Кто берет сейчас власть в Ливии? Разве идет однонаправленный процесс, при котором весь мир переходит в постмодерн? А разве нет обратного процесса – процесса архаизации мира? Разве там – в трущобах, в аду – не формируется отказ от развития? Там не формируют то, что лишено идеи развития совсем по-другому? Не формируется великое гетто, в котором будут говорить: «Ура! Мы закончили с развитием, будь оно проклято!»

Но ведь так не говорили ни в античности, ни в Средние века. В Премодерн так не говорили. У Джотто нет идеи не-развития. Джотто понимает, что такое развитие, Данте понимает, что такое развитие, Бертран де Борн понимает, что такое развитие. Все понимают.

Значит, что же такое Контрмодерн, который мы видим? Что такое этот самый бен Ладен?

Это не традиция. Какая это традиция? Традиция минус гуманизм, минус развитие – это уже не традиция. Традиции уже не будет. Идет дегуманизация, отказ от движения, от восхождения. Вот что такое Контрмодерн.

Почему надо назвать это слово? Почему, не назвав его, нельзя работать вообще? А потому что это происходит в мире. Это!

Да, Постмодерн движется, и его содержание надо раскрывать. Вопрос не в перечислении его характеристик, а в его сути. В сути времени.

Но не только он движется. С одной стороны, мы видим полулюдей с блуждающими глазами, непонятного типа, заполняющих европейские улицы, а с другой стороны, мы видим беснующихся дикарей, которые проклиная цивилизацию и

готовы разрушать все подряд. И вроде бы дикари проклинаят этих мутных постчеловеков.

Но вдруг оказывается, что между ними есть связь. И сейчас-то эта связь обнажилась беспощадно. В Ливии кто варварство чинит? Постмодернистская сволочь на новейших бомбардировщиках, вооруженная интеллектуальным оружием последней генерации, и вот эти самые контрмодернистские убийцы! Они же вместе! Все говорили, что этого не может быть, что это случайность, что это только ситуационный союз... Не ситуационный! Видим все, что другой!

Надо ввести в стратегическую аналитику эту константу? Надо! Почему ее не вводят? А потому что очень хочется сказать: «Постмодернизм, конечно, ужасен, но зато Традиция-то как прекрасна...» Какая традиция? Примордиальная (с большой буквы)? Золотой век? Реальная традиция? Какая традиция? Крестьянской общины? Беднейших деревень Китая? Джунглей Индии? Такая традиция? И что – она прекрасна? В ней надо жить? А остальной мир что будет делать?

Остальной мир будет рассматривать все это как гетто и топтать. В гетто будут свои священники, в гетто будут свои полицаи, – и они будут «в шоколаде», как были «в шоколаде» такие полицаи и в колониальной ситуации. Но только в колониальной ситуации хотя бы обещали, что будут развивать, а тут обещать ничего не станут. Тут неразвитие навсегда. «Гетто forever».

Вот что такое союз Постмодерна и Контрмодерна.

А еще есть Модерн. Хотите в него? А где традиционное общество, из которого извлекать ресурс для того, чтобы попасть в Модерн? Много раз говорил: оно в Китае есть, в Индии есть, а в России нет.

Ну, и что же тогда? Если в мире есть Контрмодерн, который работает вместе с Постмодерном, и реликтовый Модерн, а мы ни в Контрмодерн не хотим (потому что гетто), ни в Постмодерн (потому что ад), ни в реликтовый Модерн (потому что, во-первых, поздно, а во-вторых, Россия не модернизируемая страна), то куда идем? За что воюем? Под каким флагом? Где проект, в котором бы идея форсированного развития была

а) русской и б) не такой, как в Модерне? Где это условие – русскость плюс «развитие не такое, как в Модерне»? Это и есть Сверхмодерн.

Нет Четвертого проекта – какая перспектива? Какая надежда? За что воюем?

«А.ДУГИН: Но самое главное, что не такая уж это загадочная вещь (это он о постмодерне. – С.К.). Есть очень много авторов, доктрин, школ, которые этим занимаются на профессиональной основе. Я был поражен, когда познакомился с одним текстом Стивена Манна, еще 1992 года, из американского военного журнала Parameters. Манн говорит о необходимости внедрения постмодернистских методов в структуру военной доктрины США. Двадцать лет назад! А мы говорим, до какой степени серьезен постмодерн. Если с начала 90-х постмодернистские элементы формируют военную стратегию США... <...>

ЗАВТРА: Каковы здесь личные и общественные стратегии? Вести арьергардные бои на оставшейся территории, где еще сохранилась твердая почва, или же идти туда, в эти протуберанцы нового, в чудовищное пространство, где нет ни опоры, ни языка?..»

Вот так строится ловушка! Все! Вас уже нет. Ну, нет вас политически! Вы приняли эту альтернативу – и вас уже нет. Вы еще войну не начали, а враг вас уже разгромил. Вы построили учебку, вы собрали новые образцы оружия, вы подготовили командный состав, карты, все... Пошли! Вперед! Вот с этой картой пошли вперед и зашли в одно нехорошее место.

«...Вести арьергардные бои на оставшейся территории, где еще сохранилась твердая почва?.. Или же идти туда, в эти протуберанцы нового, в чудовищное пространство, где нет ни опоры, ни языка?»

«Вести арьергардные бои на оставшейся территории» – это где? На какой территории? На территории Модерна? Ее нет! На территории Традиции? А она есть, эта территория? Где она? Зброшенныя села без электричества – это средневековое село? Община? Многодетные семьи?

«...идти туда, в эти протуберанцы нового, в чудовищное пространство» – ну, идти в ад!

В чем содержание Постмодерна? Зачем он нужен? Чтобы потерялись различия, все различия!

«Вот это – Микеланджело, великий художник. Вот это – Рафаэль, великий художник. Вот это – Леонардо да Винчи, великий художник. А это – три буквы на заборе! Разницы нет, – говорит Постмодерн. – Вот это – подлец, а это – герой. И различия нет! Вообще нет различий».

А почему их нет? Потому что всё бренды, всё неподлинное, всё практикабли, симулякры (то есть имитации). А почему всё имитации? Потому что нет метафизики.

Постмодерн говорит: «Поскольку у вас метафизики нет, я вас буду делать как лежачих. Я с вами что захочу, то и сделаю. У вас метафизики нет, у идиотов. Вы ее и тогда не достроили, и всё, что было, отдали! Вы дезориентированы!»

В ответ на это говорится: «Раз враг – Постмодерн, а его ключевая ставка – отсутствие метафизики и он знает, что в отсутствие метафизики он разгромит всех как лежачих, – значит, нужна метафизика». Или метафизика – или смерть!

Начинаешь заниматься метафизикой... «Ах, боже мой! Какая еще метафизика?! Да еще светская?!»

Нет светской метафизики – всё! В модерне есть метафизика развития, прогресса, гуманизма. В коммунизме она изначально была другая – новый человек, новый гуманизм, другое развитие. И есть советский опыт, опертый на два столетия другого развития! База данных есть. Банк данных.

Еще Дугин говорит в интервью, что евразийство – это политическая философия, за которой – несколько столетий. Политической философией сыт не будешь! Философия – книжки. Открыл, почитал. А мы-то говорим о другом.

Миллионы текстов, сотни великих книг, фильмы, музыка, скульптура, опыт жизни, человеческий типаж – это все есть у нас и ни у кого больше.

Да, мы признаем, что в советском были изъяны, раз это удалось победить. Мы ищем эти изъяны, нащупываем их, преодолеваем и говорим: «Вот теперь у нас это есть без

изъянов. И мы с этим идем в бой. С этим! И никто, кроме нас, такой бой выиграть не может, потому что у нас впервые появилось то, чего у другого человечества нет вообще».

Такой бой можно выигрывать. Но тогда опять встает вопрос о той же метафизике, а также обо всем другом.

Что обеспечивает подлинность? Что обеспечивает мобилизационный дух? Что? Только это. Именно потому, что это было не довыявлено, не поставлено во главу угла, не доведено до определенных концентраций, возникли и экзистенциальное смертное заболевание, уничтожившее культуру (как оно уничтожает ее всегда, когда нет метафизики), и отсутствие различий, и человеческая слабость.

Все это произошло потому, что не было оси. Точнее, ось была, и первое, ну, второе поколение революционеров ее интуитивно чувствовало. А потом она ушла в сторону.

Слишком пытались походить на Запад. Боялись самих себя! Боялись нащупать свою фундаментальную, окончательную самость. Копировали гибнувшие модернистские идеалы, не понимая, что нас-то они и погубят, что нам-то нужно свое. Но не свое вообще, а то свое, что ведет к развитию.

Вот его-то мы и можем взять на вооружение. И тогда черта с два постмодернизм нас «сделает»! Он нас «сделал» перед этим, потому что мы не были вооружены. А как только это у нас будет – он ни черта с нами не сделает.

Но ныть (вместо того, чтобы заявить такую программу), что нужно либо биться в арьергардных боях на какой-то там оставшейся территории, непонятно какой, либо бежать в постмодернистский ад и называть это стратегической войной в XXI веке, может только человек, сошедший с ума.

Дугин отвечает как раз очень ответственно.

«А.ДУГИН: Это очень интересный и серьезный вопрос. Я убежден, что эти процессы подготовлены логикой развития бытия, не случайны. И неслучайность смены парадигмы надо осознать.»

ЗАВТРА: Принять?

А.ДУГИН: Я не сказал „принять“ – осознать. Человек, по моему глубочайшему убеждению, – существо свободное. ...

Может быть, все действительно неизбежно...»

Ах так! Постмодернизм неизбежен?! Замечательно! И что? То есть американцы нас уже «сделали». По-русски, по-русски-то можно сказать?! Если он неизбежен, фиг ли бороться? С чем? На какой-то там оставшейся территории?

А.ДУГИН: Сказано в Евангелии: „Извращение должно прийти в мир, но горе тем, через кого оно придет“. Может быть, все действительно неизбежно. (Что такое «может быть»? Я знать хочу. Я воюю, я имею надежду на победу или я терплю? – С.К.) Неизбежен приход этой великой пародии, постмодерна, что в христианстве – синоним царства антихриста. (О-па! Ложитесь перед антихристом, неизбежен его приход. А что делать? – С.К.) И отменить это – не в наших силах. (Ах, отменить не в наших силах? Так убирайтесь к чертовой матери с исторической сцены, если вы не в силах это отменить, «му-му» тут не разводите на лучших ресурсах в мире и на 1/7 территории! – С.К.) Другое дело, что мы вольны сказать этому „да“ или „нет“. (Ну, тут сразу вспоминается: «Сказать „нет“ и умереть!» Осознайте неизбежность, а дальше говорите «нет». – С.К.)

ЗАВТРА: Но как к этому отнестись? Солидаризоваться с великой пародией, стать прогрессистом? Или считать, что пронесет и быть консерваторм?

А.ДУГИН: Ни то, ни другое...»

Дальше появляются какие-то «консервативные революционеры»...

Но эти «консервативные революционеры» что делать должны? Какой проект они осуществляют? Если Сверхмодерна нет, Модерн погибает, Постмодерн – это царство Антихриста, то либо это «замануха» в Контрмодерн, то есть в регресс, в архаику, в гетто, под власть постмодернистского ада, то есть к тому же самому Антихристу. Либо это обреченное топтание на территории Модерна. Либо это Сверхмодерн.

Иначе за что вы боретесь? За что? О какой войне идет речь? Если этот Сверхмодерн – только умственная конструкция, нам хана. Сто лет будем его делать. Но русская великая традиция альтернативного развития реально существует. Это

наш XVIII, XIX, XX век и наш великий Советский период. И исправить что-то в этом мы можем!

Мы воюем с постмодернистским врагом, который понимает, что, если он убьет метафизику, он всемогущ. Это значит, что только восстановление ее в варианте Сверхмодерна может обеспечить нам какой-то шанс на победу в войне. И я не с ума великого и не из желания кому-то какие-то свои глюки транслировать, а от ощущения абсолютной неизбежности именно этой конструкции ввожу это понятие и спрашиваю: «Что вы хотите делать без него?»

Следующий вопрос еще серьезнее. Когда мы говорим «религиозный человек», то какую религию мы имеем в виду? Это религия Контрмодерна? Постмодерна? Модерна? Она же тоже разная.

Есть модернистская религия, все знают. А что, нет религии Постмодерна? Чуть-чуть шутовства, чуть-чуть молитвы. Все есть. Мы это видим все время. А что, нет религии Контрмодерна? Бен Ладен – не религиозный человек?

Так какую религию предлагают? В какой из этих модификаций?

Человек, скажем, православный, или католик, или исповедует ислам... О каком исламе, каком православии, каком католицизме идет речь? 20 лет изучаем это – для чего? Потому что нравится изучать Юнга, Шолема, Масиньона? Лавры религиоведа не дают спать? Не давали бы мне спать эти лавры – не занимался бы политикой.

Потому что надо выделить левую и правую парадигму. Потому что в каждой из этих религий всегда были хилиазм и его антагонист, всегда были церковь бедных и церковь богатых. И всегда церковь богатых доходила рано или поздно до ощущения абсолютной избранности богатых, а церковь бедных доходила рано или поздно до красной метафизики. Везде.

По отношению к советскому... Что, не видите, что есть две церкви в политическом смысле? Да, люди исповедуют одну и ту же религию. Но политически же они абсолютно разные.

А в католицизме? Есть латиноамериканские крайне пра-

вые, а есть теология освобождения – крайне левые. И воюют эти католики – фактическая гражданская война идет. Почему? А потому, что два разных идеала. Согласно одному идеалу, бедные – это не просто наши братья, а это то, ради чего мы живем. «Мы пойдем к нашим страждущим братьям...» В другой парадигме, если доводить ее до крайности, бедные – это не люди.

И эти две парадигмы существовали всегда, везде. Это социальное измерение.

Но есть же и какое-то другое. Если мы не выделим это измерение, если мы не говорим о социалистическом православии, о красном православии, имея в виду не посягание на символ веры (кому нужно на него посягать, какой идиот может это делать сегодня?!), а об очевидном социальном, идеологическом содержании... Ну, очевидно же это! Очевидно, что одни священники проклинают Сталина как сатану, а другие рисуют икону; что одни все время говорят о том, что несправедливости не должно быть, а другие любят свои дорогими часами и говорят, что богатые избраны. Это происходит у нас на глазах по всему миру.

Если не выделить этот модус, то о чем мы говорим? Сложнейшая работа нужна не для того, чтобы расплестись с православными, или католиками, или исламом, не для того, чтобы посягать на их символы веры, на их картину мира, а для того, чтобы эта картина мира, эти символы веры соединились с сегодняшней реальностью, чтобы окончательные вопросы встали на повестку дня в религиозной среде. Чтобы можно было трепетно охранять все, что там дорого религиозному человеку и одновременно вести социальную, политическую, идеологическую работу.

Без нее ничего не будет. Она идет. Вся Латинская Америка от нее кипит. Индия кипит. Буддистский мир кипит. Нельзя это остановить, нельзя. Это смертельно опасно!

Значит, идея различения левого и правого, красного и черного должна быть доведена до конца всюду.

И тогда еще раз встает вопрос: что же это такое – постмодернизм? Ну, он все сметает. Метафизики нет, а он приходит

для того, чтобы смести все неметафизические конструкции. Он их сметает, как порыв ветра гнилые деревья. А что он дальше-то хочет делать? Ну, будет он жить на этой помойке сколько-то времени... Но как он управлять будет? Он не создает модели, он власти не создает. Он разрушает. А дальше что? Следующий шаг в чем?

И вот тут надо договаривать до конца. Не рассуждать о том, что слышим какие-то толчки... «Слышим звон, да не знаем где он»... Не в толчках дело! Слышите толчки? Думайте! А когда придумаете – скажите!

20 лет изучаю все это, 20 лет. И твердо могу сказать: не знаю, какой организационный потенциал я проявлю, и никогда к этому не стремился, делаю это от безысходности. Но уж как-нибудь, простите, аналитику-то я понимаю. Ну, не последний я в этом человек, миль пардон! Так вот, 20 лет наблюдаю, как под постмодернистские улюлюканья с большой глубины всплывает гностическая подводная лодка. Это она всплывает. Это для нее, для этого сатаны готовит постмодернизм мир. Ни для чего-нибудь другого. Постмодернистский враг – это только первые эшелоны. Это пехота, а дальше-то идут другие – те, кто хочет властвовать.

И не то важно, что там говорили Василид и Валентин, как это соотносится с манихеями и альбигойцами... Неважно это сегодня. Это можно и нужно изучать для того, чтобы лучше что-то понять, но речь идет только о политической практике и ни о чем другом. А политическая практика состоит в том, что нет решения проблем человечества в нужном господам виде без реализации одной процедуры – расщепления рода человеческого. Надо признать, что род человеческий не един – «многоэтажное человечество» это называется. Он не един: есть «почти не люди» (недочеловеки), есть полулюди и есть подлинные люди. А сделать это можно только опираясь на гностическую традицию, которая для этого и была придумана!

Когда Христос пришел и сказал, что у всех есть душа, – рабство рухнуло. Потому что раб – это то, чем можно пользоваться эффективно только зная, что у него души нет, что это вещь, зверь. А как только ты понимаешь, что есть душа, так

через 100 или 150 лет это рабство рушится. Оно становится невыносимым. Значит, для того чтобы оно снова возобладало, идея о том, что у всех есть бессмертная душа, все подлежат спасению, должна быть отменена! Это и есть гностический абсолютный враг. Он движется вперед.

Дугину-то не хочется это признать, потому что он может как угодно проклинать постмодернизм, да и то на самом деле он вполне им любителю и не зря говорит о его неизбежности. А гностику-то ему трогать не хочется. И не эту умственную гностику вообще, а политическую – ту самую, которая вооружена современными танками, суперсамолетами, ядерным оружием, авианосцами и всем остальным. И она движется на мир. Она!

И что вы можете ей противопоставить? Только доведенный до предельного каления хилиазм, только его. Я политикой занимался, когда распутывал, как именно некоторые наши философы (в отличие от меня, с гордостью носившие в застойные годы партийный билет) начали спутывать в единый клубок хилиазм и гностицизм?

Нельзя одновременно говорить о том, что надо бежать из мира, что мир создан злым Демиургом, и о том, что тут должно существовать Тысячелетнее Царство Божье. Нельзя одновременно говорить о том и о другом. Или – или. И не зря они столкнулись во Второй мировой войне: гностический фашизм (с его идеей недочеловека, сверхчеловека и всего остального и прекращения развития) и коммунистический хилиазм (с его одержимостью развитием, новым гуманизмом, новым человеком и всем остальным, что существовало и горело в его недрах).

На один бой хватило тогда метафизики. И не было бы ее – не победили бы никогда.

Значит, нужна не метафизика вообще, а мобилизационная антигностическая метафизика. Говоришь людям: «Занимаемся мобилизационной антигностической метафизикой» – они ноют: «Вы гностик...» Но тебе же говорят, что мы с ними воюем, что мы собираем людей под знамена антигностической мобилизации!

Это что такое? Это значит, что постмодернизм всех уже сделал. Анархосталинизм... И нет ему края.

Что здесь в конструкции лишнее? Мобилизационная антигностическая метафизика – это красная метафизика. Вам завтра гностики навяжут свою картину мира, и ответить будет нечего. Вам постмодернизм навяжут, и вы ляжете. Мобилизационная антигностическая метафизика и Сверхмодерн в их взаимосвязи с русским историческим опытом, с Петровым-Водкинским и т.д. – вот вместе со всем этим бороться можно. А вы мне расскажите, как бороться без этого!

За Чубайсом можно гоняться. И я не говорю, что не нужно. Давайте все вместе гоняться за Чубайсом. В рамках сетевой структуры с разными уровнями это возможно. Но если только это и будет, то будем гоняться, как все, еще сколько-то лет. Потом он уедет. Или те, кто за ним гонялись, его возлюбят – так тоже уже было.

Война-то за счет чего будет? Вы не чувствуете этот запах войны?

Чем Высоцкий отличался от Окуджавы? Тем, что у Высоцкого была военная страсть, а у Окуджавы была антивоенная страсть. Наши либероиды ноют и ноют, воют и воют, копаются в якобы имевших место наших слабостях в первый период войны. Высоцкий пел (по памяти говорю):

*От границы мы Землю вертели назад –
Было дело сначала.
Но обратно ее закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.*

И кончено! Так говорят, когда воюют.

Так чем мы занимаемся? Разжиганием того духовного огня, который приведет в мобилизационное состояние, или мычанием на непонятные темы?

Следующий вопрос. Как решить проблему светского человека? Вы что, не хотите ее решать? Светскому человеку нужна метафизика? Это не метафизика модерна, прогресса и гуманизма. Это другая метафизика. Он должен сопро-

тивляться постмодерну? У него должна быть подлинность? У него должна быть мобилизация? А он не верит.

Религиозные верят – прекрасно. Каждый верит по-своему, но только пусть определяется: он в церкви богатых, которые окончательно доходят до церкви сатаны и обязательно до нее дойдут, или он в другой церкви. В этом огне брода нет. Это абсолютно не требует пересмотра религиозных парадигм. И не рассказывайте мне, пожалуйста, после 20 лет занятий религиоведением и беседы с лучшими мыслителями мира и с представителями всех конфессий, что все сводится к катехизису. Что из высокой религиозной, прозрачной и абсолютно чистой традиции вообще можно изъять неоплатонизм, вот взяли и изъяли. Ну, не бывает так! Невозможно! Сложнее все.

Не поклонник я неоплатоники. Но я же вижу, как это все устроено. И я вижу, что наступает время последних вопросов, последних определений, последней повестки дня. Так как сделать, чтобы в итоге религиозные люди остались при своем, определившись только по социальным, идеологическим и прочим вопросам, а светские люди получили метафизику? И чтобы вся эта метафизика, и религиозная, и светская, была метафизикой предельной антигностической мобилизации, необходимой только потому, что на мир реально движется фундаментальный гностический враг. А постмодернизм – это прикрытие, которое Дугин уже называет непреодолимым. А это еще только прикрытие!

И вот когда этот гностический враг поделит человечество на части, когда окажется, что большинство «почти как люди», – вот тут он решит все проблемы. Потому что у зоотехника, которому надо сократить поголовье кур или крупного рогатого скота, не возникает нравственных корчей. Он берет и сокращает.

Если поделить человечество и сказать, что это не люди, то на следующем этапе несколько миллиардов «не людей» умрет. И будет создан аппарат для уничтожения. Оставшихся ждет участь, по отношению к которой Древний Египет, Вавилон и все прочее – это толерантные гуманистические общества с хорошо развитой демократией. И к этому дело идет.

И если кто-то не понимает, что это пронизывает всю жизнь, от ее высоких, умных уровней до ее хамства, плебейства... И там все то же самое!

Статья Минкина о мухах и пчелах – это абсолютно гностическая статья. Вульгарная, плебейская, элементарная и одновременно насквозь такая. Потому что так мыслят. Потому что ненавидят народ последней ненавистью. Потому что в этой ненависти черпают силы.

А другие в чем их черпают? Почему другие лежат и отдыхают, когда гностический враг движется «свиньей»?

Вот что такое вопросы, которые мы обсуждали. Изымите хоть один из них. Изымите, и что вы получите? Не будет конструкции. Нет антигностической предельной мобилизации – нет конструкции. Нет метафизики – нет войны даже с постмодернизмом. Нет миропроектной аналитики – вообще все дезориентированы так, как я это показал по интервью Дугина. Нет русской традиции – возитесь сто лет со своим Сверхмодерном, изобретайте фэнтези любого типа. Нет возможности выделить красное начало во всех классических религиях, противопоставив его черному, – ничто не произойдет. Нет возможности дать подлинность светскому человеку, дать ему оружие, созвучное его душе, для борьбы с гностическим абсолютным злом, нет этого – всё.

Если нельзя это все собрать вместе, враг уже победил. А вот когда это все собрано, и дополнено тем, что необходимо и детализировано, и вошло в душу, и зажгло в этой душе огонь, и вернулся дух борьбы, дух усилия, – вот тогда можно воевать.

А воевать, вести на борьбу людей, которые не избавились от всех травм, пребывают в состоянии полуневроза, полуподавленности – невозможно. И не было бы этой войны ни в «Суде времени», ни в «Сути времени» (нужно было выдержать эти 40 выпусков «Сути» одновременно с «Историческим процессом»!), ни в «Историческом процессе», если бы я не верил в то, что говорю. Вот так выглядит картина.

30 лет, даже больше, нужно было для того, чтобы ее выявить и описать. И теперь осталось ее передать по-настоящему,

не конспективно, а по-настоящему, до конца.

Кому-то это не нужно, кто-то хочет всего лишь бороться вместе с нами с Чубайсом – ради бога. Кто-то видит мир иначе, но вместе с тем поддерживает нас по каким-то основным позициям – например, по антиамериканизму – ради бога. Но всего это недостаточно. Потому что это все ложные цели. Подлинные цели – те, о которых я говорю. Подлинные знаки беды – эти.

Да, это последнее время, но это последнее время боя. Это последнее время боя, а не последнее время, когда нужно шептать «Нет!» и ждать, пока тебе снесут башку. Это великий бой.

Блок не был христианином? Он сказал: «И вечный бой! Покой нам только снится...» Он же явно сказал это в полемике с концепцией покоя. Да, антигностическая мобилизационная метафизика – это метафизика вечного боя. И что? Нет этой концепции вечного боя в классических религиях? Нет духа войны? Нет теологии войны? Это же война со злом! С абсолютным злом. Абсолютная война с абсолютным злом!

Этот дух должен пронизывать каждую клетку тела, мозга, души. Это не умствование. Метафизическая военная песня – это песня, от которой идут мурашки по коже. Метафизическое военное мышление и чувствование – это то, что придает силы, это иное усилие. Люди идут в потоке событий. Они уже видят, что в потоке событий идти нельзя, и все равно не поворачивают. Потому что они как дистрофики из анекдота: «Ветра не будет – по бабам пойдём».

Как пробудить то начало, которое переломит эту дистрофию? Враг считает, что он ее уже навязал... Это надо переломить!

Ко мне обращаются по поводу того, будет ли передача «Исторический процесс» выходить дальше. Сейчас возникла пауза, потому что начались предвыборные теледебаты и телевизионное время распределено между политиками. Возможно, что передачи еще будут. Возможно, что они продолжатся.

Но они продолжатся, только если я буду твердо понимать, что возможна война, а не камлание в условиях, когда

за твоей спиной творится черти что. Если бы я знал, что уже творится черти что и я бессилен, я бы никогда в этой войне не участвовал.

Наши противники ведут себя подло, низко, вне всяких моральных ограничений... И что? Чего они добились? Они дважды, используя все бесчестные средства, получили разгром. Почему? Потому что чуть-чуть еще теплится этот огонек духа, этот огонек готовности воевать.

Мне скажут: «Да это все такая игра, в которой выиграть было нельзя». Если бы это была такая игра, в которой выиграть нельзя, уже бы два раза проиграли. Но ведь выиграли.

Они же другого ждали... Не понимаете, что они другого ждали?

Они бесятся, как никогда. Потому что передача «Исторический процесс» стала осью идеологической борьбы в выборный период. А они не выборы ведут как таковые, они закладывают всю поствыборную стратегию развала и чего-то похуже. А им мешают. Мы мешаем. Никто не мешает, кроме нас. Скажете, это не так? А кто? Назовите. Перечислите!

Вот так воевать должен каждый. И еще сильнее, потому что моложе. Впереди будущее. И нечего жалеть себя. Если будем понимать, что это машинка, которая ничем не преодолима, потому что она так устроена, – мы, естественно, тут же все скажем. И поскольку люди мы профессиональные, то скажем не «ваще», а чисто конкретно... У меня была в гостях учительница английского языка, которая рассказала, что, давая уроки новым русским, им надо объяснять, что артикль «a» – это «типа», а «the» – это «чисто конкретно». Так вот, скажем не «типа», а «чисто конкретно».

Но, повторяю, два решающих последних боя на передаче «Исторический процесс» – два боя, в которых противники совсем намылились шулерскими методами добиться нашего разгрома, – они проиграли. А почему проиграли? Потому что не ждали организованной мобилизационной реакции. Даже простейшей, слабенькой. Потому что они точно знают, что они русский народ «сделали» раз и навсегда, что это каша мелких самолюбий, дури, разброда и всего остального.

И когда они видят внутри этого какое-то движение, наполненное волей и дисциплиной, даже элементарной, – они пасуют. И придумывают новые пакости, потому что они бесплодные и пустые, но при этом очень цепкие и очень подлые.

Поэтому, если условия борьбы будут предполагать шанс на победу, то от борьбы отказываться нельзя. Но тогда делайте то единственное, что можно: идите в массы – к своим друзьям, родственникам, знакомым, к кому хотите еще. И шутовской подлости наших противников противопоставляйте народную честность.

Никогда мы не призовем к этому, если будем знать, что нет вообще шансов на то, что это победит. А такие сценарии возможны. Но мы как воевали за другие сценарии, так и будем воевать. Нам и полтора года назад говорили, что все наперед задано. Если бы все было наперед задано, то мы бы и не воевали.

Но мы выигрываем, потому что знаем, что альтернативы этому нет. Нет альтернативы той войне, о которой я говорю. Нет ей альтернативы. В огне брода нет. Она идет по всему миру. Всюду. И все равно сойдется на нас.

Хотите воевать по-настоящему? Просмотрите еще раз все передачи. Особенно несколько раз эту, последнюю. Нарисуйте это сами на бумаге. Поймите, что ничего лишнего тут нет. И что никаких альтернатив этому тоже нет – вот так это устроено, вот это минимальная конструкция, из которой все можно извлечь, а из других ничего не извлечешь. И становитесь на тропу духовной войны.

Для этой войны нам нужны учебные подразделения. Для этой войны нам нужно вооружение. Для этой войны нам нужен командный состав. Для этой войны нам нужно выжечь все, что касается эгоцентризма, капризности, паники, недисциплинированности, разболтанности.

Мы идем на эту войну. И мы протягиваем руку каждому и говорим: «Идемте вместе. Идемте. Все».

Если вы хотите не идти прямо на эту войну, а помогать в любой форме, – спасибо вам за все: за любую критику, за любые формы поддержки. Ни от чего мы не отказываемся,

ибо силы неравны. Нас мало. И мы очень хорошо понимаем, что каждый следующий бой будет в 10 раз тяжелее, чем предыдущий.

Но именно потому, что у нас есть идеология и метафизика, мы на эту войну идем. И воевать будем до конца.

15 ноября 2011 года

Выпуск №41

Много раз говорил о том, что не люблю Солженицына. Могу повторить еще раз. Но есть у него выражение, которое мне представляется сейчас достаточно точным. Он по отношению к определенным процессам говорил, что они являются рябью: «Вот это рябь». Рябь, то есть поверхностные волны, не задевающие того, что накапливается в толще общественной жизни.

Всем понятно, что нынешние выборы, и особенно думские, – это «рябь». Что они не задевают того, что происходит в толще общественной жизни. Это не значит, что они не имеют никакой цены. Как и любое политическое действие, они, конечно же, имеют свою цену.

Свое отношение к выборам я уже высказал, призвав членов клуба «Суть времени» голосовать по убеждениям. Мы не формируем консолидированной позиции по вопросу о выборах в Думу и выборах вообще, потому что это «рябь». Потому что все главные процессы происходят не в этом тонком слое собственно политической жизни. Они происходят за его пределами. Там накапливается разрушительная энергия, там накапливается созидательная энергия, там идет построение каких-то новых форм деятельности, там одновременно с этим нарастают процессы гниения, и мало ли еще что. Там, там и только там происходит все основное.

Попытка концентрировать внимание на этой поверхности, обусловить каждое свое действие тем, что происходит на этой поверхности, мне представляется глубоко ошибочной.

Кто-то как-то хочет участвовать в выборах? – Прекрасно.

Кто-то верит в то, что результаты выборов могут на что-то повлиять? – Замечательно.

У людей есть ценности, нормы и критерии, согласно которым они хотят положить свой голос на ту или другую чашу весов? – Отлично.

Вот пусть они это и делают.

Движение «Суть времени» сформировано для того, чтобы работать вот в этой толще, – в той толще общественной жизни, которая закипает и которая находится за пределами тонкого слоя данных выборов. Под кожей выборов происходит нечто другое. Кожа становится все менее эластичной, все более мертвой. Она отсыхает. И очень важно, чтобы в момент, когда она отсохнет окончательно, не обнажилось нечто, несовместимое с жизнью страны. Вот ради этого и создано движение «Суть времени».

7 ноября мы провели митинг. Прекрасно, что мы его провели. Большие молодцы москвичи, которые организовали все это. Огромное им за это спасибо.

Прошли акции в других городах. Это день, который определенным образом соотносится с нашими ценностями. Мы этот день отпраздновали так, как полагается общественно-политическому движению. И это еще один шаг на нашем пути – шаг в плане осуществления практической политики.

Телевизионная передача «Суть времени» (а сейчас я выступаю в последнем выпуске этой передачи) состояла как бы из четырех уровней, четырех слагаемых:

– практическая политика (мы очень часто обсуждали как проблемы собственного движения, так и совсем практические политические проблемы вообще – текущие политические проблемы);

– политическая аналитика международных процессов;

– политическая аналитика внутренних процессов;

– прикладная политическая философия.

Иногда отдельные выпуски программы «Суть времени» были посвящены только прикладной политической философии. Кстати, когда кому-то казалось, что она не прикладная, то есть не практически значимая, а абстрактная, то этот «кто-то» очень заблуждался, и уже в сегодняшней передаче я постараюсь еще раз доказать, что это так.

Иногда все было посвящено только практической политике, например, мы просто показывали свою же школу в Хвалынске. Или обсуждали совсем практические политические вопросы.

Иногда большая часть времени была посвящена политической аналитике, международной или внутренней. Но в целом мы держали баланс из этих четырех слагаемых.

Возможно, в дальнейшем надо будет, чтобы отдельные передачи были посвящены только практике, только политической философии или только аналитике. Это покажет будущее. Данный цикл программ завершается.

И в завершающей программе я постараюсь в очередной раз собрать все четыре слагаемых: практическую политику, политическую аналитику в двух ее ипостасях и прикладную политическую философию.

Начну с практической политики.

Итак, если наша оценка того, что процессы, происходящие в официальной, респектабельной политической жизни – это «рябь» или это мертвеющая кожа, под которой формируется совсем уже новое тело, если такая оценка правильна, то она не может быть только нашей оценкой.

Другие силы, в том числе наши противники, тоже должны исходить из данной оценки и искать, как им себя вести в этих условиях. Искать формы, чтобы проконтролировать то, что происходит под кожей политического выборного процесса. Если они этого не делают, то тогда и оценка моя неправильная. Это первое.

И второе. По отношению к нашим политическим противникам мы должны действовать на опережение и предлагать нечто более технологическое, конкретное, имеющее очевидные преимущества с точки зрения всего того, что наши

противники считают своим коньком – то есть в том числе и с точки зрения демократичности политических альтернатив тому, что все более замирает.

Я как-то зашел в комнату, где в это время мои аналитики смотрели очередные так называемые дебаты. Я глянул, и мне стало страшно. Ну просто страшно. Потому что то, что там происходило, не имело никакого отношения к дебатам... Я не буду это комментировать... и не называю лиц... потому что если начну комментировать, то я уже начну класть свои гирьки на чьи-то чаши весов, а я этого не хочу делать. По очень многим причинам не хочу. В частности, не хочу, чтобы те, кто потом проиграет, могли ссылаться на то, что я не туда эти гирьки клал, не на те чаши весов.

Так вот. Это действительно умирает, умирает с колоссальной скоростью, пугающей меня, если хотите, скоростью, потому что под этой кожей еще ничего не сформировано.

Все, что мы хотим формировать, должно быть на порядок более конкретно, технологично и должно отвечать тем самым принципам, игнорирование которых есть основное обвинение, выдвигаемое нашими противниками в наш адрес. Они нам говорят, что у нас «креза» на почве авторитаризма и тоталитаризма и мы никуда не можем выйти за эти рамки? Мы должны смело выходить за эти рамки.

Они обвиняют нас в том, что мы рассуждаем «вообще»? Мы должны быть абсолютно конкретны.

Они обвиняют нас в том, что мы думаем только о себе? Мы должны думать обо всех политических силах, обо всем обществе, о самых разных его сегментах и выдвигать общезначимые инициативы. Мы такую инициативу и выдвинули. Мы сказали следующее.

Сколько процентов населения России придет на выборы? – 50? 60? 65? Но ведь не больше. А скорее, меньше, чем 65. Все это понимают.

Значит, примерно 40% граждан, имеющих право голосовать, не придет. То есть их мнение вообще не будет учтено. Да, это правильно с точки зрения обычной представительной демократии. Да, в западных странах процент приходящих на выборы может быть и меньше.

Но ведь не я, а Владимир Путин в своем интервью трем ведущим телеканалам страны сказал о том, что представительная демократия уже недостаточна и надо искать более широкие формы реальной демократии. Это он противопоставил представительную демократию реальной. И во всем мире это противопоставление становится все более и более важным, ибо все митинги, которые происходят вокруг Уолл-Стрит и того, захватят ее или не захватят, в конечном итоге являются выражением недовольства тем, что две партии – узкий политически слой – решают судьбу всех и что представительная демократия перестает работать.

Кризис политического меню... Кризис программ... Превращение всего политического процесса в шоу... Общество спектакля... Политика спектакля... Все это не устраивает людей, по отношению к которым осуществляется явно не театрализованное, а конкретное действие, у которых забирают их социальные завоевания и, видимо, хотят забрать намного больше того, что уже забрали. Людей это не устраивает. Их и многое другое не устраивает. Они ищут новых форм демократии.

Так вот, если мы ищем новых форм демократии, если наши оппоненты тоже демократичны и тоже ищут демократии, то наше предложение на сегодняшний день состоит в следующем: давайте сделаем так, чтобы эти 40 миллионов людей получили какую-то возможность иметь что-нибудь такое, что бы выражало их интересы.

Их интересы. Не интересы столичных тусовок, не интересы групп нашей элиты, интегрированных в международное сообщество, а интересы наших простых граждан, которые не хотят приходить на выборы. Вот пусть возникнет не Дума, не парламент, а что-нибудь другое, что в какой-то степени, как-то выражает их интересы. Потому что в противном случае они найдут именно те способы отстаивать свои интересы, которые будут наиболее любезны сердцу наших противников; они выйдут на улицу, и еще неизвестно, под какими лозунгами. Возможно, под такими лозунгами, осуществление которых фактически будет означать конец нашей страны. И их подтолкнут в эту сторону.

Борьба за них – борьба за то, куда будет направлена конкретная, реальная общественная энергия, находящаяся под кожей выборного процесса, – вот что такое сегодня настоящая политическая борьба. Но тогда мы должны ответить себе на вопрос: с помощью какой технологии, в какой схеме это может осуществляться сегодня? Как можно воздействовать на поведение тех, кто не хочет идти на выборы? Что можно им предложить, причем такое, что их безусловно устроило бы?

Мы предлагаем следующее.

Пусть общественные организации самого разного типа начнут собирать голоса тех, кто хотел бы поддержать эти общественные организации, а не основных политических актеров, «блестяще» демонстрирующих сейчас в дебатах свои политические возможности. Даже если речь будет идти о сборе подписей в пользу какого-то конкретного человека, например, Александра Проханова, все равно речь уже идет об общественной организации. Ибо для того, чтобы собрать подписи в пользу Проханова или какого-нибудь нашего либерала, нужно создать, фактически, общественную организацию.

Так вот, пусть (если речь идет о сорока миллионах человек) – я называю прикидочные, очень приблизительные цифры – возникнет тысяча общественных организаций, которая соберет подписи в пользу тысячи людей – по 40 000 подписей. Это будет даже интереснее, чем классическая представительная схема, потому что люди собираются не по спальным районам (депутат от такого-то района), а по всей стране. Вот по всей стране 40 000 людей захотели получить какого-то представителя – пусть это будет представитель в Народный Конгресс, в реальную общественную палату. Не в Общественную палату, в которую назначает власть, а в орган, который представляет в какой-то форме (в какой – можно договориться еще) интересы тех, кто не хочет идти на выборы.

Это отвечает идеям:

– расширения количества граждан, которые участвуют в политическом процессе;

– превращения представительной демократии в более

глубокую, реальную форму политической демократии;
– учета мнения так называемых меньшинств (не люблю страшно это слово), то есть миноритарных групп, – не мажоритарных, а миноритарных групп в обществе.

Очень новым тут может оказаться принцип, что это не по спальным районам все собирается, а по всей стране, некими общественными организациями. Это адресует к народной демократической корпоративности. Не надо путать это с чем-либо другим. В каком-то смысле это возвращает нас к схеме Советов.

Вот давайте хотя бы выдвинем эту инициативу.

И если найдется тысяча организаций или, я не знаю, 500, 600, 700 организаций, которые соберут подписи (по 40 000) под своими программами и выдвинут представителей, то соберется, я снова подчеркиваю, народная Общественная палата. Не бюрократическая, не собранная по велению верхов, а народная.

Пусть она проведет национальную дискуссию, пусть она станет источником свежих политических идей, общественной критики. Пусть она станет публичной политической площадкой. Пусть на нее замкнется общественная энергия, которая не находит выхода.

Я не понимаю, кому это может быть неинтересно. Это всем интересно – от широких общественных масс до представителей нашей элиты. Всем на сегодняшний момент это важно.

У этого начинания есть два врага: недееспособность нашего гражданского общества – и это самый страшный враг. Может оказаться, что нет не только пятисот, семисот, восьмисот таких общественных организаций, но и десяти! Но даже в этом случае это надо начать делать, потому что сегодня этих организаций только 10, а завтра их будет 100, а послезавтра их будет 500. Дорогу осилит идущий.

И это может быть неинтересно совсем уж оголтелым бюрократическим догматикам, которые просто не понимают ничего в общественных процессах и считают, что все должно быть так, как это регламентировано, а ничего в жизни меняться не должно. Ну и, конечно, подрывным силам, которым

никакие конструктивные формы деятельности не нужны. Им нужно однажды вывести хаос на улицу и кончить этот процесс вместе со страной.

Всем остальным это должно быть интересно.

Что в данной политической инициативе нетехнологично? Что из того, что мною предложено, может быть отнесено к разряду абстрактных пожеланий, умствований? Как говорят в таких случаях, сам себя не похвалишь, никто тебя не похвалит – сидишь, как оплеванный. Так вот, на сегодняшний день это самая технически проработанная инициатива.

А какая другая проработана? «Всех на фиг, на фиг»? Это инициатива?

Итак, мы занимаемся тем, чтобы довести эту инициативу до определенной степени технологичности. Мы выдвинули более 20 пунктов, характеризующих практическое, политическое лицо нашего движения. Мы собрали сейчас предложения по этому вопросу. Мы собрали редакционную комиссию, которая проработает предложения. Редакционная комиссия, проработав предложения, вынесет их снова на общественное обсуждение.

В итоге мы сформируем, по крайней мере, свою практическую программу, по пунктам. Как все время говорят: «Где три листочка?» Будут эти три листочка, причем сформированные вместе, всеми...

И это уже хорошо.

Но, помимо этого, мы обращаемся ко всем общественным организациям, которые готовы сделать то же самое. Пусть они сформулируют свои 20–25 пунктов, свои программные, конкретные представления, которые могут как угодно отличаться от наших. Пусть они согласятся с тем, что подробный форум необходим. И тогда надо приступить к консультациям на тему о том, как его формировать, какие новые и новые шаги нужно предпринять в этом отношении.

Итак, первый этап – выдвижение инициативы.

Второй этап – обсуждение инициативы.

Третий этап – формирование предложений.

Четвертый – анализ предложений и их оформление.

Пятый – их дооформление с помощью второй волны обсуждений.

Шестой – окончательное формирование предложений.

Параллельно с этим по сетевому плану – проведение консультаций по поводу того, возможна ли такая инициатива сегодня. И даже если окажется, что она невозможна сегодня, – а она может оказаться невозможной сегодня только потому, что не найдется желающих это делать, что так слабо гражданское общество, что оно боится таких действий, что не способно на них. Но даже в этом случае надо настаивать, настаивать и настаивать на том, чтобы эта инициатива была проведена в жизнь, нужно делать новые и новые шаги по мере ухудшения ситуации. И, рано или поздно, эта инициатива все равно завоюет массы, потому что альтернативы ей нет.

Хотя, впрочем, дело не вполне так. В каком-то смысле альтернативы есть... И даже если бы их не было, кто-то может сказать, что мы хлопочем попусту. Или что не только мы занимаемся толщей общественной жизни, не только нас волнует, что происходит под кожей выборов. Или, может быть, мы вообще уводим внимание, энергию туда, на глубину, а она должна бы была бурлить вокруг реального, живого, respectable политического выборного процесса?

Ну, так вот, все, что находится за рамками выборов, действительно интересует не только нас, но и наших противников. Очень даже интересует. И они предлагают свои инициативы.

В первом разделе передачи, посвященном практической политике, я вас с такой инициативой ознакомлю. Речь идет об инициативе «Круглый стол 12 декабря».

«Лишенные права на создание партии российские оппозиционеры организуют новую форму протестной активности – собрание „моральных авторитетов“ из сфер общественной, культурной и научной жизни под рабочим названием „Круглый стол 12 декабря“. Стать „новыми декабристами“ предложил на конференции в Хельсинки бывший глава правительства Михаил Касьянов.

Лидеры нескольких оппозиционных и незарегистрированных политических партий и объединений, известные правозащитники, эксперты, деятели культуры и искусства создадут в России новую форму протестной деятельности: 12 декабря в Москве пройдет заседание „общероссийского гражданского круглого стола“»¹⁸.

Значит, там, где мы предлагаем проводить выборы в Народный Конгресс, в народную Общественную палату (неважно, как это называть) и подключать к процессу широкие массы – эти 40 миллионов людей, которые не проголосуют на выборах, – там наши противники что предлагают? Общероссийский гражданский круглый стол!

„Это новая форма давления на власть“, – объявил инициатор созыва мероприятия экс-премьер России и сопредседатель не получившей регистрации партии ПАРНАС Михаил Касьянов в среду вечером в Хельсинки – там при его участии открылась международная конференция „Хельсинки 2.0.“

„От теряющего рейтинг Путина власть переходит к элитам – творческим, интеллектуальным, профессиональным, которые, как в 70-е годы (прислушайтесь к этому! – С.К.), должны, опираясь на свой авторитет, создавать атмосферу недоверия этому режиму, и тогда Путину придется начинать вести с этими элитами переговоры о добровольном отказе от власти“, – говорил Касьянов в зале Государственного дворца Финляндии, где в 1975 году подписанием заключительной Хельсинкской декларации страны Запада и „восточного блока“ гарантировали друг другу мирное сосуществование и уважение основополагающих прав человека».

1975 год – это действительно год Хельсинкских соглашений, часть из которых была сразу же отброшена (потому что, согласно Хельсинкским соглашениям, существует нерушимость границ), а вот часть была задействована для развала Советского Союза. И называлось это «основополагающие права человека». Вот тогда началось правозащитное движение, тогда начали раскачивать власть уже по-настоящему.

---

18 http://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2011/11/10_a_3828446.shtml

И Касьянов прямо обращается к этой краеугольной для наших диссидентов дате, выступая в том же месте и призывая к тому же самому. Вот чем занимаются наши противники.

«„Если в 2–3 года элиты не смогут объединиться и консолидировать вокруг себя часть общества, то начнется улица, "арабская весна", а этого нельзя допустить в России“, – грозил Касьянов. „Проект пока называется "Круглый стол 12 декабря", темой первой встречи, которая состоится в этот день в Москве, станет уважение к российской конституции образца до 2008 года, итоги нелегитимных выборов и будущее страны“, – объясняет „Газете.Ру“ Касьянов. На первом этапе – а собрания „круглого стола“ видятся организаторам с частотой раз в два–три месяца – „это будут 40–60 человек“, говорит Касьянов».

Вот все. Все понятно. Значит, никто не хочет подключать к процессу массы – массы, неудовлетворенные зарегулированностью выборов. В процесс хотят подключать элиту. Причем свою элиту. А что она может-то, эта своя элита, это «моральное большинство»? Что она может? Сама по себе она ничего не может. Значит, как и в 1975 году, она может что-то только потому, что она является посредником между «мировой цивилизацией» – Западом и НАТО, то есть – и властью.

Беря на себя посредническую роль, эта организация может давить на власть. Но только не от лица народа. 40–60 людей, которые не имеют от народа никакого мандата, не могут давить на власть от лица народа. Они могут давить на власть от лица международного сообщества. Вот что под кожей выборов хотят соорудить наши противники.

Итак, 40–60 человек.

«Приглашения туда будут адресными, чтобы избежать возникновения аморфной и развалившейся в итоге структуры, какой был Всероссийский гражданский конгресс (ВГК)... Декларация о создании ВГК, объединившего свыше тысячи гражданских активистов, была опубликована 12 декабря 2004 года Людмилой Алексеевой, Гарри Каспаровым и Георгием Сатаровым. В 2006 году на его основе была создана коалиция „Другая Россия“. Последний съезд ВГК прошел в 2008 году».

Значит, это Касьянова не устраивает. Там слишком много людей, мнениями которых нельзя до конца отманипулировать. Там слишком разные точки зрения на происходящее. И там есть желание каким-то способом нащупать связь с массами. А это совершенно не нужно. Не на это ставка, а совсем на другое. Массы нашими демократами ненавидимы, как всегда.

«Никакой формальной регистрации движения или объединения не подразумевается, считает экс-премьер.

Часть приглашений разослана или согласована, говорит Касьянов, упоминая среди возможных участников нескольких известных политологов (Лилия Швецова, Георгий Сатаров), двух своих коллег по ПАРНАСу Бориса Немцова и Владимира Рыжкова, а также группу культурных деятелей – Лию Ахеджакову, Олега Басилашвили, Наталью Фатееву. В числе участников будут корифеи правозащитного движения Людмила Алексеева и Сергей Ковалев (он сказал „Газете.Ru“, что может пропустить заседание из-за возможного отъезда, но под замыслом „круглого стола“ подписывается).

Представителей бизнеса на первой встрече не будет, так как сейчас „важно собрать моральные авторитеты“ (авторитеты для кого? Для собирающих? Для Запада? Для кого? – С.К.), говорит Касьянов. В будущем бизнесмены могут появиться, могут вестись переговоры и с политиками...»

И так далее.

Я хотел показать только одно: не мы лишь думаем о том, что делать под кожей выборов, под тонким мертвеющим слоем уважаемого выборного политического процесса. Другие тоже думают.

Одни – о том, как придать этому уличный характер.

Другие – о том, как придать ему келейный характер.

Но только мы хотим придать этому организованно-политический характер массового, альтернативного представительства. И мы эту идею выдвинули. Будет ли она осуществлена или нет, зависит не от нас. А от того, найдутся ли другие в достаточном количестве для того, чтобы придать этой идее нужный характер массового представительства – представительства, сбравшегося от лица десятков миллионов граждан.

Если сегодня это не удастся, надо делать все для того, чтобы это удалось завтра.

Если завтра это не удастся, надо делать все для того, чтобы это удалось послезавтра.

Но именно это является единственной альтернативой келейности а ля Хельсинки и уличности, которая разнесет все в клочья.

Именно тут и находится та золотая середина, которая может повлиять на ход политического процесса, не разрушив страну.

Что тут нетехнического? Что тут абстрактного? Что тут от высей поднебесных?

Это сермяга политической жизни. И, как вы видите, не только нашей. Мы не выдвинем своих инициатив в ходе процесса – их выдвинут другие, и они их уже выдвигают. И это будет называться сначала «круглый стол», потом «Московская трибуна», а потом еще как-нибудь.

Мы прекрасно понимаем, что этот процесс начался. Это практический политический процесс. И мы обращаемся к своим сторонникам:

Учтите все это, проанализируйте это сами внимательно. Объясните это другим. И поймите, что вот это и есть политическая практика. Да, возможно, слишком обширная на сегодня – политическая практика на вырост. Но если вы не задаете политическую практику на вырост, то вы обречены на то, чтобы толочь воду в ступе. Вот политическая практика на вырост. И она должна быть.

Мы занимаемся той политической практикой, которая нам сегодня уже доступна, – всей политической практикой, включая митинги в защиту наших ценностей. И мы занимаемся политической практикой на вырост, позволяющей нам:

- во-первых, точнее сформулировать собственные практические предложения;
- во-вторых, активизировать людей в поддержку этих предложений;
- в-третьих, выдвинуть нечто значимое в общенациональном смысле.

Вот чем мы занимаемся и будем заниматься в плане практической политики. Это первое.

Теперь второе. Помимо практической политики, очень большое значение имеет аналитика международных процессов, как внутренних, так и внешних.

Давайте посмотрим на то, что же происходит на этой международной доске, что начинается там, что там уже закипает... А ведь там закипает очень и очень многое.

Читаю сообщение «Аргументов.ру» от 11 ноября 2011 года, 17:53:

«В ливийских городах сегодня начались вооруженные столкновения между сторонниками Каддафи и новой властью страны. Зеленые флаги Джамахирии подняты в Триполи, Бени-Валиде, Сабхе.

Как сообщают источники „Аргументов.ру“ в Ливии, сегодня в ряде городов: Триполи, Бени-Валиде, Сабхе и других начались вооруженные восстания. На данный момент центр Триполи практически полностью контролируют сторонники Каддафи. Зеленые знамена Джамахирии подняты на всех высотных домах города.

Чтобы не допускать паники, правительство Ливии отключило электричество и Интернет в городе. В больницах много раненых, которым не оказывается помощь из-за того, что не хватает мощности автономных дизель-генераторов.

Как сообщают блоггеры в Твиттере, от сторонников новой власти полностью очищен Бени-Валид. Бойцы из племени Warfala напали на конвой, идущий в город на подавление мятежа. Они взорвали несколько машин и уничтожили находящихся в них военнослужащих»¹⁹.

Значит, уже Варфала на стороне Джамахирии. Варфала – это племя, имеющее своей опорной точкой Бенгази, в котором началось движение против Каддафи. То самое движение, которое потом давили танки из Катара, чужого арабского государства.

---

19 <http://news.argumenti.ru/world/2011/11/136695?type=all>

Так вот, теперь Варфала, если верить этому сообщению, мешает противникам Каддафи... Это новый этап в движении! Если уже и Варфала находится на стороне Джамахирии, то кто по другую сторону? Кто? Там, в Ливии, больше нет крупных сил, которые бы хотели бороться с Каддафи.

Значит, это только «Аль-Каида» и Запад. «Аль-Каида» и Запад – и никого больше.

Вы представляете, насколько нов ландшафт реального международного процесса?

«Algeria-ISP, один из ведущих алжирских информационных порталов, сообщает, что в Ливии началось восстание. Многие ливийцы смогли получить, несмотря на блокировку Интернета, сообщение с призывом продолжать войну с „мятежниками, предателями, катарскими наемниками, с НАТО в Ливии“.

В Триполи ночью началась перестрелка в районе Сабиа. Сообщается о перестрелке внутри новой тюрьмы Триполи и на дороге к международному аэропорту. Столкновения произошли в районе Баб аль-Азизия.

Самые ожесточенные столкновения идут в Завии, городе, расположенном примерно в 30-ти километрах от Триполи. Бои в Завии начались в пятницу вечером. Основной целью бойцов Ливийского Сопротивления (то есть сторонников Каддафи. – С.К.) стали бывшие казармы 32-й бригады армии Ливийской Джамахирии. В ходе боев с применением тяжелого вооружения, в том числе и отбитого у мятежников, бойцам Армии освобождения Ливии удалось освободить заключенных, а также взять под свой контроль часть города. В настоящее время бои продолжаются. Ливийские источники сообщают, что операцией руководит Сеиф аль-Ислам Каддафи.

Судя по характеру сообщений из источников Освобождения, одной из первоочередных целей бойцов Армии Освобождения является освобождение заключенных, которые, по многочисленным свидетельствам, становятся жертвами пыток и расправ.

Algeria ISP размещает также видеозапись боя за „казармы Хамиса“, снятое минувшей ночью одним из жителей Завии. (algeria-isp.com)»²⁰.

Итак, о чем это говорит все вместе? О том, о чем мы все время предупреждали – и тут я как бы подвожу некоторый итог всему тому, что говорилось в передачах «Суть времени» по поводу международной аналитики.

Что предложили мы слушателям «Суть времени»? Мы предложили то, что делали на протяжении 20 лет в своем исследовательском центре и что успело приобрести определенное международное признание, хотя это делалось с очень большим трудом. Мы издали по этому поводу несколько книг: и «Политическое цунами», и сборник «Радикальный ислам» вместе с индийскими коллегами. Мы издали по этому поводу очень много аналитических докладов и статей. Мы постоянно выступали по этому поводу на конференциях.

Что является нашей миропроектной аналитикой, которую надо, конечно, разбирать отдельно и более детально? Суть этой миропроектной аналитики – суть времени – в следующем.

Во-первых, в самом понятии «проект». Есть мировые проекты, ключевым из которых является проект «Модерн», то есть та самая модернизация, к которой нас все время призывают почему-то в демократической упаковке, хотя этот проект никогда в демократическом виде не осуществлялся.

Итак, проект «Модерн». Как именно он формировался, как именно он развивался, что он собой знаменовал, каковы его основные слагаемые, почему именно он доминировал на протяжении последних пяти столетий и особенно на протяжении последних двух с половиной столетий? Почему сейчас он слабеет, отступает, рушится? Почему все происходящее сейчас, включая мировой кризис 2008 года, гораздо правильнее называть катастрофой Модерна, а не каким-то там кризисом? Кризис – это когда у вас температура 40 и организм сопротивляется, а когда у вас онкология – у вас нет кризиса: у вас просто катастрофа. Есть бескризисные катастрофы. Между прочим,

---

20 <http://trueinform.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2737>

теория катастроф хорошо разработана, и мы ссылались на нее, на работы покойного Арнольда и других авторов.

Так вот, есть понятие «проект». Речь идет не о том «проджекте», когда «проджектом» называют все подряд: медицину, отдельные технологии, снабжение населения продуктами питания... Проект – миропроект – это очень крупная величина, это единица, в рамках которой движется мир.

Помимо проекта «Модерн» (или проекта №1), очевидным для всех образом возникает Постмодерн. И тут мы едины со многими. Я знакомил вас с интересной статьей Александра Дугина на эту тему.

Вот только дальше начинается нечто новое. Потому что мы-то говорим, что помимо Модерна и Постмодерна есть еще Контрмодерн.

И вот то, что сейчас реализуется в Ливии, – это и есть Контрмодерн.

Это Каддафи хотел модернизировать Ливию на свой лад, с учетом культурной специфики своей страны. Это Каддафи – модернист в Ливии. Это Мубарак – модернист в Египте. Это Кемаль был модернистом в Турции.

А те силы, которые сейчас свергают кемализм, свергли шаха Ирана, свергают Мубарака, свергают Каддафи, тунисского лидера Бен Али, который был самым мягким модернистом из всех возможных, – это уже не модернистские силы, это контрмодернистские силы.

Здесь мы вводили еще одно понятие – Премодерн, то есть Средневековье, по сути.

Премодерн содержал в себе идею гуманизма – это традиция, которая еще требовала восхождения, которая молилась на развитие, которая осуществляла это развитие в рамках фундаментальных констант своего времени.

Контрмодерн ненавидит развитие, отрицает его. Воинственно отрицает. Он полностью лишен идей гуманизма и развития. В этом смысле ислам, как великая мировая религия, проникнут исламской идеей гуманизма, исламской идеей развития. И это позволяло исламу двигаться и путем Модерна, и иначе, но развиваться. Ислам, кстати, в начальные Средние

века развивался гораздо более бурно, чем Запад. Очень серьезный вопрос, который надо обсуждать, – почему это развитие остановилось и кто был субъектом, остановившим это развитие. Потому что такой субъект должен находиться не только вовне, он должен быть и внутри. Как оно остановилось где-нибудь в XIV веке?

Так вот, ислам, как мировая религия, содержит в себе – и в эпоху Премодерна, и вообще – высокую идею гуманизма и развития. А Контрмодерн или исламизм – радикальный исламизм – не содержит в себе идею развития. Он воинственно отрицает развитие. Как отрицает его и фашизм, то есть европейский контрмодерн. Как отрицают его другие ревнителы архаики в самых разных странах мира. И это все – контрмодернистские движения.

В сущности, мы ввели три понятия: Модерн, Постмодерн и Контрмодерн. Скажут: «И что особенного? Ну, подумаешь, три понятия».

Понимаете, дело-то в том, что для того, чтобы доказать, что констант три, а не две и, тем более, не одна, нужно убить массу времени, сил. Нужно терпеливо работать. Нужно действовать по принципу «капля точит камень». Нужно накапливать факты. Нужно становиться специалистами. И введение в аналитическую картину, в мировоззренческую картину вот этого элемента «контрмодерн», предложение людям вообще системы координат, в которых есть эти проекты, – огромное дело. Это огромная идеологическая работа.

Но мы же сказали больше. Мы сказали, что Постмодерн и Контрмодерн работают вместе. И мы это доказали: от игр господина Бжезинского и более ранних времен, когда тоже велись игры другими господами, до событий в Ливии – до апофеоза, когда просто рука об руку идут «Аль-Каида» и НАТО. Уже после событий 11 сентября 2001 года, уже теперь, сейчас, – вот идут они рука об руку. И все тут.

Значит, есть эта связь Постмодерна и Контрмодерна. Есть желание создать сердцевинку, в которой все будут жить по негуманистическому принципу потребления, и периферию, на которой потребление будет сжато и все будут жить по прин-

ципам мракобесия, лишенным тех великих идеалов гуманизма и развития, которые существуют во всех мировых религиях. Существовали до того, как возник этот самый Контрмодерн, сконструированный все в тех же западных лабораториях.

Это новая модель. Модель мира, которая уже не только экономически состоит из ядра и периферии. И она очень четко совпадает с моделью периферийного капитализма. Просто ясно, что в ядре и что на периферии.

Модель периферийного капитализма принадлежит не только нам – это мировое достояние. И в этом ее ценность для нас. Потому что я делаю все возможное для того, чтобы уйти от новодела, от разработок, которые бы принадлежали только «Экспериментальному творческому центру» или лично Сергею Кургиняну. Чтобы показать, как это все существует в мировой культуре, в мировой мысли, в мировом контексте. Потому что только в этом случае аналитика имеет и глобальное, и общенациональное значение.

Так мы эту аналитику осуществили. Вот мы взяли ее и осуществили. Мы можем еще обсудить ее с членами «Сути времени» и обществом более детально, спокойно, развернуто, доказательно. Но мы это уже сделали во многих книгах. И мы это обсудили в нашем курсе передач «Суть времени».

Что из этой аналитики следует, что является следующей фазой после нее?

А то, что если есть Модерн – и есть Постмодерн и Контрмодерн (и они заодно), то можно только, и я говорил это в предыдущей передаче, вести арьергардные бои на территории Модерна, то есть классического консерватизма, классической консервативной республиканской формулы. На той территории, на которой воюют господа Буш, Берлускони. И это, в сущности, и есть консервативная модернизация – в вариантах, которые предлагает наша власть.

Либо вести бои на этой скукоживающейся, схлопывающейся территории Модерна, особо неорганичной для России – и именно для России, у которой нет для этого возможностей Вьетнама, Китая, Индии, нет огромных масс традиционного общества, нет много другого. Либо здесь вести бои, либо – что?

Постмодерн – это ад.

Контрмодерн – это гетто.

Золотой ад плюс черное гетто – это не наш путь и не наша формула, и нам в этой формуле вообще нет места... Так где же мы? После того, как беспощадно проведена аналитика и показано, что вот она, система координат, вот они, существующие места, и других мест нет, мы спрашиваем: где мы?

И вот здесь начинается разговор о Четвертом проекте, о Сверхмодерне.

Если этот проект делать заново – все, кранты... Это на столетия работы... Проект – это же не какая-нибудь утопия, которую ваш покорный слуга может изложить, и на этом все кончится. Это же нечто, опирающееся на огромные культурные завоевания, на целые пласты жизни.

И мы доказываем, что опора всему этому – в великой русской традиции развития. Не в традиции вообще, а в традиции развития – развития не по прописям Модерна. Что это есть исключительность России. Это есть ее уникальность в мире. И что эта уникальность определяется не текстом одной утопии, а сотнями кинофильмов, тысячами великих книг, огромной культурной почвой, гигантским опытом, индустриальным и доиндустриальным, самым разным опытом строительства державы, опытом регуляции общественной жизни – все это есть! И все это, конечно, в огромной степени материализовано в наиболее концентрированном виде в советском опыте, который нельзя отрицать. Но и этот опыт был недостаточно отодвинут от Модерна, он недостаточно еще выявил свою сверхмодернистскую суть.

Кроме того, появились совершенно новые параметры, позволяющие это все делать.

И вот это надо делать, потому что если нет Четвертого проекта, то вы нарисовали три, объяснили, что ничего другого нет, вы поняли, что вам-то места нет, и – конец.

Можно или истерически заниматься модернизацией, но уж тогда не по демократическим прописям, а по другим, – и все равно хана. Потому что нет для этого потенциала – переразвито для этого общество, поезд ушел. А сама территория сжимается.

Или... или что? Танцевать постмодернистский танец? Рухнуться в это гетто, в архаику? Но там добьют. Значит, только переходить к этому Четвертому проекту.

То есть анализировать советский и досоветский опыт, отстаивать его от дискредитации, выявлять его уникальную специфику и на основе всего этого разворачивать новую миропроектную инициативу, объясняя миру, что Россия тут может быть локомотивом – мировым локомотивом.

Да, она находится в страшном состоянии. Да, ее довольно сильно раздолбали. Но, как только возникнет новая великая Россия, соберется новый, обновленный Советский Союз, возникнет новая зона мирового значения – мир весь окажется спасен от того, во что он погружается. А он погружается в нечто гораздо более страшное, чем то, во что погрузил бы его Гитлер.

И тут мы сразу переходим на следующую территорию и спрашиваем всех: скажите нам, пожалуйста, ведь не Постмодерн будет в итоге править. Постмодерн существует для того, чтобы разрушать. Он существует для того, чтобы все обгаживать, чтобы элиминировать ценности, вносить релятивизм, осуществлять подкоп под все гуманистические константы, дискредитировать идею развития, кончать историю. Он, Постмодерн, этим может заниматься, ничем больше.

А кто потом-то придет на пепелище, устроенное постмодернистами? Там же враг пострашнее. Постмодернисты – это враг первого уровня. А враг второго уровня – кто? Какую идею хочет осуществить враг для того, чтобы перейти от хаоса, организуемого и управляемого постмодернистами, к некоему порядку, при котором мало не покажется никому?

Мы утверждаем, что этим врагом являются силы, которые выдвигают идею фундаментально многоэтажного человечества – человечества, которое будет разделено непроницаемыми перегородками. Идею антропологического неравенства.

Эта идея, конечно, черпает свои силы в определенной метафизической традиции – в традиции гностической: пневматики, психики, хилики. Нет другой мировой традиции, которая выступала бы так мощно с идеей антропологического неравенства.

Если политический враг – постмодернизм, то метафизический враг – гностицизм в его новом выражении. Неолиберальным фашизмом это называют. Но слова сами по себе еще ничего не значат. Вопрос возникает в формуле, в стержне, в сути этого времени, про которое было сказано: «Ваше время и власть тьмы». Суть этого времени – антропологическое неравенство, обоснованное метафизически. Вот кто враг.

Можно ли бороться с таким врагом без своей метафизики?

Я перехожу здесь от политической аналитики к метафизике.

Просто хочу зачитать еще один текст из числа тех, которые я всегда называл смешными.

Саркози назвал премьера Израиля лжецом.

«Президент Франции Николя Саркози в частной беседе с Барак Обамой раскритиковал премьера Израиля Беньямина Нетаньяху во время саммита G20 в Каннах.

Как сообщает ВВС (ВВС, заметили, да? – С.К.), Николя Саркози сказал американскому лидеру буквально следующее: „Я не могу больше смотреть на него, он лжец“...»

Вы, вообще, можете себе представить что-нибудь такое лет 10–15 назад? А мы предупреждали на протяжении всех этих 10–15-ти лет – всех предупреждали, включая своих израильских коллег, – что будет именно так.

Вы, вообще, понимаете уровень этого для международного совещания – совещания на высшем уровне? Вы понимаете, что такое в европейской культуре сказать: «Я не могу смотреть на коллегу, он лжец»?

«На этот выпад в сторону Нетаньяху Барак Обама ответил: „Вы, может быть, и сыты им по горло, а мне приходится с ним общаться каждый день“. Этот диалог Саркози и Обамы состоялся во время пресс-конференции в Каннах на прошлой неделе.

Его подслушали журналисты, однако его содержание стало известно только сейчас.

Обама обсуждал с Саркози возможное членство Палестины в ООН, принятие Палестины в ЮНЕСКО. Перед этим Израиль отказывался финансировать ЮНЕСКО»²¹.

21 <http://news.tochka.net/77561-sarkozi-nazval-premera-izrailya-lzhetsom/>

То, что Израиль отказывался... Он вечно отказывается... Вопрос не в этом. Потому что никогда эти отказы Израиля не вызывали миллионной доли той реакции, которая здесь описана. Миллионной, понимаете? Были плохие времена, ссоры Израиля с США и Западом... Были хорошие времена. Никогда эти отношения не были такими идеальными, как об этом говорит наша лжепатриотическая публицистика – все всегда было сложно. Но никогда помыслить себе ни о чем подобном было невозможно.

Почему? Потому что если актуальна формула «Постмодерн плюс Контрмодерн», то Израиль – это государство, которое не должно существовать на карте мира, оно должно быть уничтожено. И я говорил – не только здесь, но и в международных кругах, – что я отнюдь не удивлюсь, если Запад приложит впрямую руку к тому, чтобы его уничтожить. Не по ливийскому, так по другому сценарию.

Разговор между Саркози и Обамой есть выражение чего? Того, что мир движется в сторону «Постмодерн плюс Контрмодерн». А не будет Контрмодерна без исламизма! И не будет союза постмодернистского Запада с исламизмом без принесения Израиля в виде жертвы на этот алтарь. И вот здесь говорят об этой жертве. Прямо. Нагло. Как никогда...

Дело тут не в Израиле, а в очередном аналитическом подтверждении нашей модели о трех проектах и о том, что «Контрмодерн плюс Постмодерн» идут вместе против Модерна. И что не вытанцовывается все это на Ближнем Востоке – в ключевом регионе мира – без того, чтобы не передать регион под власть управляемого исламизма, воинствующе отрицающего идею развития, под власть условной «Аль-Каиды», и не заключить иначе с этой «Аль-Каидой» союз против Модерна, то есть против Китая, Индии, Вьетнама – всей оставшейся развивающейся части мира. Это карта боевых действий 2017 года. Нет другой карты, и уже не может быть.

Поэтому события в Ливии, где восстала Джамахирия – больше она восстала или меньше, это ее звездный час или звездный час еще наступит, – это событие мировое. И вот это маленькое высказывание – тоже событие мировое, и является

оно очередным доказательством (не знаю – тысячным, тысяча двадцать пятым) того, о чем мы говорим.

Но если эти доказательства множатся, и это действительно так, и это все в большей степени оформляется... Картину трудно увидеть, когда она начинает оформляться. Вот тут нужно предвидение... а предвидения не существует. Существует способность понимать процесс, и уловить первые, начальные фазы его формирования, и сказать: «А, вот он! И он будет идти вот так». Поймать первые «раковые клетки». Вот и все, из чего состоит предвидение: понять значение этих клеток и поймать их первыми. Так вот, мы поймали и предупреждаем, что будет так. И вот уже нависают эти события над миром с такой силой, как никогда.

Констатируя это, я завершаю ту часть, которая связана уже не с практической политикой, а с аналитикой международной и внутренней и которая выводит нас на модель трех проектов. А выводя на них, выводит на модель Четвертого, рассмотрение которого по всем пунктам невозможно без актуализации метафизической тематики.

И тут мы переходим к практической философии.

Что такое метафизика? Метафизика – это что такое? Это мистика? Это когда сидит ваш покорный слуга, начинает какой-нибудь обряд. Потом ему кажется, что он выпал за грань этой вселенной, у него там духи, он с ними общается... Чушь собачья!

Метафизика – это не мистика. Хотя и к мистике нельзя относиться без уважения, если ты относишься с уважением к религиозным людям и к их мистическим традициям. Я изучал мистические традиции, прекрасно их понимаю, но я абсолютно светский человек. И, уважая эти традиции, зная их, понимая, как они устроены, я абсолютно никого не призываю к ним присоединяться. Религиозные люди и так в той мере, в которой хотят, в этом существуют. А нерелигиозные должны существовать в чем-то другом. Но это вообще не имеет никакого отношения к метафизике. Это глубочайшее непонимание.

Метафизика – это одно, а мистика – это другое. Это случайно спутанные в силу нашего агитпропа понятия.

Метафизика – это предельные основания. Точка. Все. Предельные основания чего угодно. Важно, что это предельные основания. Запомните эту формулировку. Если вам скажут, что ее нет в словаре, то не огорчайтесь. Она точная.

Без предельных оснований бывает трудно куда-то двигаться. Предельные основания – отсюда возникает метафизика, связанная со смыслом жизни, смыслом деятельности и так далее. Вы можете искать или не искать эти предельные основания.

Кстати, этим всегда занималась философия. До XX века. В XX веке, когда вместо Гегеля и Маркса (для которого метафизика существовала, только называлась диалектикой, как и у Гегеля), вместо таких философов, претендующих на онтологию, на бытие, на анализ основ, на единство гносеологии, онтологии, аксиологии и всего прочего, – вместо таких философов родились позитивисты, структуралисты... С этого момента место философии заняла логика, или гносеология, или философия культуры. А философия кончилась.

И последним великим философом, имеющим практическое политическое значение, был Карл Маркс. Карл Маркс, искавший эти предельные основания.

После него существовала еще одна школа, которая действительно предельными основаниями занималась в том плане, что сказала, что их нет и фиг с ними. Называется она «экзистенциализм».

Я здесь без всяких огрублений пытаюсь наиболее просто это все изложить. Экзистенциализм – это когда у меня есть предельные основания: они заключаются в том, что я знаю, что их нет, а веду себя так, как будто бы они есть. Фолкнер от лица экзистенциализма говорил о необходимости оставить хоть маленький шрам на лице великого Ничто – вот в чем смысл и цель человеческой жизни. Это абсурд. Ну и что? А я веду себя так, как будто бы его нет. А я на него плюю!

В этом великая человеческая традиция. Она выходит за рамки экзистенциализма, потому что никогда человек не смирится ни с какими законами природы. Открывая эти законы, постигая их, ликуя по поводу того, что он их постиг, жадно

желая постичь что-нибудь новое, человек тут же начинает эти законы попирать.

Он открывает закон гравитации только для того, чтобы преодолеть его. Он никогда ни с какой закономерностью не смирится.

Человек, смирившийся с закономерностью, – это уже не человек.

Человек, не выявляющий закономерностей, – это безумец.

Человек, смирившийся с закономерностью, – дрожащая тварь.

Человек – тот самый, про которого было сказано: «...это звучит гордо», – это человек, который законы постигает – и не принимает. Он их преодолевает. И в этом его миссия.

Природа, закономерности, железные функции?! Плевал он на них! Он существует для того, чтобы их понять и преодолеть.

«Свобода есть познанная необходимость» – что это значит? Законы – это познанные законы, которые освобождают для того, чтобы их не стало в каком-то смысле. Открыть законы гравитации в этом смысле нужно для того, чтобы их преодолеть, взлетев сначала в высь поднебесную, а потом и в космос. Вот для этого нужно знать законы гравитации. А не для того, чтобы им подчиниться и ползать по земле.

Значит, если таким законом, например, для человека является смерть, то, как только он выявил ее в качестве закона и познал в качестве такового, он будет это преодолевать. И это тоже задача метафизики. Он уже по факту понимания начинает это преодолевать.

Именно поэтому он человек. Светский, религиозный – какой угодно. Все зависит от того, в каких формах он это делает. Но он перестает быть человеком, когда в нем нет воли к преодолению.

Итак, метафизика может искать предельные основания либо в абсурде – в «великом Ничто», которое рано или поздно и станет тьмою кромешной, это я показал в книге «Исав и Иаков». Есть экзистенциалисты, которые начинают молиться

на это Ничто, как, я считаю, Хайдеггер и другие, – есть вот такая околонуристическая школа. А есть левые хилиастические экзистенциалисты, которые говорят: «Мы шрам оставим».

Но они уже – и те, и другие – признали, что предельных оснований нет, а действуют так, как будто они есть. А человек остался. Ничего в нем нет, кроме вот этого «не примирюсь!» Знаю, что нет предельных оснований, а вести себя буду так, как будто они есть! Это экзистенциальная школа.

Есть религия, которая видит предельные основания в Боге. И дальше уже движется по ступеням восхождения, постигая Бога, потому что метафизика – это не катехизис. Это вещь гораздо более сложная и глубокая.

И есть светская метафизика, которая видит преодоление в человеке. Но в человеке она его может видеть только как в процессе. Значит, для нее актором преодоления (субъектом преодоления) является двигающийся, восходящий человек – человек, находящийся в движении развития.

В этом смысле диалектика вообще ищет предельные основания в этом самом движении. Она и только она – в этом величии Маркса. Потому что вот есть жизнь и есть смерть. Вы метафизически начинаете разбирать эту коллизию. И вы хотите понять, в чем смысл жизни? Где предельные основания? В чем цель? В чем смысл? Вот не можете вы жить, не задаваясь этим вопросом. Так или иначе вы им задаетесь. И существуют два подхода к решению этого вопроса.

Первый подход – найти эйдос. Платоновский эйдос. То есть найти некоторые константы в вечности, неподвижные, которые и есть предельные основания явления. Заявить о том, что смыслы пребывают в трансцендентном мире и весь реальный мир является просто оформлением этих смыслов в материи. Что есть источники, они понижают свое качество, излучая энергию в материю. Формируются сгустки этой энергии, и они и есть смыслы внутри той материальности, которая составляет жизнь. Это платоновский подход – подход через неподвижность.

Подход же диалектический состоит в том, что вы понимаете, что есть то, что еще нежизнь, и есть сверхжизнь.

И говорите: «Я хочу понять смысл жизни, потому что мы идем из неживого – того, что еще не есть жизнь (камни не живут), – в живое, а из живого – в сверхжизнь, то есть в разум. Для того чтобы мне понять смысл жизни, я должен рассмотреть единство камня, клетки (или растения) и человека. И вот тогда в этом единстве я пойму, в чем смысл жизни, а если я все время буду толочься на территории самой этой жизни и спрашивать, в чем ее смысл, я никогда ничего не пойму.

И диалектика в XIX–XX веке апеллировала именно к этому смыслу. Диалектика была последним прибежищем смысла. Но смысл она искала так.

А дальше формировался весь ряд. Есть жизнь, а что едино с этой жизнью в неживом? А ведь неживое тоже делится на кварки, атомы, молекулы, кристаллы, вот уже клетки пошли... А что до кварков? Когда материя была квантованной и когда не была, а была другой?

Дальше идет живое, и оно тоже делится на подразделы. Потом начался разум, а потом за ним должно идти что-то еще.

Вот эта ось устремлений – что она есть такое? Что есть дух развития или, как говорилось, исторический дух? Что есть этот дух? Но ведь мы понимаем, что он есть, что если он движется и восходит, то он восходит куда-то, зачем-то и как-то и что у этого восхождения есть источник. И что именно наличие источника и духа восхождения, или развития, и представляет собой предельное основание.

Значит, если, с одной стороны, существуют организованности и лестница этих организованностей, всеобщий организационный принцип, то существует и другой принцип, принцип врага – дезорганизационный. Значит, источник есть то, что порождает организацию, после того как побеждается дезорганизация.

Люди, тяготеющие к образам, будут говорить об «огне», об «огне огней», о «свете»... «Ты одна мой несказанный свет», – говорит Есенин о матери. Есть культурные, символические традиции, которые адресуют к этому высшему началу, к источнику. Но только если нет этого источника и если человек в своих исканиях не опирается на метафизику, то нет у него ничего.

В обычной своей жизни человек может опираться неосознанно и осознанно. Если у людей есть боевой дух и он не сломлен, то не все ли равно, как именно этот дух организован? Возможно, людям это не нужно понимать. Кому-то и не нужно.

Вопрос возникает в одном случае – когда удалось сломить дух. Вот тогда возникает вопрос об источниках и исправлении ситуации, о починке хребта, о связи времен. Этот вопрос по определению стопроцентно метафизический, потому что, только нащупав предельные основания, вы можете начать обратное движение-исправление, иного пути просто нет по определению. Особенно если вы думаете не только о себе (может, у вас этот дух и есть), а об обществе, народе.

Если у народа отняли историю, значит, отняли этот стержень, этот принцип движения. Значит, нет уже опоры в человеке. А дальше она теряется и во всем остальном.

Теперь давайте посмотрим, как именно это работает. «Потому что, – говорят, – это все абстракция, это все, знаете ли, такие вещи, которые только для высоколобых разговоров...»

Давайте попробуем посмотреть, как именно это работает. Давайте рассмотрим это на примере наших противников – моих противников по телепередачам: Гайдара или того же Чубайса.

Ведь там же было: прогрессоры! Стругацкие же были насквозь метафизичны! «Гуманизм был скелетом нашей природы! Прогрессорская миссия! Восхождение! Мы убираем препятствия с пути исторического процесса... Теория исторических последовательностей...» – это же все было?

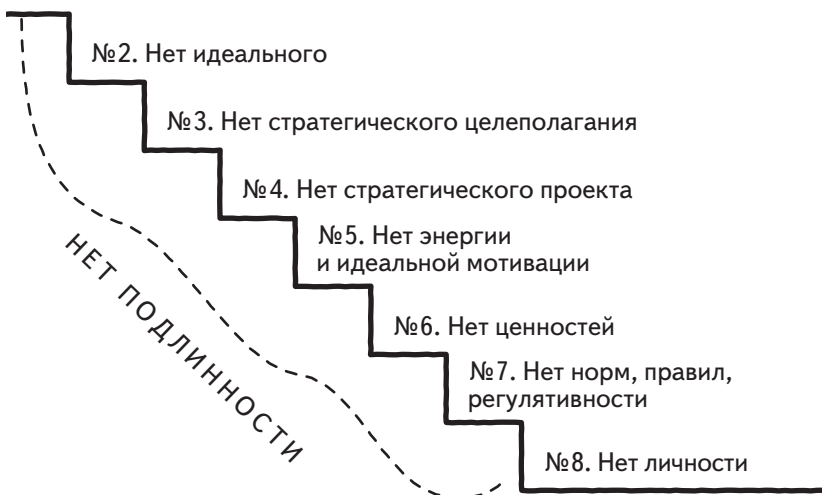
Запад как предельный источник этого восхождения, проект введения России в Запад, вся эта модернизация... Вот это же все было? (рис. 8)

Значит, была метафизика (ступень №1), которая порождала определенные идеалы – Идеальное (ступень №2).

Если нет Идеального – нет ступени №3, то есть стратегического целеполагания. Ну, нет его! Не может человек без Идеального создать стратегическое целеполагание.

ЕСЛИ НЕТ..., ТО НЕТ...

№1. Нет метафизики

Творческое бесплодие
порождает попеременно
апатию и зависть и ярость

Исчезает содержание, остаются только **формы**.
Теряется **компетентность**, а затем теряются **факты**.
Теряется **адекватность**, нарастает **страх**.
Отсюда **холуйство** к одним, **провокативность** — к другим.

Но без стратегического целеполагания нельзя создать стратегический проект (ступень №4), правильно? Если нет цели, какой проект? Проект – это что такое? Это когда движение к цели постепенно начинает осуществляться – это технологизация целей.

Если у человека нет стратегического целеполагания, Идеального и всего прочего, то у него нет энергии, нет мотивации соответствующего уровня – идеальной мотивации. И это ступень №5.

Но если нет энергии, и нет мотивации, и нет целей, то нет и ценностей, потому что, кто бы что бы ни говорил, ценности – производное от цели. Вот этот стакан обладает ценностью постольку, поскольку, например, я хочу вас стукнуть по голове, – он полезен. Или не полезен. Цели порождают ценности, а не как-то иначе.

Значит, нет и ценностей. Если нет ценностей, то нет норм (ступень №7). Нет правил. Нет каркаса внутреннего, человеческого, регулятивности. А если всего этого нет, то исчезает личность (ступень №8). А раз исчезает личность, то задним числом отовсюду исчезает подлинность. Все становится подделкой. Но и это еще не все.

Посмотрим, как это движется дальше.

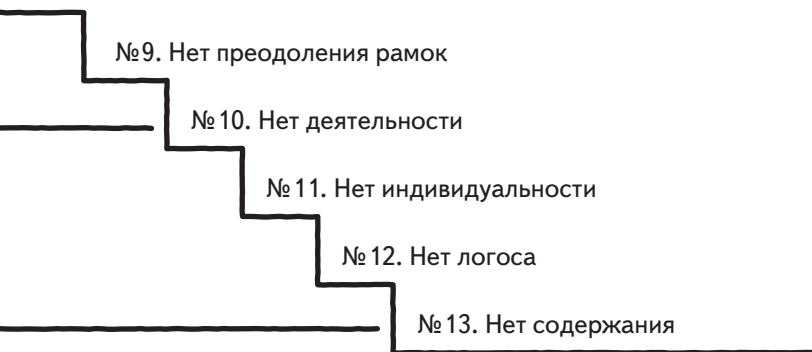

Рис. 8

Исчезает личность – исчезает подлинность – исчезают нормы – что происходит дальше? А дальше нет возможности преодолеть рамки (ступень №9). Ведь личность – это нечто, способное преодолеть рамки.

Вот жизнь задала вам какие-то рамки, вы в них действуете. Но поскольку у вас есть банк Идеального, банк символов, банк всего прочего, вы можете выкинуть некие концы (якоря некие) за пределы рамок, заякориться за пределами заданных рамок. А дальше – вытащить себя, как барон Мюнхгаузен за волосы, за какие-то рамки. И тогда вы – человек. Ведь вы человек постольку, поскольку можете преодолевать самого себя, поскольку можете двигаться к себе же новому. Человек – единственное существо, которое может преобразовывать мир сознательно таким образом, что то, что было негодное (сырая картошка), становится годным (печеная картошка); и он это делает не потому, что картошка случайно спеклась где-нибудь в огне, а потому, что он ее печет в духовке. И то же самое, что он делает с внешним миром, он делает с самим собою. Поэтому он человек.

Значит, начинается человеческое падение: нет преодоления рамок. А как преодолеваются рамки? С помощью символов. А что такое символы? Это и есть метафизика. Если у вас нет своей метафизики: нет своих героев, нет своих священных песен, нет вообще священного, – то нет ничего. Как вы можете дальше действовать, существовать, преодолевать, выходить за рамки?

Теперь представьте себе, что у вас была какая-то рамка, в которую еще входили какие-то человеческие константы, а вас за нее вытеснили в новую рамку. Вы же даже до этих констант не достучитесь, потому что они уже ушли за рамки. А новые рамки вам задает новое бытие! Офисный планктон: был физик – стал менеджер. А ценности-то у человека сформировались тогда, когда он был физиком. Но он же до них уже дотянуться не может как до ценностей, потому что новая рамка мешает. Она это все задает.

Значит, возникает буквальное человеческое падение.

Дальше начинает распадаться труд. Если вы перестаете быть личностью, если вы не можете восходить, то есть менять себя, то вы не держите и внутренней структуры. Значит, ступень №10 – это распадение деятельности.

Дальше возникает полное творческое бесплодие. Если вы не можете осуществлять деятельность, не можете выходить за рамки, то вы бесплодны.

Как только у вас возникает бесплодие, то у вас появляются два качества: вялость и зависть к тем, кто не бесплоден, агрессия по отношению к ним. Такой маниакально-депрессивный синдром. То с бесом этой зависти и ярости, то в апатии, то снова с бесом, то снова в апатии. Начинает работать маятник, уничтожающий не только личность, но и индивидуальность (ступень №11).

Дальше – неспособность даже впитать чужое, потому что уже уничтожена индивидуальность. Тогда что остается? Остается боль от того, что оно чужое, и полная неадекватность. Человек не способен погрузиться даже в чужое содержание. Не только создавать свое, но и погрузиться в чужое...

Что тогда он делает? Он начинает воровать слова (ступень №12). И уже нет ни одного произнесенного слова, которое не было бы украдено, без всякого отношения к их содержанию. «Дурно пахнут мертвые слова»²².

После того, как это происходит, процесс идет по нарастающей. Слова превращаются в симулякры, деятельность отрывается от слов, нет никакого желания что-то реализовать, только играть с летящими предметами. Обнуляется всякое стратегическое содержание вообще. А какое у вас стратегическое содержание, если нет слов, если слова стали симулякрами?

Логоса нет – нет стратегического содержания.

Нет стратегического содержания сегодня – завтра и на следующем этапе исчезает содержание вообще.

Исчезает содержание вообще – возникают только формы. Теряется матрица, то есть компетентность. Вас спрашивают

---

22 Из стихотворения Н.Гумилева «Слово».

о чем-то, а у вас нет суждения, потому что вы не можете обратиться даже к простому содержанию, а тем более к стратегическому.

Теряя компетентность, вы на следующем этапе теряете факты. Если сегодня нельзя высказать никакого отношения к историческому процессу...

«Вы, извините, господин Кургинян, все марксистскими своими какими-то теориями оперируете. Ерунда полная...» Я мог бы сказать по этому поводу много резких слов, но я говорю предельно вежливо: «Будьте добры, пожалуйста, на вашем языке, в вашей понятийной сетке, сформулируйте, что, по-вашему, является основными противоречиями XXI века, будьте добры». Оппонент блеет. Он не может ни использовать своего языка, потому что у него его нет, ни на этом языке сформулировать что-то по поводу противоречий, потому что они его не колышут. И он не имеет к ним хода, потому что он лишен не только метафизики, не только идеального и так далее, – он вообще уже содержания лишен.

Ну, а дальше оппоненты начинают говорить о том, что китайцы в среднем получают 7 долларов!

При этом они постоянно хотят завязывать какие бои? Они хотят завязывать бои на таких направлениях, при которых ты будешь все время доказывать, что Волга впадает в Каспийское море. Скажут какую-нибудь глупость и начинают спорить по поводу глупости... Включаться в такой спор нельзя. Все, что можно, это пройти мимо их глупости и продвигать свое стратегическое содержание.

Они не могут отвлечь глупостями – они начинают отвлекать хамством.

Они не могут отвлечь хамством – они пытаются переходить к простым физическим действиям. К чему угодно. Потому что полное фиаско. Полный распад. Нет элементарной адекватности.

Не можешь ориентироваться в мире, не можешь сам в нем плыть – что ты делаешь? Ты к кому-нибудь цепляешься. Ты хватаешь кого-нибудь за фалды, и начинаешь плыть за ним, и говорить: «Тащи меня куда-нибудь».

То есть ты превращаешься из человека, способного идти своим путем, в клиента. Но тому, чьим клиентом ты становишься, от тебя рано или поздно что-то становится нужно, да? А ты уже не можешь ему этого дать. Что ты ему можешь дать? Ты его можешь только развлекать. Можешь быть гувернанткой, холуем, лакейчиком, официантиком. Ты ему стратегически-то не нужен.

Чем меньше ты ему нужен и чем больше ты отодвигаешься на периферию этой нужности при полном собственном ужасе от того, что ты не можешь существовать сам по себе, тем больше ты боишься.

Нужность падает, самостоятельность падает. И падение нужности, и падение самостоятельности лавинообразно наращивает страх. Возникает страх. Он нарастает. Ты перестаешь уважать себя и погружаешься в пучину этого страха.

Нет опоры в себе. Нет опоры в друзьях. Нет опоры в собственной компетенции. Есть только страх оказаться не нужным никому и цепляние за что-то, что тебя делает нужным.

Идет распад деятельности. Ты не можешь нормально взаимодействовать с другими. Не можешь с ними взаимодействовать – значит, тебе нужны патологические формы взаимодействия: не могу спорить – буду врать, оскорблять, отвлекать на частности.

Ты превращаешься стихийно в источник сплошной провокации, потому что это единственное, что ты можешь породить по отношению к другому.

Холуйство по отношению к одним и провокативность по отношению к другим.

Фиаско провокативности, потому что распад деятельности не позволяет осуществить даже крупную провокацию, – порождает корчи, коллапс. И тогда рано или поздно возникает необходимость каких-то «костылей» – оккупационных армий или фальсификаций.

Когда я впервые принял предложение участвовать в программе «Суд времени» на Пятом канале федерального телевидения, мне все говорили: «Да вы ведете себя как дурак. Вы что, не понимаете, что они там будут устраивать? Вы не

понимаете, какие голосования устроят? Вы не понимаете, что эти люди могут с вами сделать?»

Я отвечал на это, что, во-первых, это все, конечно, правда. А во-вторых, это синдром, комплекс неполноценности – наделение противника абсолютным могуществом и статусом машины, безупречно осуществляющей игры с огромными ресурсами, а себя – статусом муравья. «Небоскребы, небоскребы... А я маленький такой...»

Вот этот комплекс и есть сломленность духа. Поэтому нужно абсолютно трезво пытаться играть в безнадежных или почти безнадежных ситуациях, превращая их из безнадежных в нормальные.

Я угадал тогда несколько вещей.

Первая вещь, которая была угадана, – что люди, которые мне предлагают участие в этой программе, – приличные, нормальные люди. У них есть свой нормальный телевизионный интерес. И в рамках этого телевизионного интереса они подличать не будут.

Второе – что, конечно, если им прикажут, они сделают все, что им прикажут: они подневольные люди. Но приказывать им не будут, потому что наверху заняты не какими-то идеологическими спорами, а вещами намного более серьезными. Внимание отвлечено. Субъект находится в состоянии внутреннего противоречия, которое парализует его деятельность...

Ставка на это внутреннее противоречие, парализующее его деятельность, на внутреннюю деградацию либерального субъекта, с которым надо играть игру, и на нормальную приличность тех, с кем ты работаешь, – вот три ставки, которые я сделал, начиная «Суд времени».

Я понимал при этом, что на выигрыш у меня есть 5%, а 95 – на проигрыш. Но я также знал, что если мне даны эти 5% и у меня есть своя метафизика, то есть свое представление о долге перед Идеальным, свое представление о миссии, то я играть буду и буду выигрывать, потому что у меня это есть, а у них этого нет.

Ровно то же самое происходило в «Историческом процессе». Но после «Суда времени» тем, для кого этот суд стал

событием, и мне, и стране, и миру, и простым людям, и элитам – нужен был правдивый ответ на один-единственный вопрос: вот эти телевизионные 44 победы, эти проценты голосования – это всего лишь телевизионный процесс, при котором какие-то узкие группы активно нажимают на кнопки, или это подлинный процесс?

Я-то прекрасно понимал, что он подлинный, потому что даже своим ближайшим сподвижникам запрещал какие бы то ни было манипуляции с телевизионными голосованиями за рамками того, что было позволено правилами тогдашней игры. Потому что эти правила игры менялись. Например, когда возникала фантазия, что Кургинян выигрывает потому, что голосующие за него пожилые женщины и мужчины много раз жмут на кнопки, был включен механизм «один человек – одно голосование». Один телефон – один голос. И результаты были теми же самыми.

Я понимал, что результаты голосования отражают реальный процесс. Понимал. Но нужно было добиться абсолютных доказательств того, что процесс именно таков.

И тогда было собрано движение «Суть времени». И что мы сказали членам движения? Действуйте как безупречные социологи-волонтеры: идите в электрички, в какие-нибудь кафе-бары, куда угодно, но не к своим сторонникам. Найдите подлинные социологические данные, сделайте такое социологическое исследование, которого еще не было в стране.

И мы его сделали. 75% смысла телевизионной борьбы со счетчиками на этом было завершено.

Осталось добить противника, используя то, что противник паникует от этих цифр, ибо противник вышел уже на главный канал страны – на основной государственный канал в предвыборный год.

Я понимал, что риск еще намного больше. Но для меня в этот момент экзистенциальная задача была уже намного важнее задачи количественной. Я добивал, добивал и добивал противника, показывая, как он падает.

От метафизики он падает к краху собственного идеального. От краха собственного идеального – к краху подлинности,

к краху стратегического целеполагания, к краху проекта, к краху компетенции, к краху способности управлять фактами, к краху способности вести полемику.

Вот все эти крахи до конца нужно было провести, чтобы показать, что эта мерзость, погубившая когда-то Советский Союз – мое великое государство, разрушившая мировую стабильность и сделавшая все остальные пакости, – эта мерзость разлагается. Она умирает.

Что речь идет не только о количестве – какой процент населения за нее, а какой против. В конце концов, это уже вопрос второй. Речь идет о качестве, о степени маразма и о том, что надо их пропустить сквозь все ступени маразма, сквозь все, до конца.

И, наконец, пришли Чубайс и Авен на передачу у Гайдаре. И мне сказали: «Ты совсем сумасшедший. Ну, вот совсем. Ты и сейчас пойдешь на передачу? А зачем ты на нее пойдешь? Ты будешь конкурировать в телефонном голосовании с хозяином сети „Билайн“? Ты не технолог? Ты не понимаешь, что и как делается? Ты же обречен!»

Я ответил: «По вашей теории абсолютного субъекта, который располагает такими-то ресурсами и действует, как электронная машина, беспредельно располагающая этими ресурсами и способная сформулировать оптимальную стратегию, – по этой схеме я абсолютный ноль. И я проиграл. Только этой схемы нет. Ее нет».

Действуют не машины с неограниченными возможностями. Действуют люди, внутренне уже сломавшиеся, потерявшие правду, с дрожащими губами и с огромными возможностями и оперирующие во всех пространствах низости... Но оперирующие как люди... То есть, во-первых, погруженные в апатию, которая время от времени взрывается истерикой, не доверяющие ничему, боящиеся всего. И поэтому эти люди будут действовать глупо.

Если они будут действовать умно, я обречен, но они будут действовать глупо.

А главное – что будут действовать. Если бы Чубайс бездействовал, он оказался бы в идеальном положении человека,

правду которого поддерживает 4% населения, но который знает, что он прав перед богом, перед судьбой, перед историей, перед всем чем угодно. Плевать на проценты! Он «идет на вы»! Он рыцарь Либерализма!

В конце концов, когда я выступал в конце 80-х годов, меня поддерживало 5% – я говорил правду о Советском Союзе. И ничего!

Но Чубайс уже сломлен. Включить машины, которые находятся в их распоряжении, на полную мощь Чубайс и Авен не могут, потому что они боятся этих машин – они состоят из людей.

Что они делают? Они делают вот эту чехарду... И они же всех остальных презирают. Они их держат за дураков, за ничтожеств, за людей, не владеющих ни кибернетическим мониторингом, ни вообще никакими фактическими данными, – ничем. Они же их за таких людей держат.

А мы-то уже другие. Мы-то эти 20 лет работали. У нас-то своя метафизика, свои идеалы, своя подлинность есть. У нас есть своя организованность. У нас есть свои друзья, своя система связей, коммуникаций, информации и так далее. И мы же узнали точно, как именно был организован на «Историческом процессе» с участием Чубайса и Авена этот выплеск.

Мы узнали, кому были какие ресурсы делегированы, кто и как эти ресурсы распилил, кто сбросил вниз часть этих ресурсов, как эти ресурсы опять распилили. И что конкретные исполнители, чтобы в ходе голосования поскорее выпулить побольше этих самых паленых SMS, использовали телефонный ресурс так, что на определенный момент он упал до нуля. А свои деньги они тратить не будут...

Мы все узнали по этому поводу. Все, полностью.

Что произошло? Позор произошел. Позор.

Если бы хватило ума идти, как Рыцарю печального образа, или хватило бы организованности действовать, как машина с абсолютными возможностями, позора бы не было. Но он же произошел.

И возникла еще одна победа.

На этом противник мог бы остановиться, но противник

на этом не остановился. Он уже понял, что его взяли за руку. И он тогда, не будучи организованным и уже не обладая никакой способностью к тому, чтобы осуществлять деятельность, ибо на этой грани метафизического падения уже нет возможности осуществлять деятельность вообще... Что сделал противник?..

Есть так называемые статистические законы. Вот какое бы у вас ни было устойчивое голосование... А оно почему устойчивое? Потому что есть определенное множество, которое поддерживает Сванидзе, и определенное множество, которое поддерживает Кургиняна. Колеблющаяся часть незначительна. Это два множества. Поэтому, когда сделано много телефонных звонков в пользу одного или другого, то примерно это все выходит на статистически средние числа.

Но ведь на статистически средние. Они колеблются. А если они 17 минут не колеблются до сотых процента, если коэффициенты соотношения голосов за Кургиняна и Сванидзе на протяжении десятков минут не меняют сотых процента... не процентов не меняют, не десятых, а сотых, – то, как говорится, без комментариев.

Дальше вопрос в одном – в окончательном реконструировании субъекта, который этим занимается.

По ряду косвенных признаков, субъект этот среднегабаритный. Я не буду перечислять его признаки, потому что если их начну перечислять, то субъект начнет исправлять свои ошибки. Зачем я здесь, в открытой на всю страну передаче, начну рассказывать людям, которые не могут осуществлять профессиональной деятельности, как они должны меня профессионально обыгрывать. Это было бы с моей стороны крайне глупо.

И я вообще обсуждаю здесь не телефонные голосования, в рамках которых на всех предыдущих передачах «Исторический процесс» все было по статистическому закону и все цифры колебались правильно, как полагается, на уровне сотых процента и десятых процента. Проценты стояли, а эти-то цифры колебались. А потом вдруг возникла прямая линия без колебаний.

Я не это все обсуждаю. Я обсуждаю принцип падения, который начинается с метафизики, а кончается распадом деятельности именно по той схеме, о которой я сказал. И обнажить-то надо было уже вот это.

Теперь возникает следующий вопрос – вопрос о том, почему мы победить не можем. Почему? А потому, что тот же процесс идет в патриотическом лагере. Буквально тот же. Абсолютно тот же. Один к одному тот же. Вот что ужасно!

Смотрю интернет-передачу господина Сулакшина. Господин Сулакшин, с такими же, как на заставке нашей передачи, песочными часами на столе, сидит вместе с господином Карамурзой и другими господами и рассказывает людям нечто. Все могут с этим ознакомиться. И вдруг говорит (цитирую):

«Вы наверняка читали или слышали о такой книге четырехтомной, „Проект Россия“ называется. „Проект Россия“. Тиражи знаете? Сотни тысяч экземпляров.

Можете посчитать, сколько это стоило? Миллионы долларов.

Вот мы в Центре имеем издательство, выпускаем книги и знаем, что почем. Почем она, копеечка... И как издать лишний экземпляр, и как его потом распространить. Так вот, эта книга, которая написана о самых болевых точках нашей жизни, о том, о чем мы говорим, но написана с очень некоей поганой целью... Это была как раз технология – увидеть, насколько русский и российский народ созрел для сопротивления этой либеральной космополитической модели издевательства над страной и им самим, каков потенциал сопротивления, чего ожидать. Автор этого провокационного издания вычисляется. И тоже есть технология, весьма профессиональная – сейчас этот умный, выдающийся умный автор на телевидении блещет в баталиях со своим визави»²³.

Поскольку в баталиях с визави «блещу» только я (блещу не блещу, но просто выступаю), то ясно, к кому это относится.

А теперь – в чем уровень метафизического распада, превращающийся в распад деятельности?

---

23 <https://vimeo.com/31320048> (На 31 мин. 38 сек.)

Он заключается в том, что я узнал о существовании «Проекта Россия» совсем недавно. То есть я в аналитических сводках читал, что есть такой проект, но я не читал это четырехтомное сочинение. Узнав же о нем, я через 15 минут понял, кто является автором. Тем более что по какому-то странному стечению обстоятельств этот автор начал выходить на меня с предложением о сотрудничестве ровно тогда, когда господин Сулакшин начал метать громы и молнии.

И я понял, что автор-то этот находится гораздо ближе к господину Сулакшину (или, точнее, к тем элитам, позицию которых озвучивает господин Сулакшин), чем я. Что в тот момент, когда господин Сулакшин все это залудил, он, во-первых, оскорбил не меня, а друзей своих друзей, однозначно. Во-вторых, продемонстрировал свою полную некомпетентность. Ибо вся Москва знает, кто автор «Проекта Россия». Сулакшин же мог просто выбросить этот кусочек из своего выступления и сказать: «Есть у нас тут такой, знаете ли, провокационный товарищ, который блещет в баталиях со своим визави, а на самом деле... Мы знаем...». Была бы провокация. Но он уже распался, ровно по той схеме со ступеньками, до состояния абсолютной некомпетентности. И марает-то он те субъекты, от лица которых выступает в этом некомпетентном состоянии.

А вместе с Сулакшиным сидит Сергей Кара-Мурза, который, когда я спросил его на «Русском клубе»: «Как мы будем работать?»... Мы же с ним коллеги по «Русскому клубу», мы же братья... У нас братство! На этом «братстве» сначала Кара-Мурза сказал, что не надо обращаться к народу, а надо искать элиты, которые смогут принять заказ. Потом он нашел элиты. Сидит рядом с элитами в состоянии соответствующего падения и слышит: про его коллегу из «Русского клуба» говорится бред и низость. И слушает. Потому что уже нет норм: нет норм приличия, нет регулятивных оснований – нет ничего. Все распалось. Есть услужение и полная растерянность, полная дезориентация и неготовность быть даже компетентным.

Так что же делать-то нужно? Делать-то что? Нужно изгнать этого беса из общественных групп, которые еще готовы к

какому-то действительно моральному, экзистенциальному подвигу, которые еще не заразились смрадом безнормия, низости, некомпетентности, неприличия.

Все всегда понимают, что если ты сам пишешь какие-то книги, то неприлично так, походя, полоскать других авторов. Это разговор не по существу, не по предмету, а с позиций Чубайса. Нет разницы между Сулакшиным и Чубайсом. Ее не было, когда они шли вместе вначале, ее и сейчас нет. И по причинам именно этого, как ни странно, метафизического характера.

И обсуждаю я все это не потому, что мне нужны какие-то голосования: я и так знаю, что на нашей стороне большинство, – мне сейчас важно, в каком качестве будет находиться большинство, как вытащить его из этого метафизического падения. И не потому, что мне важно, кто обо мне что говорит. Мне давно это неважно. Мне важно, чтобы те, кто меня слушает, поняли, при чем тут метафизика. Поняли, что когда ты говоришь «А», то ты в конце скажешь «Я». И что если первая передача из этой программы была посвящена метафизическому падению, то есть продаже первородства за чечевичную похлебку, то и последняя передача посвящена тому же самому. Тому же самому, потому что именно с этим нам придется бороться. Причем бороться придется детально, по всем компонентам. Это не простая борьба, но эту борьбу нельзя начать, если ты из себя не изгнал все то же самое.

«Метафизика – чушь. Метафизика – ахинея. Метафизика вторична». А присяга? Присяга! Вы присягать можете, если нет символов? Вы представляете себе, как были организованы присяги в разных странах мира?

Давайте я разберу это конкретно.

Нет присяги, если нет метафизики. Потому что оружие должно быть названо священным. Потому что суд, который будет в случае, если вы измените этой присяге, должен быть судом метафизическим, абсолютным. А в противном случае присяги нет. Приезжать вы должны вместе с молодыми воинами на места, где их предки проливали кровь. А для этого должна быть история, для этого эти места должны быть не осквернены.

Так как быть с присягой? Вот так с ней и было: люди, которые присягали Советскому Союзу и клялись за него умереть, эту присягу нарушили. И уж, по крайней мере, в 1993 году они ее нарушили абсолютно.

И мы показали в этой серии передач, как они ее нарушили. Потому что в 1993 году у Ельцина, в силу грубейшего нарушения Конституции, по закону был автоимпичмент и Верховным главнокомандующим автоматически становился Руцкой. И приказы Руцкого не были выполнены. А почему они не были выполнены? Почему люди, которые прекрасно знают, что если у них есть присяга, то они сейчас существуют в особом периоде, почему эти люди ведут себя совсем по-другому? Откуда это желание вкушать радости жизни в момент, когда присяга нарушена? И когда это нарушение надо искупать. И все тоже знают, как оно искупается.

Вот оно что такое – метафизическое падение. Я разобрал сложную многоступенчатую схему, но ведь есть же и простая!

А теперь о нас...

Если мы не хотим участвовать в этом падении, мы будем делать только одно – работать!

На сегодняшний момент деятельность наша такова. Вот деятельность. Вот ее ось (рис. 9).

Осью деятельности станет организация «Суть времени», но уже зарегистрированная – с Уставом, членством, дисциплиной и всем прочим.

Нам это нужно для многих целей. Это никоим образом не отменяет наличие сетевого, виртуального интернет-клуба. В сетевом, виртуальном интернет-клубе мы благодарны любому его члену за любые формы участия. Мы только обращаем внимание на то, что чем меньше эти формы участия, тем, естественно, скромнее роль человека в организации. Иначе не бывает.

Если человек просто хочет нас поддержать, голосуя в ходе телевизионных программ по телефону, или если он хочет нас критиковать по всем моментам, но согласен с нами в том, что касается работы по сохранению территориальной целостности, – пожалуйста, двери открыты. Он вместе с нами в сетевом

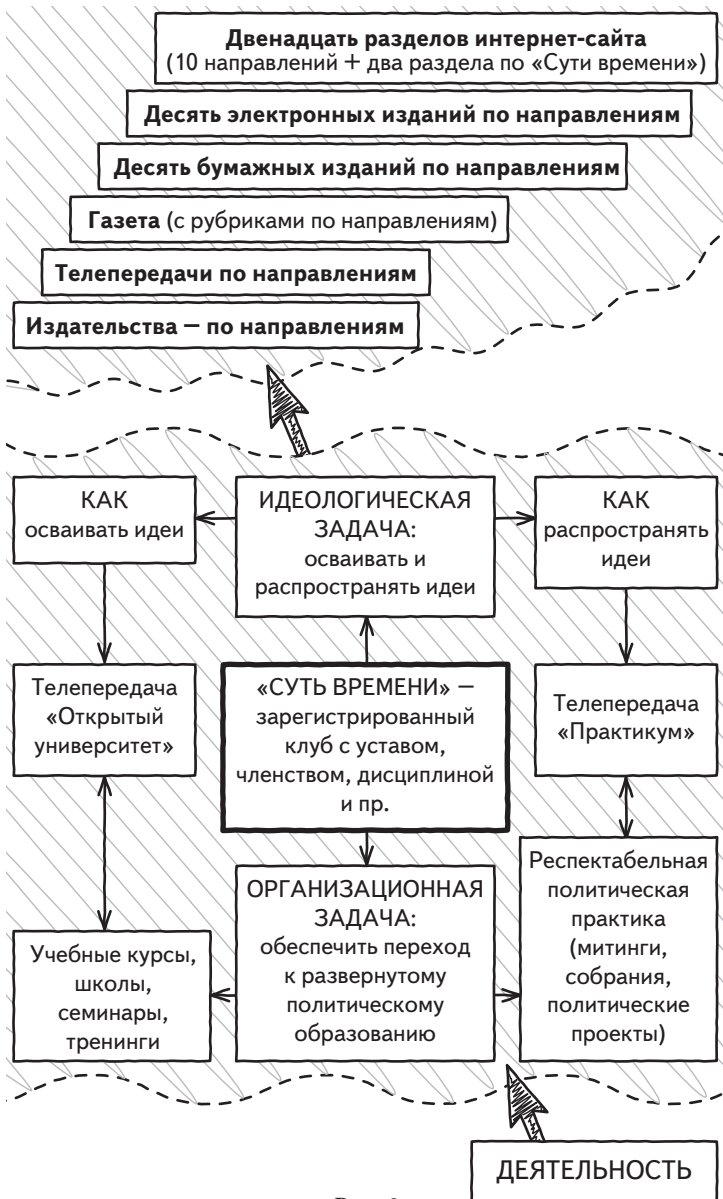

Рис. 9

сообществе. Но если мы хотим создать организацию, которая строится на единых принципах, а принципы эти мы разработали в этой серии передач, то я могу начать формирование клуба – не виртуального, а реального, зарегистрированного – только закончив серию идеологических передач.

Мы закончили первый этап. У зарегистрированного клуба будет две задачи: идеологическая и организационная. Идеологическая – осваивать и распространять идеи. Осваивать можно по-идиотски, заучивая наизусть, с ленцой или как угодно, а можно – по самым современным технологиям. И только эти самые современные технологии, огромные трудозатраты дают настоящее освоение. Распространять неосвоенное нельзя. И, опять-таки, распространять можно архаически, лениво, а можно так, что идеи охватят массы.

Так вот, осваивать и распространять идеи – это увлекательнейшая задача. Для решения первой задачи (освоение) будет создана одна телепередача. Не знаю, как она будет называться, сейчас назовем ее условно «Открытый университет». Под это же будут сформированы учебные курсы, семинары, тренинги. А под распространение – телепередача «Практикум». И опять-таки в пределах нее мы будем разбирать все, что касается политической практики.

Итак, идеологическая задача – осваивать и распространять идеи.

Организационная задача – обеспечить переход к развернутому политическому образованию. Сюда входят и школы, семинары, тренинги, которые надо организовывать. И респектабельная политическая практика: митинги, собрания, политические проекты – такие, как и проект, который я сейчас озвучил.

У нас будет 12 разделов интернет-сайта: 10 – по направлениям, которые я сейчас оговорю, и 2 – с «Сутью времени».

Направления таковы. У нас было направление «Территориальная целостность»? Было. Мы создадим сначала электронный, а потом бумажный журнал «Территориальная целостность». Кто и зачем разваливает Российскую Федерацию? Пусть это будет информационно-аналитический альманах (рис. 10).

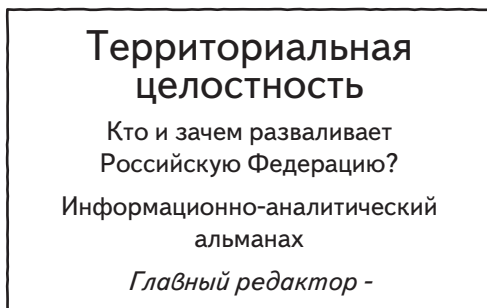

Рис. 10

У нас было направление «АКСИО»? Мы создадим опять-таки сначала электронный, потом бумажный вариант информационно-аналитического альманаха «Реальная Россия. Данные, исследования, модели» (рис. 11).

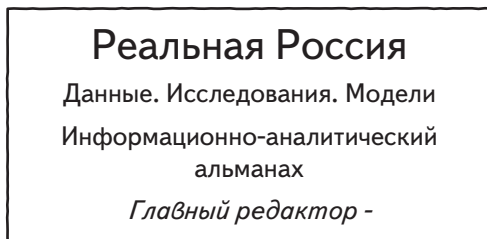

Рис. 11

У нас было «Историческое достоинство» третьим направлением? Под него и издадим «Историческое достоинство. Проблемы исторической идентичности» – историко-политический альманах. И опять-таки сначала электронный, а потом бумажный (рис. 12).

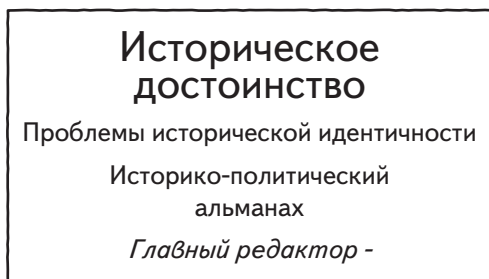

Рис. 12

У нас было направление «АЛЬМОР» – альтернативные модели развития? Под него уже начинает работать альманах «Ковчег. Развитие за рамками классического модерна» – концептуальный альманах (рис. 13).

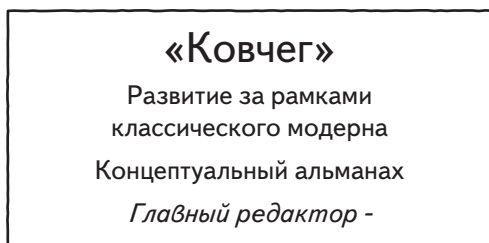

Рис. 13

У нас есть клуб «Содержательное единство». Он занят аналитической деятельностью – вот той, о которой я сейчас тоже говорил. Вот под эту аналитическую деятельность пусть будет создан «Дневник аналитика. Актуальные проблемы внутренней и внешней политики» – концептуально-аналитический бюллетень (рис. 14).

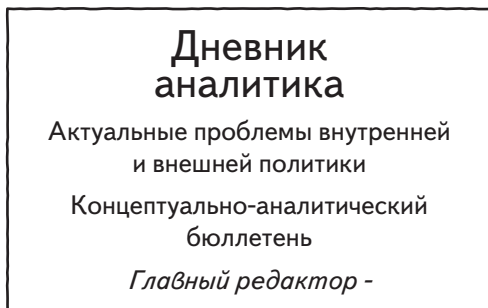

Рис. 14

У нас есть «Экспериментальный творческий центр» как институт. Он занимался и занимается аналитикой нетранспарентных элитных игр. Вам надо понять не только то, что происходит на политической поверхности, но и то, что происходит на глубине. Как это анализировать? Как это понимать? Как отличать тут конспирологию от нормальной теории элит? Вот этот электронный и бумажный журнал мы тоже создадим (рис. 15).

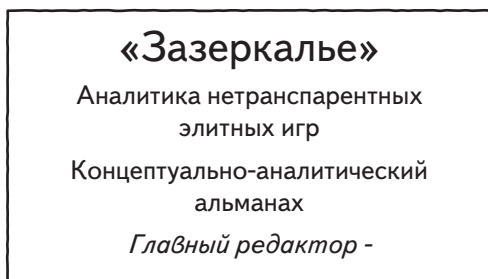

Рис. 15

У нас есть «Школа высших смыслов». Создадим альманах «Красная гора. Исследования фундаментальных духовных альтернатив: хилиастической, гностической и других» (рис. 16).

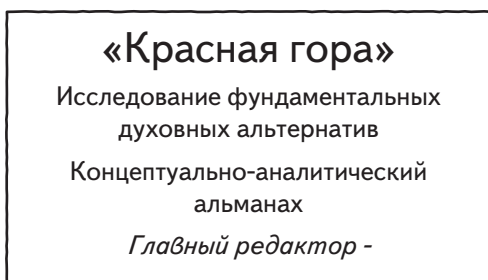

Рис. 16

Мы говорили в восьмом направлении о контррегрессивной деятельности, о создании среды духовной самозащиты и духовного роста. Мы, во-первых, создадим альманах «Катакомбы» – о формировании коллективов на принципах духовной самозащиты и духовного роста. И мы рассмотрим все такие практики в мире (рис. 17).

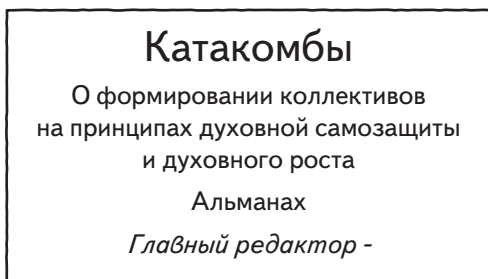

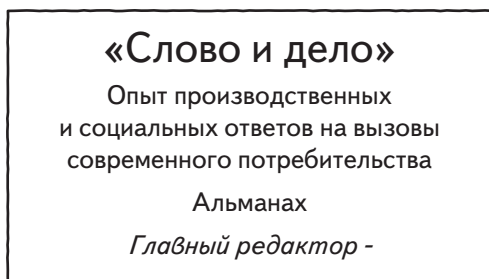
Рис. 17

И, во-вторых, мы создадим интеллектуальные клубы, киноклубы, клубы по интересам, лектории, конференции, дискуссионные клубы, спортивные клубы, школы, молодежные лагеря, осмысленный интеллектуальный, духовный туризм, организацию праздников, совместный отдых, центры взаимопомощи, печатные органы – вот такие, как очень хороший орган «Хроника антикультурной жизни». Вот это все вместе будет связано с восьмым направлением – «Контррегрессивная деятельность» (рис. 18).

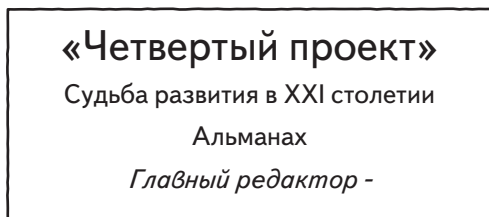
Рис. 18

Девятое направление – жизнедеятельность, производственная деятельность в коллективах единомышленников. Альманах будет называться «Слово и дело. Опыт производственных и социальных ответов на вызовы современного потребительства». Мы будем рассматривать испанский, итальянский, латиноамериканский и другой опыт того, как работают за рамками современного потребительства коллективы, производственные коллективы (рис. 19).

Рис. 19

То, что мы назвали «Четвертый проект. Сверхмодерн» мы развернем в альманах «Четвертый проект. Судьба развития в XXI столетии» (рис. 20).

Рис. 20

И вот в соответствии с этими десятью направлениями мы создадим 12 разделов интернет-сайта, 10 электронных изданий, 10 бумажных изданий. А когда мы создадим эти 10 бумажных изданий, мы создадим газету, в которой каждая страница будет представлять собой выжимки, концентрат одного из изданий (рис. 21).

Двенадцать разделов интернет-сайта (10 направлений + два раздела по «Сути времени»)
Десять электронных изданий по направлениям
Десять бумажных изданий по направлениям
Телепередачи по направлениям
Газета (с рубриками по направлениям)
Издательства по направлениям

Рис. 21

Мы будем думать и создавать, собирая коллективы единомышленников, телепередачи по направлениям. И мы создадим издательство по этим направлениям, для того чтобы были книги. Тогда мы будем готовы к широкому, нормальному политическому образованию, в которое будут вовлечены тысячи и тысячи людей, которые понесут дальше мысль. И в пределах всего, что мы создаем, мы будем противостоять метафизическому падению, как порче. И мы будем не болтать грязными языками о каких-то там катакомбах, не умея соорудить ничего, кроме провокаций. Мы будем действительно очищать среду от той грязи, которая мешает большинству нашего общества, мучительно выздоравливающему после двадцатилетия ужаса, взять в свои руки свою великую историческую судьбу.

Вот этим моим заявлением начинается новый этап нашей деятельности.

А передача «Суть времени» в том варианте, в котором она шла много месяцев, заканчивается.

Спасибо всем, кто ее слушал и нас поддерживал.

Спасибо и до новых встреч в новых программах.

Содержание

Выпуск №31.....	5
Выпуск №32.....	29
Выпуск №33.....	59
Спецвыпуск.....	87
Выпуск №34.....	109
Выпуск №35.....	145
Выпуск №36.....	171
Выпуск №37.....	193
Выпуск №38.....	219
Выпуск №39.....	245
Выпуск №40.....	279
Выпуск №41.....	305

КУРГИНЯН
Сергей Ервандович

СУТЬ ВРЕМЕНИ
в 4-х томах

Том 4

Научный редактор – Ю. Бялый
Художественное оформление – Д. Муллагалиев

Подписано в печать 11.05.2012 Формат 84x108 1/32

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Гарнитура «Миньон».

Объем 20 печ.л. Тираж 1500 экз. Заказ №

МОФ «ЭТЦ», 123001, г. Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1»
428019, г. Чебоксары, пр. И.Яковлева, 15